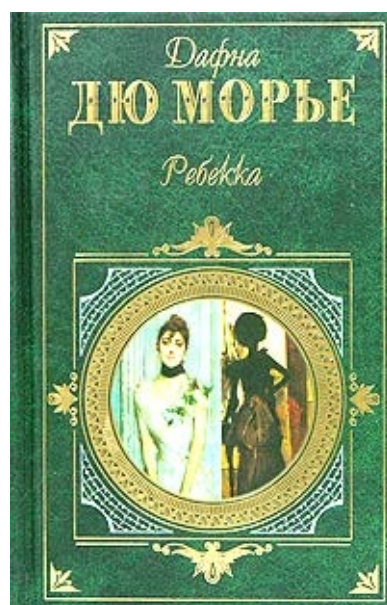

Annotation

Более тридцати изданий выдержал на родине известной английской писательницы Дафны Дю Морье ее роман «Ребекка». Сочетание всех привычных атрибутов реальной жизни со странными, неподвластными человеческому разуму событиями, держит читателей в напряжении до последней страницы. Созданный на основе романа «Ребекка» фильм с большим успехом прошел по экранам многих стран мира.

- [Дафна Дю Морье. Ребекка](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
-

Дафна Дю Мурье. Ребекка

Прошлой ночью мне приснилось, что я вернулась в Мандерли. Я прислонилась к железным воротам и некоторое время не могла проникнуть внутрь, так как они были закрыты на засов и на цепь. Я окликнула привратника, но никто мне не ответил. Подошла поближе к сторожке и убедилась, что она необитаема: из трубы не шел дымок, а сквозь запущенные окна на меня глянула пустота. Затем, словно наделенная какой-то сверхъестественной силой, как это бывает в сновидениях, я прошла сквозь закрытые ворота. Передо мной лежала дорога, такая же, какой я ее знала – вся в крутых поворотах. Но через несколько шагов стало видно, что дорога сильно изменилась: она стала узкой и заброшенной. Наклонив голову, чтобы не задеть ветки, я увидела, что здесь произошло: дорога была прорублена в густом лесу – он и раньше плотно примыкал к ней, а теперь лес снова вытеснял ее. Кроны деревьев, которых раньше и не было, смыкались над моей головой сплошным сводом. Появились какие-то неведомые растения, а кустарники превратились в деревья. Узкая лента дороги была покрыта мхом и травой, под которыми исчез гравий. Широкая когда-то подъездная аллея стала узкой тропинкой, петляющей то вправо, то влево, и видимо, это сильно удлинило путь – я никак не могла добраться до ее конца.

Но вот и замок, молчаливый и суровый, каким он был всегда. Луна освещала серые камни и высокие готические окна, из которых мы, бывало, любовались газонами и цветниками. Дом выглядел так, точно мы покинули его лишь вчера, но в саду воцарился закон джунглей: культурные растения одичали, их верхушки переплелись, первобытный хаос поглотил все.

При свете луны мне показалось, что в доме еще живут: занавески отдернуты, пепельницы полны окурков, на столике рядом с цветочной вазой еще лежит мой носовой платок. Но облако закрыло луну, и стало видно, что дом превратился в развалины, под которыми похоронены все наши муки и страхи.

Восстановить Мандерли уже невозможно. Я вспоминаю о нем наяву с двойственным чувством: это было бы самое желанное место на земле, если бы не пережитые в этом доме кошмары.

Наш теперешний скромный приют находится в чужой стране, за много миль от Мандерли. Я не расскажу о своем сне ему: ведь Мандерли больше нет, это поместье нам больше не принадлежит.

Прошлое вернуть нельзя, и мы сумели забыть то, что было необходимо забыть.

Он прекрасный товарищ и никогда не выражает сожалений, когда вспоминает о прошлом – а бывает это гораздо чаще, чем он в этом сознается: его выдает выражение лица. Оно становится похожим на маску – безжизненную, хоть и красивую, как прежде. Он курит папиросу за папиросой, быстро, с наигранным оживлением болтает – просто так, ни о чем. Мы оба пережили страх и страдания, и надеюсь, что все страшное в нашей жизни уже позади, и теперь нам остается спокойно продолжать наш жизненный путь, находя поддержку друг в друге. Мы сознаем, что отель, в котором мы живем, грязноват, еда безвкусна, а дни очень однообразны. Но мы не хотим перемен. Ведь в больших отелях крупных городов он неизбежно встречал бы свидетелей своей прежней жизни. Иногда мы скучаем, но скука – хороший противовес страху. Живем мы очень замкнуто; у меня развился настоящий талант читать вслух. Недовольство жизнью он выражает лишь когда задерживается почтальон: это значит, что наша английская почта запоздает на сутки. Мы пробовали слушать радио, но шумы в эфире очень раздражают, и мы предпочитаем сдерживать свое нетерпение и подробно перечитывать сообщения о крикетных матчах, состоявшихся в Англии много дней назад. Описание крикетных матчей, бокса и даже соревнований бильярдистов – вот наши развлечения.

Однажды я прочла о диких голубях и вспомнила леса Мандерли, где голуби постоянно летали над самой головой. Джаспер бросался ко мне с громким лаем, и голуби пугались, как пожилые дамы, застигнутые в момент умывания, и улетели с громким и беспокойным криком. Странно: статья о диких голубях вызвала в памяти целую картину прошлой жизни. Но тут я заметила, что лицо его побледнело, в нем появилась какая-то напряженность, и я сразу перешла на крикетный матч, благословляя этот вид спорта, развлекающий и успокаивающий его.

Я извлекла урок из этого случая и читаю ему только о спорте, политике и публичных торжествах. Все, что может напомнить ему нашу прежнюю жизнь, я читаю теперь про себя. Можно прочесть, например, о сельском хозяйстве: ведь это не вызывает слишком живых эмоций, хотя и скучновато.

После небольшой прогулки я возвращаюсь к чаю, который всегда

одинаков: китайский чай и два кусочка хлеба с маслом. На маленьком белом и безликом балконе я иной раз вспоминаю чайный ритуал в Мандерли. Ровно в половине пятого без единой минуты опоздания открывалась дверь библиотеки и появлялись: белоснежная скатерть, серебряный чайник с кипятком, чайник для заварки, тосты, сэндвичи, кексы, пирожки. Все это в огромном количестве, хотя оба мы ели очень мало. Джаспер, наш спаниель с мягкими ниспадающими ушами, притворялся равнодушным, будто и не замечал кекса.

Еды приносили столько, что хватило бы на неделю для целой голодной семьи. Я иногда задумывалась: куда все это девается и зачем тратить столько продуктов зря? Но я ни разу не осмелилась спросить об этом у миссис Дэнверс. Она посмотрела бы на меня свысока и сказала бы с презрительной гримасой: «Когда миссис де Винтер была жива, не было подобных вопросов».

Иногда я думаю: куда она девалась? И где находится Фэвелл? Она первая вызвала у меня беспокойство и неуверенность в себе. Я инстинктивно чувствовала, что она сравнивает меня с Ребеккой. И это ощущение разъединяло нас, как лезвие ножа.

Но все давно миновало. Мы свободны друг от друга, и мне не о чем больше беспокоиться. Даже верный Джаспер уже охотится в райских кущах, а поместья у нас больше нет. Мандерли лежит в развалинах, и лес обступает его все плотнее и плотнее.

Вспоминая о страшных событиях, я с благодарностью оглядываю маленький балкон и наши бедные комнаты. Я и сама переменялась за это время. Исчезли неловкость, робость, застенчивость, желание всем нравиться. Ведь из-за этого я и производила отрицательное впечатление на людей, подобных миссис Дэнверс.

Помню себя в то время. Одета я была в плохо сидящее пальто, нескладную юбку и самовязанный свитер. Обычно я тихо и скромно плелась за миссис ван Хоппер. Ее толстое короткое тело переваливалось на высоких каблуках. На ней широкая блуза с отлетающими рукавами, крохотная шляпка, оставляющая открытым лоб, голый, как коленка школьника.

В одной руке она держала большую сумку, в которой носила паспорт, визитные карточки и карты для бриджа. В другой – лорнетку, позволяющую ей увидеть несколько больше, чем люди хотели бы показать.

В ресторане она занимала столик в углу, у самого окна, и, подняв лорнет к своим маленьким свиным глазкам, рассматривала публику; бросив лорнет, она презрительно говорила: «Ни одной знаменитости. Скажу директору, чтобы он сделал скидку в моем счете. Для чего я приезжала в

этот ресторан? Любоваться на официантов?» Резким и грубым голосом она подзывала метрдотеля и давала ему заказ.

Как не похож маленький ресторанчик, где мы сидим сегодня, на тот громадный, пышно убранный ресторан на Лазурном берегу в Монте-Карло! И мой теперешний спутник не похож на миссис ван Хоппер. Он сидит напротив меня, по другую сторону столика, и снимает кожуру с мандарина изящными тонкими пальцами. Время от времени он отрывается от этого занятия, чтобы взглянуть на меня и улыбнуться. И мне вспоминаются жирные, унизанные кольцами пальцы миссис ван Хоппер. Как она наслаждалась едой над тарелкой равиоли, и заглядывала в мою тарелку, словно опасаясь, что я выбрала что-то более вкусное. Опасение было напрасным: официант со свойственной этой профессии проницательностью, давно уже уяснил себе, что я в подчиненном положении и со мною можно не считаться. В тот день он поставил передо мной тарелку с холодной ветчиной и холодным языком, от которых явно кто-то отказывался полчаса назад по причине плохого приготовления. Удивительно, до чего точно знают слуги, когда и на кого можно вовсе не обращать внимания. Когда мы с миссис ван Хоппер гостили в одном поместье, горничная никак не отвечала на мой звонок. Утром она приносила мне чай холодным, как лед.

Я хорошо запомнила эту тарелку с ветчиной и языком. Они были засохшими и неаппетитными, но у меня не хватило храбрости отказаться от них. Мы ели молча, так как миссис ван Хоппер уделяла большое внимание еде. По лицу ее было видно – да и соус, стекавший по ее подбородку, подчеркивал это – что блюдо пришлось ей по вкусу. Это зрелище еще ухудшило мой аппетит, и я рассеянно глядела по сторонам.

Рядом с нами за столик, который пустовал уже три дня, усаживался новый приезжий. Метрдотель всячески старался ублажить его. Миссис ван Хоппер положила вилку и взялась за лорнет. Приезжий не замечал, что его появление вызвало любопытство, и рассеянно изучал меню. Миссис ван Хоппер сложила лорнет и наклонилась ко мне через столик. Ее маленькие глазки горели от возбуждения, и она громким шепотом сказала: «Это Макс де Винтер, владелец Мандерли. Вы, наверное, слышали о нем? Не правда ли, он выглядит больным? Говорят, что он никак не может оправиться после смерти жены».

Как бы сложилась моя жизнь, если бы миссис ван Хоппер не была таким снобом? Надо признать, что ее тщеславие оказало влияние на мою дальнейшую судьбу. Любопытство было ее манией. Вначале я смущалась, замечая, как люди смеялись за ее спиной, как они быстро выходили из комнаты, в которую входила она.

Она ежегодно приезжала на Лазурный берег, играла здесь в бридж и выдавала за своих близких знакомых всех мало-мальски известных приезжих, хотя ее знакомство с ними чаще всего ограничивалось тем, что она видела их на другом конце зала в почтовом отделении Монте-Карло. У нее была такая внезапная и напористая манера нападать на людей, что ей часто удавалось завести знакомство с теми, кто этого совсем не желал. Иногда она посылала меня одолжить бумагу или книжку у намеченных жертв. С того дня прошло уж много лет, но я помню, что сразу же разгадала ее маневр. Она быстро закончила свой завтрак, чтобы подкараулить нового приезжего у входа.

– Быстрее поднимитесь наверх, – сказала она мне, – и принесите письмо моего племянника, то самое, в котором он описывает свой медовый месяц. Там еще в конверт вложены фотографии.

План был уже составлен ею: племянник должен послужить ей поводом для завязывания нового знакомства. Такт и скромность не были ей добродетелями, а сплетни составляли основу жизни. Материал для них должен был поставлять каждый приезжий.

Я нашла в номере письмо, которое она требовала, но прежде чем спуститься в ресторан, на минутку задержалась. Мне хотелось предупредить его, чтобы он избегал встречи с нею. Если бы только у меня хватило храбрости спуститься по служебной лестнице и подойти к нему с другого конца ресторана! Но условности для меня были слишком непреложны, да и как я смогу заговорить с ним? Ничего не оставалось, как вернуться на свое место рядом с миссис ван Хоппер, широко улыбающейся в предвкушении, как она, точно большой жирный паук, будет плести паутину вокруг нового приезжего.

Но когда я вернулась, оказалось, что он уже покинул свое место за столиком, а она, боясь упустить его, рискнула, не дожидаясь письма, представиться ему. Они сидели рядом на диване. Я подошла и молча передала ей письмо. Он тотчас встал, а она, упоенная своим успехом

представила меня, назвав мое имя и указав на меня едва заметила жестом.

– Мистер де Винтер будет пить с нами кофе. Найдите официанта и скажите ему, чтобы он принес еще чашечку.

Это было сказано таким тоном, который давал понять, что я – существо слишком молодое и незначительное, чтобы вовлекать меня в разговор. Именно таким тоном она обычно и представляла меня. После того как однажды меня приняли за ее дочь, она старалась показывать знакомым дамам, что они могут меня полностью игнорировать, а мужчинам – что они могут снова разваливаться в кресле и не утруждать себя предупредительностью ко мне. Поэтому для меня было неожиданным, что этот джентльмен не сел на диван и сам позвал официанта.

– Мы будем пить кофе втроем, – сказал он.

И, прежде чем я поняла его маневр, он сел на жесткий стул, который обычно предназначался мне, а мне предоставил место на диване рядом с миссис ван Хоппер, которая была несколько раздосадована, но через секунду уже снова улыбалась и, навалившись грудью на стол, наклонилась к собеседнику. Размахивая письмом в руке, она заговорила быстро и громко:

– Вы знаете, я узнала вас, как только вы вошли в ресторан. Подумать только, сказала я, ведь это же мистер де Винтер, друг нашего Билли! Я должна показать ему фотографии Билли и его молодой жены. Они снимались в свой медовый месяц. Посмотрите, это – Дора. Не правда ли, она очаровательная! Какие у нее дивные огромные глаза! Вот они на пляже в Палм-Бич. Билли с ума сходит по ней. Когда мы устраивали прием у Клариджа, он еще не был с нею знаком... Как раз на этом приеме я впервые увидела вас. Но вы, я думаю, уже не помните такую старуху, как я... – она кокетливо улыбнулась, обнажив все зубы.

– Напротив, я отлично помню вас. – Прежде чем она углубилась в воспоминания об их последней встрече, он протянул ей портсигар, и необходимость зажечь сигарету заставила ее на минуту замолчать.

Меня никогда не тянуло в Палм-Бич, но и его пребывание во Флориде показалось бы мне нелепым. Пожалуй, он был бы на месте где-нибудь в старинном городе, например, пятнадцатого века, с узкими и тесными улицами. Его задумчивое привлекательное лицо показалось мне необычным и напомнило знаменитый «Портрет неизвестного», виденный мною в какой-то картинной галерее. Если бы он сменил современный английский костюм из твида на бархатный камзол с кружевами на воротнике и на манжетах, то казался бы сошедшим со старинной гравюры.

Кто же написал «Портрет неизвестного»? Но мне не удалось

вспомнить автора. Они между тем продолжали беседу, за которой я не следила, будучи погруженной в свои фантазии.

– Я полагаю, что будь у Билли такое поместье, как ваше Мандерли, – она добродушно усмехнулась, – он не поехал бы в Палм-Бич. Говорят, ваше поместье – это волшебная страна. Другого сравнения не подобрать.

Она рассчитывала, что ее лесть будет вознаграждена улыбкой, но он продолжал молча курить, и морщинка меж его бровями несколько углубилась.

– Я видела фотографии Мандерли, и – продолжала она, – на них все выглядит действительно очаровательным. Билли рассказывал, что это самое прекрасное из больших поместий в Англии. Удивляюсь, как вы смогли покинуть его!

Его молчание выглядело теперь печальным и заставило бы замолчать каждого, кроме миссис ван Хоппер. Любой бы понял, что перешел границу, дозволенную приличием.

– Вы, англичане, не любите расхваливать свои поместья, – продолжала она, все более повышая голос, – чтобы не казаться гордыми. Но я знаю, что в вашем замке есть большой музыкальный зал и галерея старинных ценных портретов, не правда ли? – она повернулась ко мне и как бы пояснила: – Мистер де Винтер так скромен, что не хочет сознаться в этом. Насколько мне известно, замок принадлежал его семье еще во времена нормандского нашествия. Полагаю, что ваш замок нередко посещали члены королевской семьи...

Это было уже слишком, даже я не ожидала такого. Он ответил спокойно, с легким оттенком насмешки:

– Никто не посещал после Этельреда Второго, прозванного Нерешительным. Именно в Мандерли он получил это прозвище, так как неизменно опаздывал к обеду.

Она заслужила насмешку, но даже не почувствовала ее.

– Это действительно так? Я об этом ничего не знала. Мои познания в английской истории очень смутны. Я напишу об этом своей дочери – она очень эрудированная и серьезная.

Наступила пауза.

Я почувствовала, что лицо мое залилось краской. Я бала слишком молода; будь я немного постарше, я сумела бы улыбнуться ему и показать, что так же, как он, осуждаю ее невозможное поведение. И это создало бы между нами какое-то взаимное понимание. Кажется, он почувствовал, что я смущена, и спросил мягким ласковым голосом, не хочу ли я еще чашечку кофе. Я поблагодарила и отказалась. Он разглядывал меня, видимо,

стараясь уяснить мои отношения с миссис ван Хоппер.

– Что вы думаете о Монте -Карло? – обратился он ко мне, включая в общую беседу. – Или вовсе о нем не думаете?

Ощущая себя плохо причесанной, с красными, как у школьницы локтями, я смущенно пробормотала что-то о бессмысленности и вычурности здешней природы.

– Мадемуазель избалована, мистер де Винтер, – заметила миссис ван Хоппер. – Многие девушки продали бы душу, лишь бы увидеть Монте-Карло.

– Может быть, переменим тему? – предложил он.

– Я верна Монте-Карло, – продолжала она, выпустив облако сигаретного дыма. – Английская зима разрушает мое здоровье, и мне нужен Лазурный берег, чтобы восстановить его. А что привело сюда вас? Будете играть в «железку и"ли захватили клюшки для гольфа?

– Я еще не решил... Сорвался из дому почти внезапно.

Видимо, в нем снова проснулись горестные воспоминания. Он нахмурился, но она с упоением продолжала болтовню.

– Я понимаю, что вам не хватает английских туманов, да и весна в вашем поместье, вероятно, очаровательная.

В его глазах промелькнуло что-то касающееся его одного, и он коротко ответил:

– Да, Мандерли выглядит весной превосходно.

Наступила пауза. Я снова увидела неосмысленное сходство с «Портретом неизвестного» ...Голос миссис ван Хоппер ворвался в мои мысли, как электрический звонок:

– Я думаю, что вы встретите здесь массу знакомых; хотя, должна сказать, что в этот сезон здесь исключительно неинтересно. Прибыл на своей яхте герцог Миддлсекский, но я еще не навестила его. (Насколько мне было известно, ее бы никогда не приняли на этой яхте). Вы, конечно, знакомы с Шелли Миддлсекс? Она очаровательна. Говорят, что ее второй ребенок вовсе не от мужа, но я этому не верю. Люди вечно сплетничают о красивых женщинах. Скажите, а правда ли, что женитьба Кэкстон-Хейлопа неудачна?

Она выкладывала весь наличный запас сплетен, не замечая, что называемые имена ему совершенно незнакомы и неинтересны и что он становится все холоднее и холоднее. Однако он не прерывал ее и не смотрел на часы, как будто решил терпеть до конца. Но из отеля пришел лакей и сказал, что миссис ван Хоппер ждет в ее номере портниха. Мистер де Винтер встал.

– Не позволяйте мне задерживать вас. Ведь мода сейчас так быстро меняется, что она может стать другой, пока вы поднимаетесь по лестнице.

Она восприняла это только как милую шутку.

– Было так приятно встретиться с вами, мистер де Винтер. Теперь, когда я храбро разбила лед между нами, надеюсь, мы часто будем встречаться. Завтра вечером у меня будет кое-кто в гостях. Почему бы и вам не зайти?

Я отвернулась и не видела его лицо, пока он придумывал отговорку.

– Очень сожалею, но завтра, вероятно, я уеду в Соспель и не знаю, когда вернусь.

Она не возражала, но и не входила в лифт, будто чего-то дожидаясь.

– Надеюсь, вам дали хорошую комнату, ведь сейчас много свободных. Вы можете потребовать и другую. Ваш лакей еще не распаковал ваши вещи?

– У меня нет лакея... Не желаете ли вы его заменить?

На этот раз она поняла насмешку и слегка смутилась. Затем она повернулась ко мне:

– Может быть, вы пожелаете помочь мистеру де Винтеру? Вы ведь ловкая девушка.

– Прекрасное предложение, – сказал он, – но в моей семье есть традиция: «Кто хочет ехать быстро, должен ехать один. «Вы, возможно, об этом не слышали. – Не дожидаясь ответа, он повернулся и ушел.

– Как странно, – сказала миссис ван Хоппер, когда мы вошли в лифт. – Как вы полагаете, его неожиданный уход был своеобразной шуткой? Мужчины иногда так странно себя ведут. Я помню одного весьма известного писателя, у него была привычка удирать черным ходом, как только он замолчал, что я поднимаюсь по парадной лестнице. Думаю, он был равнодушен ко мне и не мог за себя поручиться. Ну, я тогда была намного моложе.

Лифт остановился, бой открыл нам дверь, и мы пошли по коридору к номеру.

– Кстати, дорогая, – сказала миссис ван Хоппер, – не хочу испортить вам настроение, но сегодня вы слишком старались выставить себя напоказ. Вы даже пытались монополизировать беседу, чем очень смутили меня. Да и его, думаю, тоже. Мужчины не любят подобное поведение.

Я промолчала.

– О, пожалуйста, не обижайтесь. В конце концов, я отвечаю за ваше поведение. А кроме того, совет женщины, которая по возрасту годится вам в матери, всегда полезен... Я иду, Блэз, иду!.. – и что-то напевая, она

удалилась в спальню, где ее ждала портниха.

Я подошла к окну, наслаждаясь видом моря под ярким солнцем и запахом свежего морского ветра.

Через полчаса мы будем сидеть в этой же комнате с плотно закрытыми окнами и до отказа включенными калориферами отопления. А потом я буду отмывать пепельницы, вдыхать запах окурков, вымазанных губной помадой и убирать блюдца с растаявшим шоколадным кремом.

Научиться играть в бридж не так-то легко, если до этого я знала только детские карточные игры. К тому же ее приятельницы не хотели видеть меня партнером по бриджу. Моя молодость мешала им свободно смаковать сплетни и скандалы. Без меня они чувствовали себя свободнее.

Что же касается ее знакомых мужчин, то они, намекая на мое недавнее окончание средней школы, задавали мне глупые вопросы из школьной программы, как будто со мной больше не о чем было разговаривать.

Я вздохнула и отвернулась от окна. Мне вспомнился прелестный уголок, куда я случайно забрела два дня назад. Высоко на скале, прилепившись к горному склону, стоял узкий старинный дом со щелевидными окнами. Я достала альбом для рисования. Мне захотелось набросать по памяти этот этюд, но машинально я нарисовала мужской профиль: мрачный взгляд, характерный нос и презрительно вздернутая верхняя губа. Затем я пририсовала остроконечную бородку и кружевной воротник, подражая старым мастерам.

Кто-то постучал. В номер вошел посыльный с письмом.

– Мадам в спальне, – сказала я ему. Но он отрицательно покачал головой: письмо было адресовано мне, а не ей.

Я вскрыла конверт. На листке незнакомым почерком написано несколько слов: «Простите меня. Я был сегодня очень груб». И все. Ни подписи, ни обращения. Но на конверте – мое имя, как ни странно, совершенно правильно написанное.

– Будет ли ответ? – спросил посыльный.

– Нет, не будет.

Я положила конверт в карман и вернулась к своему рисунку. Почему-то он мне разонравился: лицо безжизненное, а бородка и воротник выглядели бутафорией.

На утро после бриджа миссис ван Хоппер проснулась с воспаленным горлом и высокой температурой. Я сейчас же вызвала врача, он поставил диагноз – грипп – и прописал постельный режим.

– Я не доволен вашим сердцем, – сказал он. – Его работа не наладится, пока вы не полежите в постели в полном покое.

Он обратился ко мне:

– Я предпочту, чтобы за миссис ван Хоппер ухаживала опытная медсестра. Вы вряд ли сможете обеспечить надлежащий уход. Это продолжится не более двух недель.

К моему удивлению, миссис ван Хоппер с ним полностью согласилась. Думаю, она предвкушала сочувственные визиты друзей, подарки, цветы и всеобщее внимание. Ей уже надоела жизнь в Монте-Карло, и болезнь внесет некоторое разнообразие. Сиделка будет делать ей инъекции, легкий массаж и следить за ее диетой. А она в своей самой нарядной ночной кофте и в чепце, украшенном лентами, будет принимать визитеров.

Мне было немного стыдно, что я уходила от нее с легким сердцем. Я позвонила по телефону ее друзьям, отменила назначенные встречи и спустилась в ресторан, по крайней мере, на полчаса раньше обычного.

Я надеялась, что в зале будет пусто, так как публика обычно приходила к ленчу не ранее часа. И действительно, зал был пустым, и лишь столик рядом с нашим оказался занятым. А я-то думала, что он уехал в Соспель, как говорил. Видимо, он пришел к завтраку так рано, чтобы избежать встречи с нами. Но я уже прошла половину зала и поэтому не могла повернуть назад. После расставания возле лифта накануне, я его не видела: он не обедал в ресторане, возможно, по той же причине, по которой пришел так рано к завтраку.

Мне хотелось выглядеть более взрослой и более уверенной в себе. Я направилась прямо к нашему столику, села и развернула салфетку, но задела вазочку с цветами, стоявшую на столе. Вазочка опрокинулась, вода залила скатерть и потекла к моему прибору. Сосед моментально вскочил и бросился вытирать мой стол своей сухой салфеткой.

– Вы не сможете завтракать за мокрым столом, – сказал он. – Прошу вас, встаньте и отойдите немного в сторону.

Официант, увидев из другого конца зала, что что-то случилось, бросился к нам.

– Неважно, – возразила я. – Сегодня я завтракаю одна и найду себе сухое местечко.

Но обратился прямо к официанту:

– Поставьте еще один прибор на мой столик. Мадемуазель будет завтракать вместе со мной.

– О, нет-нет, не надо. Я не могу...

– А почему не можете, позвольте узнать?

Я старалась найти какой-нибудь предлог.

– Но вы ведь предлагаете это только из вежливости, а вовсе не потому, что жаждете моего общества.

– И вовсе не из вежливости, я именно хотел, чтобы вы позавтракали со мной, за моим столиком. Я бы все равно попросил вас об этом, даже если бы вы не опрокинули вазу. Садитесь-ка за мой столик и можете не разговаривать со мной, пока не захотите.

Мы сели, и он, как ни в чем не бывало, продолжил прерванный завтрак, предоставив мне изучать меню. Он держался так свободно и непринужденно, что я почувствовала: мы действительно можем обойтись и без беседы и без ощущения неловкости. В этом не было никакой натяжки. И конечно, он не будет задавать мне дурацкие вопросы из школьной программы.

– Что случилось с вашей приятельницей? – спросил он.

Я рассказала о ее болезни.

– Мне очень жаль... – сказал он. – Надеюсь, вы получили вчера мою записку? Я должен был извиниться за свое поведение. Я был недопустимо груб. В свое оправдание могу сказать лишь то, что одинокая жизнь сделала меня дикарем.

– Вы вовсе не были грубы. Во всяком случае, до миссис ван Хоппер это не дошло. Такого рода насмешки ей непонятны. Ну, а ее неумное любопытство распространяется на всех, во всяком случае, на тех, кто занимает какое-то положение в обществе.

– Я должен чувствовать себя польщенным, что удостоился ее внимания?

– Думаю, что это из-за вашего знаменитого поместья Мандерли.

Как только я назвала это поместье, он тотчас же внутренне сжался. Здесь проходила черта, которую, очевидно, не позволено переступать.

Мы продолжали завтракать, и вдруг я вспомнила, что когда-то купила в деревенской лавке ярко раскрашенную открытку с изображением старинного замка. Напечатана открытка была неряшливо, но она давала представление о прекрасных пропорциях здания, широкой лестнице перед

террасой и зеленой лужайке, спускавшейся к морю. Я заплатила за открытку два пенса – половину суммы, выдаваемой мне в неделю на карманные расходы. Я спросила у лавочницы, что изображено на открытке.

– Да ведь это же Мандерли! – удивилась она моей неосведомленности.

Открытка давно потерялась, но воспоминание о первом впечатлении от Мандерли сохранилось. Мои симпатии были на стороне владельца поместья, а не миссис ван Хоппер. Я представила себе, как она, заплатив шесть пенсов за вход, расхаживает по залам замка, нарушая тишину своим вульгарным смехом.

Наши мысли, очевидно, одновременно коснулись миссис ван Хоппер, потому что он вдруг спросил:

– Ваша приятельница намного старше вас. Может быть, она ваша родственница? Давно ли вы знакомы с ней?

– Она мне не приятельница – я у нее служу. За исполнение обязанностей компаньонки она платит мне девяносто фунтов в год.

– Вот уж не думал, что можно купить себе компаньона! Это напоминает мне восточные рынки, где покупали рабов.

– Однажды я заглянула в словарь, чтобы выяснить точно, что означает слово «компаньон». Там было сказано, что компаньон – это очень близкий товарищ.

– Но зачем же вы согласились на это? – продолжал он улыбаясь.

– Ведь у вас с ней так мало общего! – улыбка преображала его лицо, делала его моложе и мягче.

– Я же вам сказала... Девяносто фунтов для меня – огромная сумма.

– У вас нет родных?

– Нет. Все умерли.

– У вас редкая и очень красивая фамилия.

– Мой отец был редким и красивым человеком.

– Расскажите мне о нем.

Рассказать об отце не так-то легко. Я никогда не говорила о нем с другими. Это было что-то глубоко личное, чего никто не должен был касаться, подобно тому, как он не хотел ни с кем говорить о Мандерли.

Вспоминая этот первый совместный завтрак, я удивляюсь: как это я, застенчивая и неловкая, вдруг стала рассказывать совсем незнакомому мне человеку за ресторанным столиком в Монте-Карло историю своей семьи? А он внимательно и сочувственно слушал и смотрел мне прямо в лицо, пока я говорила.

Я рассказала даже о том, как мать любила моего отца. Он умер от пневмонии. А она последовала за ним через короткие пять недель.

Ресторан начал заполняться. Слышались разговоры, смех, звон посуды. Я взглянула на часы, было уже два. Полтора часа мы провели в ресторане, причем все это время говорила я одна. Я смутилась и стала извиняться.

– Мы начали беседу с того, – остановил он меня, – что я сказал вам, что у вас редкая и красивая фамилия. Теперь же я могу сказать, что эта фамилия так же хорошо подходит вам, как, видимо, подходила вашему отцу... Я уже давно не получал такого удовольствия, как от беседы с вами. Вы отвлекли меня от меня самого, от моих печальных воспоминаний, терзающих меня уже целый год.

Я взглянула на него и поверила, что это правда. Лицо его стало спокойнее и мягче, будто ему удалось разогнать тучи, омрачающие его жизнь.

– У нас с вами одинаковая печаль, – продолжал он, – мы оба одиноки на белом свете. У меня, правда, есть сестра, но у нас с ней мало общего. Есть еще бабушка. Я посещаю старушку по долгу родства три раза в год. Но товарища у меня нет... Я приношу поздравления миссис ван Хоппер: это же очень дешево – заплатить за вашу дружбу девяносто фунтов в год!

– Вы забываете, что у вас есть дом, пристанище, а у меня и этого нет...

Я тут же пожалела о своих словах: глаза его стали снова тоскующими, как у загнанного зверя, и улыбка исчезла с лица. Но вскоре он снова заговорил:

– Итак, у компаньона, то есть у «близкого товарища», сегодня выходной день. И что же он предполагает делать?

Я рассказала ему о маленьком домике на скале на окраине Монте-Карло и призналась, что хотела бы зарисовать этот домик.

– Я отвезу вас туда на автомобиле, – решил он и не стал слушать мои протесты.

Его решение очень смутило меня. Недаром же вчера миссис ван Хоппер упрекала меня в навязчивости.

Я уже заметила, что совместный завтрак с мистером де Винтером возвысил меня в глазах ресторанной прислуги. Когда я вставала, метрдотель бросился отодвинуть мой стул и поднял с пола упавший платок. Он кланялся, улыбался и спрашивал, довольна ли я завтраком. А накануне совсем не замечал меня. Это излишнее внимание показалось мне унижительным, я презирала снобов, привыкших к нему.

– Что с вами? – спросил мой спутник. – Вас что-то огорчило?

Пока мы пили кофе, я рассказала ему, как вчера мадам Блэз, портниха миссис ван Хоппер, предложила мне сто франков за то, что я привела миссис ван Хоппер в ее магазин. Красная от смущения, я отказалась, и

тогда мадам Блэз сказала:

– Может быть, вы предпочитаете, чтобы я вам что-нибудь сшила? Заходите, пожалуйста, и выберете, что вам понравится.

Я надеялась, что выслушав эту глупую историю, он рассмеется, но он сказал мне вполне серьезно:

– Полагаю, что вы сделали большую ошибку...

– Отказавшись от денег?

– О нет. За кого вы меня принимаете? Вы ошиблись, поступив компаньонкой к миссис ван Хоппер и приехав с ней сюда. Вы слишком молоды и слишком мягки для такой работы. Инцидент с комиссионными от мадам Блэз – это только начало. Такое будет случаться постоянно, и вам ничего не останется, как стать такой же, как мадам Блэз. Кто надоумил вас наняться компаньонкой? Думали ли вы когда-нибудь о своем будущем? Вы можете надоесть миссис ван Хоппер, и что тогда?

Он допрашивал меня, будто знал много лет и имел право давать советы.

– Ну что ж, найдутся и другие старухи вроде миссис ван Хопер, – ответила я. – Ведь я же молода и здорова.

И тут я вспомнила длинные столбцы газетных объявлений: предложение всегда превышало спрос.

– Сколько вам лет? – спросил он и, когда я ответила, рассмеялся и встал со стула. – Я знаю этот возраст. В эти годы страх перед будущим отсутствует, а упрямство особенно сильно... Жаль, жаль, что мы не можем обменяться с вами годами... Ну, ладно. Поднимитесь наверх, наденьте шляпу, а я пока подам автомобиль к подъезду.

Он наблюдал за мной, пока я не вошла в лифт. Я думала о том, что плохо поняла его вчера, сочтя жестоким и насмешливым после более чем холодной беседы с миссис ван Хоппер. Теперь я чувствовала в нем друга, близкого мне уже много лет, брата, которого у меня никогда не было.

Я села в автомобиль рядом с ним, и началась наша прогулка по Монте-Карло. Оказалось, что я его до сих пор не видела, а если и видела, то не замечала.

Я была в том же нескладном фланелевом костюме, юбка которого была светлее жакета от длительной носки. На голове была уродливая шляпка с резинкой, а на ногах – туфли на низком каблуке. И все-таки я чувствовала себя совсем по-другому, более взрослой и уверенной. С моря дул легкий веселый ветерок, мы болтали и весело смеялись.

Рисовать на таком ветру оказалось невозможным, и я только показала ему прелестный уголок, запланированный для моего альбома. А затем мы

поехали дальше. С миссис ван Хоппер мы иногда катались в старом «даймлере», который она нанимала на весь сезон, и тогда мне приходилось сидеть спиной к движению и всячески вертеть шеей, чтобы полюбоваться видами. У автомобиля, в котором я сидела сейчас, были крылья Меркурия, мы поднимались все выше и выше, и когда он, наконец, остановил машину, мы вышли и оказались на самом краю обрыва глубиной не менее шестисот метров. Ветра не было, но стало холоднее.

– Вам знакомо это место? – спросила я. – Вы бывали здесь раньше? – В моем вопросе, видимо, слышался испуг. Он взглянул на меня. Очевидно, он забыл обо мне, углубившись в свои воспоминания. Он стал похож на лунатика, и у меня даже мелькнула мысль: может быть, он ненормален или просто болен?

– Уже поздновато. Не вернуться ли нам домой? – сказала я ласковым голосом, который не обманул бы и ребенка.

Он моментально пришел в себя и начал извиняться.

– С моей стороны просто непростительно, что я затащил вас сюда. Садитесь в автомобиль и не волнуйтесь. Спуск гораздо проще, чем это кажется, глядя от сюда.

– Значит, вы все-таки были здесь раньше?

– Да. Много лет назад. Хотелось посмотреть, что тут изменилось.

– Ну и есть перемены?

– Нет. Никаких.

Зачем ему понадобилось углубляться в воспоминания, да еще при постороннем человеке. Мне вовсе не хотелось знать, какая пропасть лежит у него между прошлым и настоящим, и я пожалела, что приехала с ним сюда. Мы спускались вниз молча.

В машине он заговорил о Мандерли. Не рассказывал о своей жизни там, а описывал красоту поместья, заросли кустарников, лужайки и цветники, восходы и заходы солнца.

– Дикие цветы росли только в саду, а для дома приносили из оранжерей. Восемь месяцев в году в комнатах Мандерли стояли вазы с живыми розами...

Он говорил и говорил, а мы спускались ниже и ниже, пока не очутились на шоссе в потоке автомобилей. У подъезда отеля я сунула руку в карманчик на дверце кабины, куда положила свои перчатки, и пальцы мои наткнулись там на тоненькую книжку. Очевидно, это были стихи.

– Если хотите, можете взять эту книжку и почитать. – Голос его снова был холоден и ровен, как обычно, когда он не говорил о Мандерли. – Ну, выходите. Я должен поставить машину в гараж... За обедом я вас не увижу,

так как приглашен в другое место... Приношу вам благодарность за совместное проведенный день.

Я поднялась по ступеням. Скучный будет день, думала я, без него... И оставшиеся часы до ночи я проведу в печальном одиночестве.

Чтобы избежать расспросов миссис ван Хоппер и сиделки, я пошла в ресторан, села в самый дальний уголок и заказала чай. Официант, увидев меня одну, решил, что ему незачем торопиться и пропал. В тоске я открыла книжечку стихов, и мне бросились в глаза строки: «Feci, quod potui, faciant meliora potentes».

Я вспомнила его рассказ о Мандерли. Если он действительно так любит Мандерли, зачем же он бросил его ради Монте-Карло? Вчера он сказал миссис ван Хоппер, что покинул поместье второпях.

Я снова открыла книжку и увидела дарственную надпись: «Максу от Ребекки. 17 мая». Почерк был своеобразный, какой-то скользящий.

Я захлопнула книжку, взяла иллюстрированный журнал и наткнулась на описание старинного поместья в Блуа, его замка, старинной башни и роскошного парка, но я не восприняла ни текста, ни иллюстраций. Передо мной маячило лицо миссис ван Хоппер: вилка с равиоли застыла в воздухе и она заговорила вполголоса:

– Это была ужасная трагедия, газеты долго описывали то, что там случилось. Говорят, что сам он ничего не рассказывает об этом. Знаете ли, она утонула в заливчике возле самого Мандерли...

Как хорошо, что первая любовь не может повториться. В двадцать один год мы не очень-то смелы, и я испытывала страхи, меня непрестанно лихорадило. Я всех и всего боялась, особенно – если все станет известным миссис ван Хоппер.

– Что вы делали сегодня днем? – спрашивала она, обложившись в кровати подушками. Ее все раздражало, как и каждого, кто, не будучи по-настоящему болен, слишком долго лежит в постели.

– Играла в теннис с тренером... – и тут же подумала, что случится, если тренер навестит ее и скажет, что уже много дней не видел меня на корте.

– Конечно, пока я хвораю, у вас нет никакого дела, и я просто не знаю, чем вы занимаетесь все это время. А когда я посылаю вас за покупками, вы, вернувшись, объясняете, что забыли купить для меня таксол. Надеюсь, что вы, по крайней мере, научитесь играть в теннис. Такой слабый игрок, как вы, не годится ни в какую компанию. Вы же все время мажете.

Да, на этот раз она удивительно точно охарактеризовала меня. Уже больше двух недель я не была на корте, но все эти дни регулярно завтракала с мистером де Винтером, а потом каталась в его автомобиле.

Я уже забыла, о чем мы беседовали, объезжая окрестности Монте-Карло, но хорошо помню, как дрожали мои руки, когда я надевала шляпу, как бежала по коридору, опережая швейцара, спешившего открыть мне дверь. Он обычно уже сидел в автомобиле и просматривал газету.

– Ну, как себя чувствует сегодня «близкий товарищ», и куда он желает отправиться? – спрашивал он.

Но у меня не было никаких желаний, и если бы он просто гонял машину по кругу, я бы даже не заметила этого. Он стал гораздо мягче в обращении и не казался таким недоступным, как вначале.

– Сегодня довольно прохладно. Я накину на вас свое пальто.

И я, как школьница, радовалась, что на мне его пальто, радовалась его присутствию, возможности сидеть рядом с ним, даже если он со мной и не разговаривал. Я мечтала, чтобы память сохранила мне эти минуты в его обществе. Я сказала ему об этом, и он рассмеялся.

– Что именно хотите вы запомнить: погоду, красоту Монте-Карло или мое умение водить автомобиль?

– Я хотела бы, чтобы мне было тридцать шесть лет, чтобы на мне было

черное шелковое платье, а на шее – нитка жемчуга.

– Если бы вы были такой, то не сидели бы со мной в автомобиле. И перестаньте грызть ногти, они и так достаточно некрасивы.

– Боюсь, вы сочтете меня дерзкой, но я все-таки спрошу: почему вы ежедневно катаетесь со мной? Я понимаю, что вы делаете это из-за своей доброты. Но почему вы выбрали именно меня объектом своего милосердия?

– Я не выбрасываю вас из машины потому, что вам не тридцать шесть лет и вы одеты не в черный шелк.

Его лицо не выражало ничего, и было непонятно, смеялся ли он про себя или нет.

– Вы знаете обо мне решительно все. Правда, рассказала я вам немного, но ведь и прожила-то я короткую жизнь и со мной ничего не случилось, кроме потери моих близких. О вас же я знаю столько же, сколько знала в первый день знакомства.

– А что вы знали тогда?

– Что вы жили в Мандерли и потеряли свою жену...

Слово «жена» соскользнуло с языка, но тут же я испугалась: нельзя было это говорить, он никогда не простит мне этого, никогда уже не вернутся часы нашей приятной дружбы и болтовни. Возможно, он завтра же уедет, а миссис ван Хоппер встанет с постели и возобновится наш, опостылевший мне образ жизни. Я так углубилась в свои мысли, что не заметила, как автомобиль остановился перед отелем.

Я взглянула в его лицо, оно было совсем чужим. Не было ни друга, ни брата, который еще недавно бранил меня за привычку грызть ногти. Наконец, он повернулся ко мне и заговорил:

– Сегодня вы сказали, что хотели бы сохранить свои воспоминания. Ну, а у меня как раз обратное: я хотел бы забыть прошлое, так будто его никогда и не было. Мне не всегда удается изгнать свои воспоминания, иногда они выскакивают, как джин из запечатанной бутылки. Так было, например, во время нашей самой первой прогулки, когда я привез вас на край пропасти. Вы спросили меня, изменилось ли здесь что-нибудь, и я ответил – нет. На самом деле изменилось что-то во мне. Я был там несколько лет назад с женой. А сейчас вдруг почувствовал, что воспоминания изгладились из памяти и прошлое стало мне безразличным. Изгладились благодаря вашему присутствию. Лишь из-за вас я остался в Монте-Карло, иначе уже давно уехал бы в Италию, Грецию, а может быть, и дальше... К черту ваше пуританство, ваши слова насчет моей доброты и милосердия!.. Я ездил с вами на автомобиле потому, что хотел быть с вами,

находиться в вашем обществе. А если вы мне не верите, можете вылезать из автомобиля и идти домой пешком...

Я сжалась на сиденье рядом с ним и не знала, как поступить.

– Ну так что же? Почему вы не вылезаете?

– Я хочу домой... – голос предательски дрожал, я покраснела и могла сейчас заплакать.

Он молча включил мотор. Быстро, слишком быстро мы доехали до отеля. По моим щекам текли слезы, но я не хотела, чтобы он их заметил, не доставала платок и молча глотала их. Он вдруг взял мою руку, поцеловал ее и вложил в нее свой носовой платок.

В романах, описывающих страдания героини, обычно говорят, что «слезы украшали ее». Я взглянула в зеркальце. Со мной случилось как раз наоборот: красные глаза, распухший нос, в своей убогой одежде я выглядела еще хуже, чем обычно.

Меня больше не ожидали никакие радости. Мне предстоял ленч наедине с миссис ван Хоппер, так как сиделка отпросилась у нее на сегодня. После завтрака она заставит меня играть с ней в безик. Я буду задыхаться в душной комнате, а он в это время уедет куда-нибудь к морю и будет наслаждаться свежим ветром и солнцем.

Я чувствовала себя брошенной маленькой девочкой, но, несмотря на свое смущение, высморкалась в его платок и вытерла лицо.

– К черту! – со злостью произнес он, затем неожиданно положил руку на мои плечи и привлек меня к себе. – По возрасту вы годитесь мне в дочери, а я уже отвык обращаться с такими молоденькими.

Правя одной рукой, он все ускорял и ускорял ход машины.

– Можете ли вы забыть все, что я наговорил вам сегодня? В семье меня называли Максимом, может быть, и вы станете называть меня так же? Мы слишком долго обращались друг к другу официально.

Он снял с меня шляпу, забросил ее на заднее сиденье, наконец наклонился ко мне и поцеловал в макушку.

– Обещайте мне, что никогда не будете носить черные шелковые платья, – и он рассмеялся.

И снова солнце засияло для меня, и жизнь заиграла всеми красками, и миссис ван Хоппер была изгнана из моей жизни. Ленч и игра в карты отнимут лишь несколько часов, а затем начнется другая жизнь. И если она спросит, почему я опоздала к игре в безик, я отвечу: «Я забыла о времени, я завтракала с Максимом».

Сегодняшний день сблизил нас больше, чем все предыдущие. Он поцеловал меня, но я вовсе не смутилась. Это произошло так естественно,

и мне было приятно, но никакого волнения, непременно сопровождающего поцелуй, судя по романам, не вызвало.

– А что, Макс де Винтер все еще живет в отеле? – спросила миссис ван Хоппер после завтрака.

– Да. Он бывает в ресторане, – ответила я.

Я боялась, что теннисный тренер или еще кто-нибудь рассказал ей о моем времяпровождении, но она больше ничего не спросила и принялась неудержимо болтать:

– Он очень привлекателен, но труднодоступен. Конечно, он мог бы и пригласить меня в Мандерли, но не сделал этого, был очень сух и сдержан... Я никогда не видела его жену, но, говорят, она была очень красива и элегантна, словом – блестящая женщина. Насколько я знаю, он обожал ее. А погибла она трагически и совершенно неожиданно... Говорят, что, когда она была жива, они устраивали в Мандерли грандиозные приемы... И она называла его Максом, а не Макисом, как остальные родственники – бабушка, тетки. Я тоже должна называть его Максимом. Максом называла его только она, и только она имела на это право.

Мы с миссис ван Хоппер вели жизнь на колесах, а я всегда ненавидела деятельность, связанную с переездами, – укладывать чемоданы, запаковывать вещи... Заглянешь в опустевшие шкафы и ящики стола, и становится грустно, будто что-то потеряла навсегда. Частичка нашей души, частичка прожитой жизни остается там, где мы были и куда уже никогда не вернемся. Очередная глава нашей жизни заканчивается, тяжелые вещи запакованы и стоят в коридоре, а мелочь будет уложена в последний момент. Корзина для бумаг заполнена разорванными письмами и записками, везде валяются полупустые пузырьки из-под лекарств и пустые банки из-под кремов.

Утром, когда я наливала ей кофе, миссис ван Хоппер передала мне письмо и сказала:

– Элен уезжает в субботу в Нью-Йорк. У маленькой Нэнси был острый приступ аппендицита, и Элен возвращается домой. Я тоже решилась. Европа надоела мне до смерти. Я тоже еду домой. Как вы относитесь к тому, чтобы побывать в Нью-Йорке?

Это сообщение подкосило меня, что, по-видимому, отразилось на моем лице.

– Какая вы странная девушка. И вечно недовольны. Не могу вас понять. Неужели вы не знаете, что в Штатах девушка, не имеющая ни копейки, может очень удачно устроиться? Там много молодых людей вашего класса, много развлечений и веселых сборищ. У вас там будет свой маленький круг знакомых, и вы сможете развлекаться, как вам захочется. Ведь вам не нравится в Монте-Карло?

– Я уже привыкла к нему.

– Ну, а теперь вам придется привыкнуть к Нью-Йорку! Мы едем на том же пароходе, что и Элен. Ступайте в контору и распорядитесь, чтобы билеты и все остальное было немедленно заказано. Сегодня у вас столько работы, что некогда будет огорчаться из-за отъезда из Монте-Карло.

Я не сразу пошла вниз. Зашла в ванную, села там и уронила голову на руки. Итак, это случилось. Я должна уехать и уже завтра буду сидеть в купе спального вагона, напротив миссис ван Хоппер и держать на коленях ее шкатулку с драгоценностями или большую сумку, как горничная. Мы будем мыть руки и чистить зубы в крохотном туалете, где всегда стоит графин с водой до середины, лежит кусок мыла с прилипшим волоском, а

неизбежная надпись гласит: «Таз под умывальником».

Каждый стук колеса будет напоминать мне, что я все больше и больше удаляюсь от него, а он спокойно сидит в ресторане и даже не вспоминает обо мне. Я, конечно, сумею увидеть его и попрощаться, но нам нечего будет сказать друг другу: мы будем прощаться, как чужие. А голос внутри меня будет кричать: «Я так тебя люблю! Я так несчастна!» Мы перебросимся несколькими ничего не значащими фразами и расстанемся навсегда. В последний момент из мрака выйдет миссис ван Хоппер и, увидев ее, он вернется на свое место, за свой столик и углубится в газету.

Я пережила все это, не выходя из ванной, и даже представила себе наш приезд в Нью-Йорк. Услышала пронзительный голос Элен, этой несколько уменьшенной копии с миссис ван Хоппер. Увидела ее маленькую уродливую дочку Нэнси. Представила себе американских студентов и банковских клерков с их стандартной внешностью и стандартными разговорами: «Давайте встретимся в среду», «Любите ли вы джаз?» А я должна отвечать вежливо и любезно, хотя хочу только одного: остаться совсем одна, как сейчас в ванной.

– Что вы там делаете? – послышался крик миссис ван Хоппер.

– Сколько можно там сидеть? Хотя бы сегодня, когда у вас столько дел, вы можете не витать в облаках?

...Он, конечно, вернется недели через две в Мандерли. Там его будет ожидать груда писем и среди них мое, написанное на пароходе. Я постараюсь, чтобы оно было забавным, опишу спутников и мелкие события. Может быть, через несколько недель он снова наткнется на мое письмо, лежащее среди неоплаченных счетов. Второпях напишет несколько слов в ответ... И больше ничего вплоть до Рождества. Тогда я получу открытку с отпечатанным золотым шрифтом словами: «Счастливого Рождества и счастья в наступающем году. Максимилиан де Винтер». А поперек золотых строк он, желая быть любезным, напишет чернилами: «От Максима». Возможно, на открытке еще останется место, и он напишет: «Надеюсь, вам понравилось в Нью-Йорке»...

Я страхнула фантазии и вернулась в реальную жизнь. Миссис ван Хоппер впервые после болезни спустилась в ленчу в ресторан. Я знала, что его там нет: он еще вчера предупредил меня, что уедет в Канны. И все-таки в зал я входила со страхом, боялась, что официант спросит меня: «А вы, мадемуазель, будете завтракать, как всегда, с мистером де Винтером?» Но он промолчал.

Весь день я укладывала вещи, а вечером к миссис ван Хоппер пришли знакомые, чтобы попрощаться. После обеда она немедленно легла в

постель, а я около половины девятого спустилась в контору под предлогом, что мне нужны багажные квитанции. Клерк улыбнулся мне.

– Жаль, жаль, что вы уезжаете завтра. На будущей неделе у нас будет балет. Знает ли об этом миссис ван Хоппер? – Помолчав, он добавил: – Если вы ищете мистера де Винтера, то могу вам сообщить: он звонил из Канн и предупредил, что вернется не – раньше полуночи

– Мне нужны квитанции, – повторила я, но вряд ли он мне поверил.

Вот так. Вышло, что и последний вечер мне не удалось провести с ним. А может быть, это и к лучшему: я была бы очень грустной и скучной, и, возможно, не сумела бы скрыть свое горе.

Всю ночь я проплакала. Так плачут только в двадцать один год. Потом – уже иначе. Утром у меня были распухшие глаза, пересохшее горло и воспаленное лицо. Холодной водой, одеколоном и пудрой я постаралась привести себя в порядок. Затем открыла настежь окно и высунулась в него: может быть, утренний воздух взбодрит меня. Утро было чудесным. Было так хорошо, что я, кажется, охотно согласилась бы остаться в Монте-Карло на всю жизнь. А между тем я в последний раз причесывалась перед этим зеркалом, мылась над этим умывальником и никогда больше не буду спать в этой постели.

– Надеюсь, вы не простудились? – спросила миссис ван Хоппер, взглянув на меня.

– Нет, не думаю... – неуверенно сказала я, ища соломинку, за которую хватается утопающий.

– Терпеть не могу сидеть и ждать, когда все уже уложено. Мы могли бы уехать и более ранним поездом, если бы вы постарались. Телеграфируйте Элен о том, что мы приедем раньше срока, указанного в первой телеграмме, и распорядитесь в конторе, чтобы нам поменяли билеты.

Я пошла в свою комнату, надела выходной комплект: неизбежную фланелевую юбку и самодельный джемпер. Моя нелюбовь к миссис ван Хоппер превратилась в лютую ненависть. Даже это – последнее – утро она ухитрилась испортить и отнять у меня всякую надежду. Раз так, решила я, то отброшу и скромность, и выдержку, и гордость!

Из своей комнаты я бросилась наверх, шагая через две ступеньки. Я знала номер его комнаты. Добежав до таблички «148», я постучала в дверь.

– Войдите, – послышался его голос.

Открывая дверь, я уже раскаивалась в своей смелости: вернулся он поздно и, возможно, еще лежит в постели. Может быть, он утомлен и раздражителен. Но он не лежал в постели, а брился у окна в верблюжьей

куртке, наброшенной поверх пижамы.

– В чем дело? Что-нибудь случилось?

– Я пришла попрощаться. Мы сейчас уезжаем.

Он посмотрел на меня, положил бритву.

– Закройте дверь. Не понимаю, о чем вы говорите.

– Это правда. Мы сейчас уезжаем. Она предполагала ехать более поздним поездом, а теперь перерешила: мы едем немедленно. Ну, а я боялась, что не увижу вас больше и даже не сумею поблагодарить...

– Почему вы не сказали мне об этом раньше?

– Она ведь только вчера решила ехать. Ее дочь отплывает в субботу в Нью-Йорк. Мы встретимся с ней в Париже, поедem оттуда в Шербур и дальше.

– Она хочет взять вас в свой Нью-Йорк?

– Да... А мне ненавистна даже мысль об этом... Я буду ужасно несчастлива.

– Так чего ради вы едете с ней?

– Ведь я же вам объясняла: я работаю у нее из-за жалованья и не имею возможности отказаться от него.

– Сядьте. – Он снова взялся за бритву. – Я не отниму у вас много времени. Оденусь в ванной и через пять минут буду готов.

Схватив со стула одежду, он скрылся в ванной, а я села на кровать и огляделась. Комната была безличной. Лежала груда ботинок – их было гораздо больше, чем могло понадобиться, – и груда галстуков. На туалетном столике – шампунь и пара головных щеток, опрaвленных в слоновую кость. Я надеялась увидеть хотя бы одну фотографию, но увидела только книги и папиросы.

Через пять минут он вышел из ванной.

– Пойдем вниз. Побудьте со мной, пока я завтракаю.

– У меня нет времени. Я должна бежать в контору, чтобы обменять билеты.

– Мне нужно поговорить с вами – и он спокойно пошел к лифту. Он, видимо, не понимал, что поезд отходит через полтора часа, и миссис ван Хоппер наверняка уже звонила в контору и спрашивала – там ли я. Мы сели за стол.

– Что будем есть?

– Я уже завтракала. Кроме того, я могу побыть с вами не более трех-четырех минут.

– Принесите мне кофе, яйцо, тосты, джем и апельсин, – отдал он распоряжение официанту. Затем достал из кармана пилочку и спокойно

начал подтачивать ногти. – Итак, миссис ван Хоппер надоело Монте-Карло, и ей захотелось домой? Со мной то же самое. Только она едет в Нью-Йорк, а я в Мандерли. Что предпочитаете вы? У вас есть возможность выбора.

– Не смейтесь надо мной! Это неблагородно.

– Вы ошибаетесь. Я не из таких людей, которые шутят за первым завтраком. По утрам я всегда в прескверном настроении... Итак, повторяю, выбирайте – желаете ли вы ехать с миссис ван Хоппер в Нью-Йорк или со мной в Мандерли?

– Вы предлагаете мне место секретаря или что-нибудь в этом роде?

– Я предлагаю вам свою руку, глупышка!

Подошел официант, и я молчала, пока он не удалился.

– Вы понимаете... я же не из тех девушек, на которых вы можете жениться...

– Что вы хотите этим сказать, черт возьми!

– Не знаю, как вам это объяснить... ведь я не принадлежу к вашему кругу...

– Каков же он, мой круг?

– ...Богатое поместье Мандерли... и его окружение...

– Вы почти так же невежественны, как миссис ван Хоппер, и почти так же глупы. Я единственный человек, который имеет право судить, кто подходит для Мандерли, а кто – нет. Не думайте, что я действую под влиянием момента или из вежливости. Вы думаете, что я делаю вам предложение из тех соображений, по которым якобы катал вас на своей машине, то есть из-за доброты? Боюсь, дорогая, что когда-нибудь вы заметите, что я отличаюсь особой добротой и никогда не занимаюсь филантропией. Но вы не ответили на мой вопрос: согласны ли вы стать моей женой?

Даже в самых смелых моих мечтах я никогда не думала об этом. Как-то раз я вообразила, что он тяжело заболел и вызвал меня, чтобы за ним ухаживать. Дальше этого мои мечты не заходили.

– Мое предложение, кажется, не принято? – продолжал он. – Очень сожалею. Я-то думал, что нравлюсь вам. Какой ужасный удар для моего самолюбия.

– Вы... вы нравитесь мне... и даже очень... Я безумно люблю вас... Сегодня я проплакала всю ночь: думала, что больше вас не увижу.

Он засмеялся и протянул мне через стол руку.

– Да благословит вас бог за это! Когда вы достигнете возраста, о котором мечтаете, то есть тридцати шести лет, я напомню вам об этом разговоре, и вы не поверите мне. Как жаль, что вы станете взрослой!

Мне было стыдно, что я призналась в любви к нему. Женщины ведь не должны делать такие признания. А он смеялся. Я еще больше сконфузилась.

— Итак, о главном мы договорились... — он продолжал поглощать тосты с джемом. — Вы будете водить компанию не с миссис ван Хоппер, а со мной. Ваши обязанности останутся примерно теми же. Я тоже люблю, чтобы мне читали новые книги, люблю сыграть в безик после обеда. Есть, конечно, разница: я принимаю другие лекарства и употребляю другую пасту для зубов.

Я нерешительно барабанила пальцами по столику и думал: неужели он смеется надо мной и говорит все это в шутку?

— Я грубиян, не правда ли? Вы представляете себе, что предложения делают совсем иначе. Вы одеты в белое платье и держите розу в руке, а я пылко объясняюсь в любви к вам под звуки скрипки.

Тогда вы считали бы, что все в порядке... Бедняжка! Постарайтесь не придавать этому значения. Наш медовый месяц мы проведем в Венеции и будем плавать в гондоле, держась за руки. Но долго мы там не останемся, потому что я хочу показать вам Мандерли.

Он хочет показать мне Мандерли! Наконец, я осознала, что со мной случилось. Я стану его женой и хозяйкой Мандерли! Рука об руку мы будем гулять по роскошному саду и по лесам поместья.

Он все еще ел апельсин, давая мне время от времени ломтик. А мне представилось, как он обращается к толпе своих знакомых и говорит: «Вы, кажется еще не знакомы с моей женой? Вот миссис де Винтер». А гости восклицают: «Она же просто очаровательная!» Но я делаю вид, что ничего не слышу.

— Ну, в апельсине осталась кислая и несъедобная часть. Я не стану ее есть.

И я почувствовала горечь и кислоту во рту. До сих пор я такое не замечала в апельсинах.

— Кто же из нас сообщит новость миссис ван Хоппер? — спросил он. — Вы или я?

— Лучше скажите вы, — попросила я. — Ведь она обозлится на меня...

Мы встали из-за стола, и я подумала, может быть, он сейчас скажет официанту: «Поздравьте нас. Мадемуазель и я решили пожениться». И все станут поздравлять нас и приветствовать.

Но он ничего не сказал.

Когда мы вышли из ресторана, он спросил тихо:

— Скажите, сорокадвухлетний возраст кажется вам глубокой

старостью?

– О нет, я вовсе не люблю молодых мужчин.

– Да ведь вы их вовсе и не знаете...

Мы подошли к комнате миссис ван Хоппер.

– Думаю, что я быстрее справлюсь один, – сказал он. – Согласны ли вы повенчаться со мной немедленно или вам хочется заказать себе приданое и заняться прочей чепухой? Все можно устроить очень быстро: получить брачную лицензию, зарегистрировать брак, сесть в автомобиль и отправиться в Венецию или куда вы захотите... Вас смущает, что это будет не в церкви, без подвенечного платья, без колокольного звона, подружек невесты и хора мальчиков? Не забывайте, что я вдовец и уже однажды пережил все эти церемонии... Ну, так как же?

В какой-то момент я ощутила сожаление, что все это будет не в Англии. Ну, а к чему мне гости и поздравители? Я вовсе не мечтала венчаться в церкви.

Когда он открыл дверь, миссис ван Хоппер встретила нас криком:

– Это вы? Где вы пропадали? Я три раза звонила в контору. Мне ответили, что вы там вовсе и не были!

Мне захотелось смеяться и плакать одновременно, и я почувствовала какую-то тяжесть в области желудка.

– Можете винить во всем меня, – сказал он, входя в ее гостиную и закрывая за собой дверь.

Я услышала только ее изумленный возглас и тотчас ушла в спальню. Села у открытого окна и чувствовала себя, как в больничной приемной – сидишь и ждешь, когда выйдет ассистент и скажет: «Операция прошла благополучно. Вам не о чем больше беспокоиться.»

Интересно, конечно, было бы услышать их разговор, но сквозь стены до меня не долетало ни звука. Может быть, он сказал ей: «Я полюбил ее с первого взгляда, и мы встречались каждый день!» А она ему ответила: «О, мистер де Винтер! Это очень романтично и очень внезапно!» А я думала: какое счастье – выйти замуж за любимого человека!

Но о любви своей он ничего не сказал... Мы беседовали за столиком, он пил кофе, ел тосты и апельсин. Он говорил только о женитьбе, а о любви – ни слова. С Ребеккой он говорил, вероятно, не так... Но об этом я не должна думать. Об этом надо навсегда забыть...

Его книжечка стихов лежала у меня на кровати. Она открылась на странице с посвящением: «Максу от Ребекки. 17 мая». Я аккуратно вырезала ножичком эту страницу так, чтобы ничего не было заметно, и разорвала ее на клочки. Но и на клочках можно было увидеть скользящий,

стремительный почерк. Я собрала клочки, поднесла к ним спичку и смотрела, как они превращались в пепел. Я начинала новую жизнь, разрушая воспоминания о его прежней любви.

– Все в порядке, – сказал он, входя в спальню. – Она сначала остолбенела от изумления, а теперь начинает приходить в себя. Я схожу в контору и распоряжусь, чтобы ее скорее доставили на вокзал. Она даже заколебалась, не остаться ли ей, чтобы присутствовать на свадьбе. Но я был тверд, как камень. Теперь идите и поговорит с ней. Он опять ничего не сказал о своей любви и своем счастье, и не пошел со мной в гостиную.

Я пришла, чувствуя себя, как горничная, известившая о своем уходе через подругу. Она стояла у окна с сигаретой в зубах. Маленькая, толстая, в пальто, туго стянутом на пышной груди в маленькой дурацкой шляпке на макушке.

– Итак, я должна вас поздравить с умением работать на два фронта. Какими приемами вы этого добились?

Что ей сказать? Ее улыбка была крайне язвительной.

– Вам очень повезло, что я заболела. Теперь-то я понимаю, как вы проводили время и почему были такой рассеянной и забывчивой... А вам следовало бы все рассказать мне... Он сказал, что собирается через несколько дней жениться на вас... Ваше счастье, что у вас нет родных, а то они задали бы вам кое-какие вопросы... Но все это меня уже не касается. Я умываю руки. Интересно, что подумают о нем его друзья, родные? Но это, в конце концов, его дело. Ну, а вы учли, что он намного старше вас?

– Ему всего сорок два года, а я выгляжу старше своих лет.

Она засмеялась и, глядя на меня инквизиторским взглядом, спросила:

– Скажите мне, как другу: вы не сделали ничего такого, чего не следовало бы делать?

Она стала похожа на мадам Блэз, когда та предлагала мне сто франков.

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– Ну ладно, не обращайтесь внимания... Я всегда говорила, что английские девушки – это темные лошадки, несмотря на их спортивный вид... Итак, я должна ехать в Париж, и вы останетесь здесь и будете ждать, пока ваш возлюбленный не получит лицензию... Должна отметить, что он не пригласил меня на свадьбу.

– Он и не собирается устраивать пышную свадьбу. К тому же вы в это время будете на пути в Нью-Йорк.

– Хм-хм... Полагаю, что вы отдаете себе отчет в своих действиях. Ваша свадьба, в сущности, очень скоропалительна, вы же знаете его всего лишь несколько недель. Не думаю, чтобы у него был легкий характер, и вам

придется приспособливаться к нему... До сих пор вы вели исключительно беззаботную жизнь, ну, а теперь вам придется стоять на собственных ногах... Откровенно говоря, я не представляю себе, как вы справитесь с обязанностями хозяйки Мандерли. Вы были неспособны сказать и несколько связных слов моим друзьям, когда у меня бывали гости. Как вы будете вести беседу на больших приемах в Мандерли? Они там часто бывали, когда была жива его жена. – Она продолжала болтать, не ожидая ответа. – Конечно, я желаю вам счастья, но, боюсь, вы совершаете ошибку, большую ошибку, о которой будете горько сожалеть...

Я прекрасно знала, что я молода, неопытна, застенчива и что мне будет трудно, но в ее словах я уловила злорадство. Чисто по-женски она завидовала мне и считала мое счастье вовсе не заслуженным.

Но я решила: бог с ней, о ней я забуду. Скоро она будет сидеть одна в спальном вагоне, а мы останемся здесь, будем вместе завтракать и обедать в ресторане. Теперь у нас будет свободное время, и, может быть, он скажет, что любит меня и чувствует себя счастливым. Признания в любви даются нелегко, для них нужно соответствующее настроение и подходящая обстановка.

– Думаю, вы понимаете, почему он женится на вас, – продолжала бубнить миссис ван Хоппер. – Не льстите себя надеждой, что он влюбился. Просто он больше не в состоянии жить один в большом и пустом доме и хочет, чтобы кто-нибудь разделил с ним одиночество. Но вас понять нетрудно: он исключительно интересный и обаятельный человек.

Мы вернулись в Англию в начале мая вместе с первыми ласточками и первыми колокольчиками. Это было самое прекрасное время в Мандерли перед пышным расцветом лета.

Максим сидел за рулем, а я рядом, нескладно одетая, как обычно, с меховой горжеткой на шее и закутанная в дождевик не по росту, который доходил до пят. В руках у меня была большая кожаная сумка и перчатки.

Мы выехали из Лондона ранним утром под проливным дождем.

– В Мандерли прибудем часам к пяти, как раз к чаю, – сказал Максим. Это лондонский дождь. Там его не будет.

И правда, когда мы доехали до Эксетера, дождь прекратился и выглянуло солнце. Я обрадовалась – не хотелось прибыть в Мандерли под дождем, это было бы плохое предзнаменование.

– Ну, как, лучше чувствуешь себя? – спросил Максим.

Я улыбнулась и, взяв его за руку, подумала: как все просто для него – вернуться домой, взял пачку накопившихся писем и позвонил, чтобы принесли чай. Понимает ли он, как волнуюсь я, как мне не по себе? По-видимому, он приписывал мое молчание усталости и не понимал моих чувств.

Он освободил руку, так как впереди был поворот, и ему нужно было править обеими руками.

Я так же боялась приезда в Мандерли, как прежде жаждала его. Жаль, что Максим живет не в одном из тех маленьких коттеджей, мимо которых мы проезжали. Там жизнь для меня была бы проще и понятней. Он стоял бы на пороге с сигаретой в зубах, а я хлопотала бы, накрывая стол к ужину.

– Осталось две мили, – сообщил Максим. – Видишь, вот тот лес на склоне холма и полоску моря внизу? – Это Мандерли. И лес этот наш.

Я чувствовала себя, как ребенок, впервые пришедший в школу, как прислуга, всю жизнь проживавшая в деревне и попавшая в чужой дом.

– Сними дождевик, – сказал Максим. – Здесь, видимо, и вовсе не было дождя. Бедная моя овечка, вытащил я тебя из Лондона, а надо было сначала купить тебе несколько платьев и все такое.

– Я вовсе не интересуюсь платьями, ведь тебе тоже не интересно, как я одета.

– Большинство женщин интересуется только платьями и больше ничем. – Он повернул на боковую дорогу. – Вот мы и приехали!

Мы проехали через железные ворота мимо сторожки привратника, в окнах которой показались любопытные лица. Он, видимо, все же чувствовал, что я смущена и испугана: вдруг он поднес мою руку к своим губам.

– Не обращай внимания на любопытство. Им интересно поглядеть на тебя, но это скоро пройдет. Что же касается домоводства, то для этого существует миссис Дэнверс. Тебе ни о чем не надо будет заботиться. Она довольно оригинальная особа и вначале будет, пожалуй, колючей. Но ты будь сама собой. Этого достаточно, чтобы тебя здесь полюбили. Посмотри на этот кустарник. Когда он цветет, это сплошная синяя стена.

Я не ответила ему. Вспомнила некогда купленную открытку с видом Мандерли. И вот сейчас стала хозяйкой этого поместья и буду писать приглашения вроде: «Почему бы вам не посетить нас в Мандерли в ближайшую среду». Но пока что мне казалось довольно отдаленным время, когда я буду чувствовать себя спокойно и уверенно в собственном доме.

Дорога поворачивала то вправо, то влево. Мы ехали под кронами высоких деревьев, как под аркой. Кругом было тихо, даже шум мотора звучал как-то мягко и спокойно.

Бесконечная дорога начала уже действовать мне на нервы. Мы подъехали к сплошной красной стене из рододендронов.

– Нравится тебе здесь? – спросил он.

– Да, – робко ответила я, не будучи в этом уверена.

Рододендроны в моем представлении были скромными комнатными цветами, а здесь они были выше человеческого роста. Высокие и стройные, они стояли стеной, как батальон солдат, и вовсе не походили на цветы в горшках.

Еще один поворот, и вот он – дом моей мечты – безукоризненно красивое здание. Вот и лестницы, ведущие на лужайки, которые спускаются к самому морю. Через окно я увидела в холле какую-то толпу.

– Будь она проклята, эта женщина, – воскликнул он, резко затормозив. – Ведь знает же, что мне нежелательно такое сборище.

– Что случилось? Что это за люди? – спросила я.

– Боюсь, что нам придется это перенести. Миссис Дэнверс собрала сюда всю прислугу приветствовать нас. Но не беспокойся, тебе не надо ничего говорить. Я сам скажу, что нужно.

С лестницы спустились дворецкий и лакей. Они открыли дверцы машины. Дворецкий был старик с приятным, добрым лицом. Я протянула ему руку. Но он игнорировал мой жест. Взял у меня из рук сумку и маленький чемодан и повернулся к Максиму.

– Вот мы и приехали, Фритс, – сказал Максим, снимая перчатки.

– В Лондоне был проливной дождь, а здесь будто и не было дождя. Дома все в порядке?

– Да, сэр. Благодарю вас, сэр. У нас дождя не было уже целый месяц. Рад вас видеть, сэр. Надеюсь, вы и миледи хорошо себя чувствуете?

– Да, да, Фритс, благодарю. Но с дороги мы устали и хотели бы чаю. Не ожидал такой встречи, – он кивнул головой в сторону холла.

– Так распорядилась миссис Дэнверс, сэр, – бесстрастно ответил старик.

– Идем, – сказал мне Максим. – Это нас не задержит. Я быстро покончу с этой церемонией, и мы сможем спокойно насладиться чаем.

Мы вошли в дом, и у меня снова защемило под ложечкой. Фритс и лакей следовали за нами с моей сумкой и дождевиком. Из толпы, с жадным любопытством разглядывавшей меня, вышла скуластая женщина в черном строгом платье, бледная, с глубоко запавшими глазами. Я позавидовала ее выдержке и спокойствию. Она подошла ко мне, и я протянула ей руку. Рукопожатие было безжизненным и холодным. Ее неподвижный взгляд смутил меня. Она произнесла несколько приветственных слов, вернулась в толпу слуг и оттуда продолжала пристально смотреть на меня. Максим спокойно, непринужденно поблагодарил слуг за встречу, взял меня под руку, провел в библиотеку и старательно закрыл за собой дверь. Два спаниеля, лежавших у камина, встали и пошли нам на встречу. Они обнюхали Максима, лизнули его руки и повернули головы ко мне. Старая одноглазая собака, обнюхав меня, убедилась, что это не та, кого она ждет, повернулась к камину. А молодой пес, Джаспер, сунул нос в мою руку, затем положил голову на колени и весело забарабанил хвостом по полу.

Я погладила его шелковистые уши, сняла шляпу, бросила горжетку и перчатки на подоконник, осмотрелась. Максим привел меня в просторную комфортабельную, красиво обставленную комнату, стены которой были сплошь закрыты книжными полками. Окна выходили на газон, а вдали поблескивало море.

Чай нам подали очень быстро. Это была парадная церемония, разыгранная Фритсом и тем же лакеем.

Максим рассеянно просмотрел накопившиеся письма, время от времени улыбался мне и снова возвращался к корреспонденции. Я же пила чай и думала: как мало я знаю о его обычной жизни в Мандерли. После свадьбы мы буквально промчались по Италии и Франции, а я так была полна своей любовью к нему, что все видела его глазами. Он казался более веселым и более нежным, чем я могла предполагать, совершенно

непохожим на сухого и сдержанного аристократа, с которым я познакомилась в Монте-Карло. Он много смеялся, что-то напевал и бросал камешки в море. Морщинки между его бровями разгладились, и он уже не выглядел как человек, несущий на своих плечах непомерную тяжесть.

Потом мои мысли перешли на Мандерли. Все здесь – и прекрасный дом, и богатая библиотека, и роскошные картинки на стенах, – все поместье принадлежит теперь и мне, так как я стала женой Максима. Я представляла себе, как через много-много лет, когда мы уже постареем, мы вот так же будем сидеть за чайным столом, а рядом будут такие же спаниели (потомки теперешних), и тишину библиотеки будут время от времени нарушать наши сыновья (почему-то я была уверена, что у нас будут именно сыновья).

Мои мечты прервал Фритс, он пришел с лакеем, чтобы убрать со стола, и объявил:

– Миссис Дэнверс просила спросить вас, миледи, не пожелаете ли вы, чтобы она показала вам вашу комнату?

Максим оторвался от писем и спросил:

– Закончен ли ремонт в восточном крыле?

– О, да, сэр. Насколько я понимаю, все сделано хорошо. Мы боялись, что мастера не успеют, но уже в прошлый понедельник все было готово к вашему приезду.

– Вы там что-то перестраивали? – спросила я.

– Да нет, просто косметический ремонт: оклеили новыми обоями и покрасили окна и двери, – объяснил Максим. – Мы с тобой будем жить в восточном крыле. Там светлее, чем в западном, а окна выходят на розарий. При моей матушке в восточном крыле были гостевые комнаты. Ну, я сейчас закончу возиться с письмами, а ты пока сходи и постарайся подружиться с миссис Дэнверс. Это как раз удобный момент.

Мне очень не хотелось идти без него, я снова почувствовала себя запуганной, но пересилила себя и пошла вслед за Фритсом. Пустой холл показался мне громадным, и в его тишине резко зазвучали мои шаги. Фритс же, в мягкой обуви, ступал бесшумно.

– Какой большой зал, – сказала я.

– Да, миледи. Мандерли – большой дом. Бывают, конечно, и больше, но и этот достаточно велик. В старину этот холл служил банкетным залом, да и в наше время здесь бывают большие приемы.

Я чувствовала себя случайной гостьей, которая осматривает достопримечательности замка, поворачивая голову по направо, то налево.

На верхней площадке лестницы меня ожидала черная фигура. Глубоко

запавшие глаза смотрели на меня пристально и, пожалуй, неодобрительно. Я оглянулась на Фритса, но он уже исчез, и я осталась наедине с миссис Дэнверс. Я улыбнулась, но не встретила ответной улыбки.

– Надеюсь, я не заставила вас долго ждать?

– Я здесь для того, чтобы выполнять ваши приказы. Вы можете распоряжаться моим временем, как вам угодно.

Она пошла впереди меня по широкому длинному коридору, потом повернула налево и открыла массивную дубовую дверь. Мы вошли в небольшой будуар, дверь из которого вела в просторную спальню, рядом была и ванная. Я подошла к окну и вдохнула аромат розария.

– А моря отсюда не видно? – спросила я.

– Из этого крыла не видно, даже не слышно, хотя оно совсем рядом.

– Жаль, что его не видно. Я очень люблю море... Но комнаты превосходные... очень удобны... Здесь, кажется, делали к нашему приезду ремонт?

– Да.

– А какой эта спальня была раньше?

– Здесь были темные обои и другие занавески. Раньше в этих комнатах никто не жил. Но милорд прислал мне письмо и распорядился отремонтировать, так как собирается жить именно здесь, а не в западном крыле, как раньше.

Я подошла к туалетному столику. На нем уже были разложены привезенные мною вещи. Максим подарил мне большой набор щеток, гребенок и прочего. Миссис Дэнверс могла убедиться, что дешевых и случайных вещей в нем не было.

– Ваши вещи распаковывала Алиса, – сказала миссис Дэнверс, – она будет прислуживать вам, пока не приедет ваша собственная горничная.

– У меня нет собственной горничной. Думаю, Алиса вполне удовлетворит меня.

– Леди, занимающие такое положение в обществе, как вы, всегда имеют собственных горничных, – заявила миссис Дэнверс, глядя на меня сверху вниз.

– Если вы так считаете, то наймите для меня молодую девушку.

– Как скажете.

Хотелось, чтобы она ушла и оставила меня одну, но она упрямо продолжала разглядывать меня своими запавшими глазами.

– Вы, наверное, уже давно живете в Мандерли? – спросила я, пытаюсь завязать дружескую беседу.

– Дольше всех живет здесь Фритс. Он начал работать в Мандерли,

когда мистер де Винтер был еще мальчиком, а хозяином поместья был его отец.

– А после него приехали вы?

– Нет, я приехала сюда одновременно с покойной миссис де Винтер. – Ее бесстрастный до сих пор голос оживился, а на бледных щеках проступил легкий румянец. Перемена в ее лице была удивительная.

Миссис Дэнверс была полна снобизма, свойственного людям ее профессии, и презирала меня за то, что я «не настоящая леди», что я робка и неловка. И все же ее явное недружелюбие нельзя было объяснить только этим. Нужно было что-то сказать, не могла же я бесконечно играть своими расческами.

– Миссис Дэнверс, я надеюсь, мы с вами будем друзьями. Но вы должны кое-что понять... Для меня здесь все очень ново и непривычно. Прежде я жила совсем в других условиях. Но я хочу, чтобы здесь было все хорошо, а главное – чтобы мистер де Винтер был счастлив. Я знаю, что управление хозяйством я могу предоставить вам. Мистер де Винтер сказал мне об этом. Пусть все идет, как шло раньше. Я вовсе не хочу здесь что-либо менять.

Я замолкла и подумала: а правильно ли я веду себя с ней?

– Очень хорошо, – сказала она. – Думаю, что так будет лучше. Хозяйство лежало целиком на мне, пока мистер де Винтер жил один, то есть больше года. И он не выражал никакого недовольствия. Конечно, когда была жива миссис де Винтер, здесь шла совсем другая жизнь: всегда было много гостей и для них устраивались разные развлечения. Я и тогда вела хозяйство; но миссис де Винтер любила во все мелочи вникать сама.

– Я предпочитаю предоставить все хозяйство вам.

В ее глазах читалось, что она презирает меня и понимает, что я ее боюсь.

– Могу ли я быть вам еще чем-нибудь полезной? – спросила она.

– О, нет! – я сделала вид, будто что-то припоминаю. – У меня здесь все, что нужно, и мне будет здесь удобно.

– Но если вам что-либо не понравится, сразу скажите мне об этом.

– О, да, миссис Дэнверс. Непременно скажу.

– Если мистер де Винтер спросит, где его большой гардероб, скажите ему, пожалуйста, что мы не смогли его перенести сюда. Пытались это сделать, но двери здесь уже, чем в западном крыле, и шкаф невозможно было втащить. Если ему не понравится меблировка, пусть он скажет мне. Нелегко угадать, что ему понравится.

– О, не беспокойтесь, миссис Дэнверс. Я думаю, ему здесь понравится.

Сожалею, что этот ремонт доставил вам столько хлопот. Я была бы не менее счастлива, если бы мы поселились и в западном крыле.

– Но мистер де Винтер сказал, что вам больше понравится в восточном крыле... Хотя западное крыло более древней постройки, комнаты там значительно больше. Спальня, например, в два раза больше этой. Потолок там лепной, и отделка более нарядная. Это самая красивая комната во всем доме. А окна выходят на лужайку и на море.

Мне стало очень не по себе. Она настойчиво старается доказать мне, что я особа второго сорта и должна жить во второсортной комнате.

– Я полагаю, что мистер де Винтер дает публике возможность осматривать самые лучшие комнаты?

– О нет! Спальни публике никогда не показывают. Только холл, музыкальный зал и комнаты первого этажа. Все члены семьи жили прежде в западном крыле, а та большая комната, о которой я говорила, была спальней миссис де Винтер.

Вдруг на ее лицо легла какая-то тень. Послышались шаги, и она отошла к стене, освобождая проход. Вошел Максим.

– Ну как? – спросил он. – Здесь хорошо? Понравится тебе жить здесь? – Он весело оглядел комнату, довольный, как мальчишка. – Я всегда считал эту комнату одной из лучших, хотя мы ее почти не использовали. Спасибо, миссис Дэнверс, вы очень хорошо ее обустроили.

– Благодарю вас, сэр, – она вышла из комнаты и тихо закрыла за собой дверь.

Максим подошел к окну и облокотился на подоконник.

– Я люблю этот вид на розарий... Самое первое мое воспоминание – прогулка с мамой по розарию. Она срезала увядшие розы, а я семенял рядом своими короткими ножками... Эта комната кажется такой мирной и счастливой, здесь очень тихо. Никак не скажешь, что в пяти минутах ходьбы плещется море.

– Да, миссис Дэнверс сказала мне об этом.

Максим бродил по комнате, трогал вещи, рассматривал картины, открывал шкаф, где уже висели мои платья.

– Ну, как, поладила с миссис Дэнверс?

– Она, мне кажется, чересчур чопорна. Может быть, она боится, что я начну вмешиваться в домоводство?

– Не обращай внимания. У нее вообще много странностей, и, возможно, с ней нелегко будет ладить. Если она слишком уж будет раздражать тебя, я с ней быстро расправлюсь. Но учти, что она прекрасная хозяйка и действительно освободит тебя от всех хлопот по дому. Конечно,

она круто расправляется со слугами, но со мной всегда кротка. Если бы она только попробовала командовать мной, я бы давно ее уволил.

– Надеюсь, у нас отношения наладятся. В конце концов, понятно, что мое появление здесь для нее неприятно.

– То есть как это, неприятно? – он вдруг замолчал, подошел ко мне и поцеловал в макушку. – Давай забудем о миссис Дэнверс. Она меня мало интересует. Лучше походим по дому, я тебе покажу комнаты.

В тот вечер я больше не видела миссис Дэнверс, и мы о ней не вспоминали. Он водил меня по всему зданию, обняв за плечи, показывал меблировку и картины, развешенные по стенам. Мои шаги уже не звучали так резко, потому что ботинки Максима стучали гораздо сильнее. А рядом цокали лапы собак, сопровождавших нас по всему зданию.

Прошло уже много времени, когда Максим взглянул на часы.

– Мы опаздываем. У нас уже нет времени переодеться к обеду. Ну и прекрасно, подумала я. Пришлось бы с помощью Алисы надевать платье с открытыми плечами, подаренное мне миссис ван Хоппер, потому что оно не подошло ее дочери Элен. Было бы холодно и неудобно. Я чувствовала себя куда увереннее, сидя за столом напротив Максима в своем обычном домашнем платье. Фритс и лакей казались абсолютно незаметными, во всяком случае, они не разглядывали меня так назойливо, как это делала миссис Дэнверс. Мы болтали и смеялись, вспоминая наше путешествие по Италии и Франции, и рассматривали наши туристические снимки.

После обед мы прошли в библиотеку. Там уже были опущены шторы на окнах и в камине горел яркий огонь. Для мая вечер был холодным, и я радовалась теплу камина... Максим сел в кресло налево от камина, подложил подушку под голову, закурил сигарету и углубился в газету. Видимо, так привык он проводить вечера уже многие годы. А как проводила вечер я? Похоже, я только замещала ту, первую – сидела в кресле, которое раньше занимала она, разливала кофе из того же серебряного кофейника и так же гладила собачьи уши. Джаспер положил мне голову на колени, я вздрогнула и подумала: что бы сейчас сделала на моем месте Ребекка? Наверное дала бы ему сахар.

Я не предполагала, как четко и точно спланирована жизнь в Мандерли. В первое утро я проснулась в девять часов. Но когда я спустилась вниз, Максим уже кончил завтракать и ел фрукты. Оказывается, он уже успел написать до завтрака несколько писем. Я пробормотала что-то о том, что мои часы отстают, но он отмахнулся от моих объяснений.

– Ты не обижайся на меня. Тебе придется привыкнуть к тому, что я встаю очень рано и много работаю по утрам. Управлять таким имением, как Мандерли, не шуточное дело. Кушай. Кофе и горячие блюда на серванте. За завтраком мы будем обходиться без прислуги.

Он читал письмо и хмурился.

– Слава богу, что у меня мало родственников: почти слепая бабушка да сестра, с которой я редко вижусь. Это письмо от Беатрисы, по-видимому, она приедет к ленчу. Так я и думал: ей не терпится взглянуть на тебя.

– Сегодня? – у меня сразу испортилось настроение.

– По-видимому, да. Но ты не смущайся. Она тебе понравится. Это очень прямой и откровенный человек. Если ты ей не понравишься, она так и скажет об этом.

Вряд ли это приятно, подумала я, лучше, если бы она была менее откровенной.

– Да ты не волнуйся, она здесь пробудет недолго. – Он закурил сигарету. – Ну, у меня сегодня на утро много дел; слишком долго я не был дома. Надо повидать мистера Кроули, моего управляющего. Он, кстати, тоже придет к ленчу. Надеюсь, тебя это не огорчает?

– Конечно, нет. Буду очень рада.

А на самом деле я очень огорчилась. Я-то думала, что первое утро мы проведем вместе, что он покажет мне сады и парки Мандерли. Но эта надежда рухнула.

Максим забрал свои письма и вышел, а я приступила к завтраку. Он поразил меня изобилием: чай в серебряном чайнике, рядом кофе, несколько горячих блюд – мясо, рыба, яйца, в серебряной кастрюльке овсяная каша. На другом серванте – целый окорок и бекон. Были здесь и пирожные, и тосты, несколько сортов джема и варенья, мед. А на обоих концах стола стояли громадные вазы с фруктами.

Меня все это удивило: Максим за завтраком съедал обычно маленькую булочку, выпивал чашку кофе, закусывал каким-нибудь фруктом. А здесь

еды было на двенадцать изглодавшихся людей. Максим взял себе маленький кусочек рыбы, я съела одно яйцо. Куда же денется все остальное?

Может быть, кто-то питается остатками нашего стола, а может быть, все это просто выбрасывают? Конечно, я никогда не осмелюсь задать такой вопрос.

Я долго просидела за столом и спохватилась только когда увидела, что Фритс заглядывает в дверь.

Выходя, я споткнулась от смущения, но Фритс моментально подскочил, чтобы поддержать меня.

Я поднялась в спальню, и застала там горничных за уборкой. Чтобы не мешать им, снова спустилась и прошла в библиотеку. Окна там были широко раскрыты, а камин подготовлен к топке. Я закрыла окна и поискала спички. Их здесь не было. Звонить я не хотела, и пошла в столовую. Спички лежали на серванте. Едва я успела положить их в карман, в комнату вошел Фритс.

– Вы что-нибудь ищете, мадам?

– О, Фритс, я не нашла в библиотеке спички.

Он сейчас же достал из кармана спички и одновременно предложил мне сигарету.

– Спасибо, я не курю. Мне просто показалось, что в библиотеке холодновато, и я хотела разжечь камин.

– Обычно мы затапливаем камин, лишь во второй половине дня. Миссис де Винтер по утрам бывала в своем кабинете. Там камин разожжен. Есть там и письменный стол с бумагой и чернилами. Там же домашний телефон на случай, если вы пожелаете переговорить с миссис Дэнверс. Но, конечно, если вы предпочитаете посидеть в библиотеке, я распоряжусь, чтобы там разожгли камин.

– О нет, Фритс! Благодарю вас, я пойду в кабинет.

Я снова пошла через холл, напевая какую-то песенку, чтобы придать себе беззаботный вид. Но куда идти? Максим накануне, видимо, забыл показать мне именно эту комнату. Я наугад открыла какую-то дверь, моля бога, чтобы за ней оказался кабинет. Но это было помещение для оранжировки цветов: там составлялись букеты и комплектовались цветочные корзины. Я повернула обратно. Внизу, в холле, стоял Фритс и наблюдал за мной.

– Миледи, пройдите большую гостиную, через дверь налево вы найдете кабинет миссис де Винтер.

– Благодарю вас, Фритс.

Следуя его указаниям, я вошла в прелестную комнату. Перед горящим камином лежали обе собаки. Джаспер тотчас же подошел ко мне и уткнулся носом в мою руку. Старая собака подняла голову, понюхала воздух и снова повернулась к огню. Собаки знали, что в библиотеке будет тепло только вечером, а здесь с утра тепло и уютно. Я оглядела комнату. Все вещи здесь были подобраны со вкусом и носили отпечаток индивидуальности бывшей хозяйки. Из окна среди зарослей рододендронов виднелась маленькая площадка со скульптурой фавна, играющего на свирели. Рододендроны были не только за окном: на столе рядом с подсвечником стояла ваза с громадным букетом, на маленьком столике – другой букет, поменьше. И даже обои гармонировали по цвету с рододендронами.

Комната была, безусловно дамской и вместе с тем письменный стол свидетельствовал об умственных занятиях хозяйки. Над столом были ящички с надписями: «Письма для ответа», «Счета», «Адреса». Все надписи были сделаны уже знакомым мне почерком Ребекки, скользящим и стремительным. Я открыла ящик стола. Там лежала толстая тетрадь, а на обложке – тот же почерк: «Гости в Мандерли». День за днем она записывала в этой тетради: кто приехал в гости, в какой комнате ночевал и какие блюда предпочитал.

Вдруг зазвонил телефон. Чей-то голос произнес:

– Миссис де Винтер?

– Кто это? Кого вам надо?

Трубка молчала. Затем суровый голос – не то мужской, не то женский – повторил:

– Миссис де Винтер?

– Вы ошиблись. Миссис де Винтер умерла более года назад.

– С вами говорит миссис Дэнверс. Я звоню по домашнему телефону.

Я совсем растерялась: не ожидала, что именно мне может кто-то позвонить..

– Извините, что побеспокоила вас. Я только хотела узнать, желаете ли вы видеть меня и одобрено ли меню сегодняшнего обеда.

– О, конечно. Я уверена, что все в порядке, не беспокойтесь.

– Я все же считаю, что вам лучше посмотреть его. Оно лежит на столе рядом с вами.

Я быстро нашла меню и просмотрела его.

– Очень хорошо. миссис Дэнверс, все правильно.

Но я так и не поняла, что это: меню обеда или ленча.

– Если вы желаете что-нибудь изменить, миледи, скажите мне об этом. Обратите внимание: я оставила пустое место для соуса. Миссис де Винтер

всегда очень придирчиво выбирала соусы.

– А как вы думаете, что понравилось бы мистеру де Винтеру?

– У вас, миледи, нет какого-либо излюбленного соуса?

– О нет, миссис Дэнверс.

– Мистер де Винтер, полагаю, выбрал бы винный соус.

– Значит, именно его и надо подать.

– Извините, миледи, что я оторвала вас от письма.

– Но я вовсе не писала письмо.

– Почту мы обычно отправляем в полдень. Роберт придет за вашими письмами. Если же вам понадобится что-нибудь срочное, позвоните по домашнему телефону, и Роберт пойдет на почту немедленно.

– Благодарю вас, миссис Дэнверс.

Я подождала. Она больше ничего не сказала и повесила трубку. Та, что раньше сидела за этим столом, не теряла времени попусту. Она писала письма, проверяла меню и не отвечала: «Да, миссис Дэнверс», «Конечно, миссис Дэнверс».

Кому же я могу написать письмо? Напишу-ка я миссис ван Хоппер. Какая ирония судьбы! В собственной комнате, за собственным столом и – некому писать... И я написала миссис ван Хоппер – женщине, которую я терпеть не могла и которую никогда больше не увижу. Я писала: надеюсь, переезд в Америку был удачен, здоровье дочери и внучки поправилось и что в Нью-Йорке, вероятно, хорошая погода.

Впервые я обратила внимание на свой почерк и сравнила его с почерком Ребекки. Бесхарактерный, неразборчивый почерк плохой ученицы второразрядной школы.

Вдруг я услышала шум подъехавшего автомобиля и в испуге вскочила. Было только двенадцать, и Максим еще не вернулся домой. Это, очевидно, миссис Леси и ее муж, майор Леси. Я хотела было убежать в сад, надеясь, что Фритс скажет: «По-видимому, миссис де Винтер в саду».

Но через окно я услышала голоса и поняла, что гости идут именно через сад. Я отошла от окна, чтобы меня не увидели, вышла из комнаты и начала бродить по дому.

Мне встретилась девушка со щеткой и совком. Она испуганно уставилась на меня и, заикаясь, ответила на мое приветствие:

– С добрым утром, миледи.

Видимо, я попала к черному ходу, а надеялась вернуться в спальню и просидеть там до ленча.

Открыв наугад какую-то дверь, я оказалась в широком темном коридоре. Прошла по нему, снова открыла дверь – комната с закрытыми ставнями. Мебель сдвинута к стенкам и покрыта чехлами. Свет сюда проникал через единственное не закрытое окно. Я подошла к нему. Море! И так близко подходит к дому, что на оконные стекла падали редкие брызги. Да, хорошо, что я живу в восточном крыле, не слышу шума моря и любуюсь розарием.

Я пошла обратно и уже спускалась по лестнице, когда одна из дверей открылась, и я увидела миссис Дэнверс.

– Я заблудилась, – объяснила я. – Ищу свою комнату.

– Вы, миледи, попали в другой конец здания. Вы в западном крыле.

– Понимаю.

– А здесь вы заходили в комнаты?

– Открыла одну дверь, там темно, и мебель закрыта чехлами.

Очень жаль. Я не хотела нарушать здешние порядки и мешать вам.

– Если вы желаете осмотреть эти комнаты, скажите мне об этом. Они полностью обставлены и привести их в жилой вид можно очень быстро.

– Нет-нет, не надо!

– Может быть, вы хотите, чтобы я показала вам все западное крыло?

– Нет, не нужно. Я должна спуститься вниз.

Она шла за мной, как конвоир за арестантом.

– Я еще утром хотела предложить вам осмотреть западное крыло, но не решилась отрывать вас от писем.

Мы дошли до выхода, и она открыла передо мной дверь.

– Удивительно, как вы могли заблудиться. Парадная дверь в западном крыле совсем не похожа на вход в восточное крыло.

– Но я не выходила из здания.

– Значит, вы прошли по служебной лестнице?

– Очевидно, так.

– А вы знаете, миледи, что полчаса назад в Мандерли приехали миссис и майор Леси?

– О нет, это мне неизвестно.

– Фритс, наверное, провел их в гостиную.

Миссис Дэнверс стояла за моей спиной, как черный страж, и уж теперь я должна была идти в гостиную.

Перед дверью я остановилась, прислушиваясь. Из гостиной доносилось несколько голосов, среди которых я узнала и голос Максима.

– Вот она, наконец? – сказал Максим. – Где ты пряталась? Мы уже хотели обратиться в сыскное отделение. Познакомься: Беатриса и Жиль Леси. а это – Фрэнк Кроули.

Беатриса была высокой и красивой, но красота ее была жестковата, как у женщин, хорошо разбирающихся в лошадях и собаках, умеющих хорошо стряпать. Она посмотрела мне в глаза и обратилась к Максиму:

– Полная противоположность тому, что я ожидала, и вовсе не соответствующая твоему описанию.

Все рассмеялись, и я вместе со всеми. Что же такое мог написать ей Максим?

– Жиль Леси, – снова представил мне Максим.

Майор сжал мою руку в своей громадной лапице и улыбаясь разглядывал меня сквозь очки.

– Фрэнк Кроули...

Я повернулась к управляющему и, увидев его худое бледное лицо и резко выступающий кадык, почему-то почувствовала облегчение. Не успела я разобраться в своих впечатлениях, как вошел Фритс и подал мне рюмку хереса.

– Максим сказал мне, что вы приехали только вчера вечером, – сказала Беатриса. – Если бы я знала это, то не ворвалась бы сюда уже сегодня. Ну, как вам нравится Мандерли?

– Я очень мало успела увидеть, – ответила я. – Но, насколько я могу судить, поместье великолепное.

Она рассматривала меня в упор, но без недружелюбия, какое сквозило во взгляде миссис Дэнверс. Кроме того, у нее было право рассматривать

меня бесцеремонно, ведь она была сестрой Максима. К тому же он стоял рядом со мной и готов был поддержать меня в любую минуту.

– Ты выглядишь намного лучше, друг мой, – сказала Беатриса Максиму. – Слава Богу, из твоих глаз исчезло это отчаяние. – Она повернулась ко мне? – Думаю, за это надо благодарить вас?

– Я совершенно здоров, – возразил Максим, – и ничем не болел за всю свою жизнь. А ты считаешь больным каждого, кто чуть похудощавей твоего Жилья.

– Ну зачем ты отрицаешь, что полгода назад ты был сильно болен. Жиль, поддержи меня, подтверди, что, когда мы видели Максима в последний раз, он был похож на выходца с того света!

– Да, да, да, мой друг? – сказал Жиль. – Это правда. Сейчас вы выглядите совсем другим человеком.

Я почувствовала, что Максим изо всех сил старается сдержаться и не выйти из себя. Ну зачем Беатриса так бестактно настаивает на своих словах? Она же видит, что он недоволен темой нашего разговора.

– Максим очень сильно загорел. – вмешалась я в спор, – а загар скрывает многое. Вы бы посмотрели на него в Венеции! Там он завтракал только на балконе, специально, чтобы посильнее загореть.

– Все рассмеялись, а мистер Кроули заметил:

– В Венеции, в этот сезон, вероятно, чудесно, миссис де Винтер?

– Да, погода была отличная, за исключением одного дня.

Итак, я помешала обсуждать здоровье Максима и перевела разговор на безопасные рельсы: на погоду и путешествие. Максим, Жиль и Беатриса заговорили о достоинствах его нового автомобиля, а мистер Кроули спросил меня: правда ли, что в Венеции больше нет гондол и что их вытеснили моторные лодки? Не думаю, что он так уж интересовался гондолами и Большим каналом, он просто помогал мне поддерживать оживленную беседу. Я почувствовала в нем союзника.

– Ах, Максим, – сказала Беатриса, – вы тут губите Джаспера.

Его надо тренировать, а не откармливать так: он слишком жирный для своих двух лет. Какой у него рацион?

– Да тот же самый, что и у твоих собак. И не старайся показать, что ты лучше меня разбираешься в собаках.

– Дорогой мой, ты ничего не знаешь о своих собаках. Ты больше двух месяцев отсутствовал. Уж не думаешь ли ты, что Фритс дважды в день прогуливал Джаспера до аллеи? Эта собака уже давно не бегает, видно даже по ее шерсти.

– Я все же предпочитаю, чтобы собака выглядела упитанной, а не

голодающей, как ваши.

– Неубедительно... Наш Лайон получил в феврале две золотые медали на выставке.

Снова создалась предгрозовая атмосфера. Максим сжал губы, видимо, начиная злиться. Меня удивило: почему у брата и сестры отношения, как у кошки с собакой. Уж скорее бы Фритс пригласил нас к ленчу (или ударят в гонг? Я еще не знала, как это принято в Мандерли).

– Далеко ли вы от нас живете? – спросила я Беатрису.

– Примерно милях в пятидесяти, в другом графстве. У нас тем прекрасная охота. Приезжайте к нам погостить, если Максим сможет обойтись без вас, хоть на короткий срок. Жиль обучит вас верховой езде.

– Но я совсем не умею охотиться. В детстве пробовала ездить верхом, но давно забыла то, что умела.

– Вам придется снова научиться. Нельзя жить в деревне и не заниматься спортом. Максим писал, что вы хорошо рисуете, но это же занятие лишь для плохой погоды, когда больше нечего делать.

– Мы не такие уж спортсмены, дорогая, – заметил Максим.

– Я же не говорю о тебе. Все знают, что тебе достаточно побродить по паркам и лесам Мандерли.

– Я тоже люблю пешие прогулки, – сказала я, – и мне никогда не надоест гулять по такому поместью, как Мандерли. А когда станет теплее, можно будет купаться в море.

– По-видимому, вы оптимистка. Я что-то не припомню, чтобы кто-нибудь тут купался. Вода слишком холодна, а берег усеян острыми камнями.

– Я не боюсь этого, лишь бы не было сильного течения. В Лаймском заливе не опасно?

Вдруг я спохватилась: я коснулась опасной темы. Краска бросилась мне в лицо, и я смолкла. Мы обе начали ласкать Джаспера, не глядя друг на друга.

– Как там с ленчем, – спросил Максим, – я дьявольски голоден.

– Сейчас ровно час, – сказал мистер Кроули, – посмотрите на часы на камине.

В этот момент дверь открылась, и Фритс объявил, что ленч подан.

– Мне нужно умыться, – сказал Жиль, посмотрев на свои руки.

Мы двинулись к лестнице, Беатриса и я несколько впереди мужчин.

– Дорогой старый Фритс, – сказала Беатриса, – он все такой же, нисколько не меняется. Когда я вижу его, мне кажется, что я все еще девочка... Не обижайтесь на меня, но вы выглядите ребенком. Вы

значительно моложе своих лет (Максим сообщил мне ваш возраст)... Скажите, вы сильно любите его?

Я никак не ожидала такого вопроса и сильно смутилась.

– Можете не отвечать, – продолжала Беатриса, – я и так понимаю. А на меня вы не должны обижаться. Я же всегда отличалась отсутствием такта. Максима я очень люблю, хотя, когда мы встречаемся, то вечно цапаемся друг с другом, как кошка с собакой. Я рада, что ему удалось восстановить свое здоровье. Когда случилась вся эта ужасная история в прошлом году, мы очень беспокоились за него. Но вы, вероятно, знаете от него все, что произошло?

Она замолчала, так как мы уже входили в столовую, где нас ждали остальные сотрапезники. Что бы она сказала, если бы узнала, что я ровно ничего не знаю? Максим не пожелал поделиться со мной, а я не задавала вопросов.

Ленч прошел в более спокойной обстановке. Беатриса, видимо, решила поупражняться в вежливости и спокойно беседовала с Максимом о поместье, лошадях, собаках и общих знакомых. По левую руку от меня сидел мистер Кроули. Он вел со мной легкую беседу, которая не требовала напряжения, и я была ему благодарна. Жиль больше интересовался едой, чем разговорами. Изредка он произносил какую-нибудь ничего не значащую фразу.

– У вас все тот же повар, Максим? – спросил он, когда Роберт вторично предложил ему суфле. – Я всегда говорил Би, что Мандерли – единственное место в Англии, где вкусно кормят.

– Кажется, повара у нас постоянно меняются, но миссис Дэнверс хранит все рецепты, и потому вкус блюд остается прежний, – ответил Максим.

– Оригинальная женщина, – подхватил и повернулся ко мне, – Как вы считаете?

– О да, удивительный человек.

– Она, конечно, не красавица, – Жиль вдруг захохотал.

Мистер Кроули не издал ни звука. Беатриса исподтишка наблюдала за мной. Встретившись со мной взглядом, она отвернулась и заговорила с Максимом.

– Играете ли вы в гольф? – спросил меня мистер Кроули.

– О, нет.

Я была рада, что разговор о миссис Дэнверс кончился, и готова была бесконечно долго говорить о гольфе, в котором ничего не понимала: это было совершенно безопасно.

Мы уже покончили с сыром и кофе, и я не знала, следует ли подняться. Максим не подавал никакого знака. Наконец, я поймала его нахмуренный взгляд на дверь, сейчас же встала, но, по свойственной мне неловкости, опрокинула стакан с вином, стоявший перед Жилем. Я схватила свою салфетку, желая поправить оплошность, но Максим остановил меня:

– Оставь это, Фритс все приведет в порядок. Беатриса, проводи ее в сад. Она ведь его совсем еще не видела.

Максим выглядел усталым и раздраженным. Я пожалела, что гости приехали сегодня и испортили нам первый день в Мандерли. Я тоже чувствовала себя усталой и угнетенной. Надо же быть такой неловко? – опрокинуть вино на скатерть! Мы вышли на террасу и стали спускаться на лужайку.

– Мне кажется, что вы приехали в Мандерли слишком рано, – сказала Беатриса. – Следовало пробыть в Италии еще месяца два-три и приехать домой в разгар лета; больше бы привыкли друг к другу, и происшедшая трагедия стала бы окончательно забываться. Вам, наверное, здесь не слишком уютно?

– О, пустяки! Я уверена, что полюблю Мандерли.

– Расскажите мне немного о себе... Что вы делали на юге Франции? Максим писал, что вы жили там с какой-то экстравагантной американкой?

Я рассказала ей о своей работе у миссис ван Хоппер и о том, что меня привлекло к ней. Она выслушала меня сочувственно, но с таким видом, будто не полностью мне доверяла.

– Да, конечно, ваше знакомство с Максимом было случайным... но мы были очень рады, что он женился, и надеемся, что вы будете счастливы.

– Благодарю вас, Беатриса.

Я удивилась ее словам: она «надеется, что мы будем счастливы» то есть она сомневается в этом?..

– Когда Максим написал, – продолжала она, – что вы очень молоды и очень красивы, я испугалась: мы все подумали, что он выбрал какую-нибудь модную, накрашенную куклу, каких много на курортах Франции. А перед завтраком, увидев вас, я так удивилась, что могла бы упасть от прикосновения мизинца.

Она рассмеялась, и я тоже. Но она не сказала, была ли она разочарована или, наоборот, обрадована, что я оказалась такой, какая я есть.

– Бедный Максим. – сказала она. – Он пережил ужасную трагедию. Будем надеяться, что он забудет о ней. И он просто обожает Мандерли.

Я надеялась, что она расскажет мне как можно больше о прошлом

Максима и в то же время боялась об этом думать.

– Мы очень похожи с Максимом, но кое-что в нас прямо противоположно. Я не задумываясь выкладываю людям все, что о них думаю, приятно им или нет. Я взрываюсь от любого пустяка, но тут же остываю, а Максим выходит из себя не чаще чем дважды в год, и это действительно опасно. Не думаю, чтобы он мог рассердиться на вас. Вы такая кроткая и милая... – она улыбнулась и слегка ущипнула мою руку.

Легко быть спокойным и выдержанным, подумала я, если ты не перенес удары судьбы, если не обливался горячими слезами, не зная, куда деться от отчаяния...

– Не обижайтесь на меня, – продолжала она, – но вам нужно изменить прическу. Почему вы не завиваете волосы? Они, видимо, ужасно выглядят, когда вы надеваете шляпу. Вы не пробовали заправлять их за уши?

Я послушно выполнила ее указание, но она тут же сказала:

– Нет, так еще хуже... Мне никогда не нравилась внешность Жанны д'Арк. А что говорит по этому поводу Максим? Он считает, что такая прическа вам к лицу?

– Не знаю. Он никогда об этом не говорил. Возможно, ему нравится.

– Скажите, а где вы покупали платья? В Лондоне или в Париже?

– У нас на это не было времени. Максиму очень хотелось поскорее попасть домой. Я ведь всегда могу попросить, чтобы мне по почте прислали каталоги.

– Судя по тому, как вы одеты, можно подумать, что вы совсем не интересуетесь туалетами.

– Нет, я очень люблю красивые вещи. У меня просто никогда не было денег, чтобы их покупать.

– Удивляюсь, почему Максим не задержался в Лондоне, хотя бы на неделю, чтобы дать вам возможность прилично одеться. Он просто эгоист! А ведь обычно он весьма требователен к внешнему виду.

– В самом деле? Он ничего мне не говорил. Кажется, он вообще никогда не замечает, во что я одета.

– Значит, он сильно изменился. – Беатриса взглянула на дом. Вы поселились не в западном крыле?

– Нет. В восточном, его заново отделали.

– Интересно, почему?

– Так пожелал Максим.

– Ну, а как вы ладите с миссис Дэнверс?

– Я ее пока еще мало знаю. Но она мне кажется странной.

– Вам не надо ее бояться, а если уж боитесь, не показывайте ей этого.

Я-то никогда не имела с ней дела, да и не хотела бы иметь. Но со мной она всегда любезна. А к вам она предупредительна?

– Не слишком. Но она хорошо ведет хозяйство, и у меня нет необходимости вмешиваться в ее распоряжения. Чего она, по-видимому, опасается.

– Не думаю, чтобы она этого боялась. Со временем она успокоится, но до тех пор не раз испортит вам настроение. Она просто ужасно ревнива.

– Ревнива? Но Максим вовсе не проявляет особую симпатию к ней.

– Причем тут Максим? Разве он вам не рассказывал, что она прямо-таки обожала Ребекку? Ваше присутствие здесь для нее непереносимо...

– Ну, тогда я все понимаю.

– А вот идут наши мужчины. Ох, каким же толстяком выглядит мой Жиль рядом с Максимом!.. Надеюсь, что Фрэнк Кроули сейчас уйдет. Он удивительно туп, от него не услышишь ничего интересного... Ну, друзья, какие вопросы вы там обсуждали? Наверное, и камня на камне не оставили от всего мироздания?

Мистер Кроули взглянул на часы.

– Мне нужно уходить. Благодарю вас, миссис де Винтер, за ленч.

– Приходите к нам почаще, – сказала я, пожимая ему руку.

«Когда же уйдут все остальные? – думала я. – Приехали только на ленч или на весь день? Хорошо бы остаться с Максимом вдвоем, как в Италии...»

Мы расположились под старым каштаном. Роберт принес нам стулья и коврики. Жиль тут же разлегся на коврике, прикрыл глаза шляпой, широко открыл рот и захрапел.

– Прекрати, Жиль, – скомандовала Беатриса.

– Я не сплю, – ответил он и снова открыл рот.

Он показался мне очень непривлекательным, и я удивилась, почему Беатриса вышла за него замуж. Вряд ли она могла его любить. Впрочем, так же, наверное, она думала и обо мне. Она все время приглядывалась ко мне и, казалось, думала: «И что в ней нашел Максим?» Но вид при этом у нее был вполне дружелюбный.

Максим и Беатриса говорили теперь о своей старой бабушке.

– Надо обязательно навестить ее, – сказал он.

– Она впадает в детство, – ответила Беатриса, – и уже мало что понимает, бедняжка.

Я слушала их беседу, положив подбородок на его рукав. Он иногда рассеянно поглаживал мою руку. «Я ласкаюсь к нему, как Джаспер, – подумала я, – и он поглаживает меня, как Джаспера, когда вспоминает».

Ветер стих. В волосах Жилия запуталась пчела, и он отгонял ее шляпой. Воздух был полон запахом зацветающей магнолии и свежескошенной травы.

Вот так хотела бы я жить всегда: в мирной беседе под ветвями каштана. Я боялась прошлого, страшилась будущего. Остановить бы навсегда это мгновение. Но для остальных оно не было образом железной вечности, а лишь проходящим моментом повседневности. Они не были так запуганы, как я.

– Ну пора и нам двигаться, – сказала Беатриса, вставая. – Мы пригласили к обеду Картрайтов.

– Как поживает старик? – поинтересовался Максим.

– Как обычно. Только и говорит, что о своих болезнях. Они, конечно, будут расспрашивать о вас.

– Передай им привет, – Максим потянулся и зевнул.

Все поднялись. Небо между тем затянуло облаками.

– Ветер меняется, – заметил Максим.

– Надеюсь, не к дождю, – отозвался Жиль.

– Боюсь, что погода переменится.

Мы направились было к въездной аллее, где стоял автомобиль Жилия. Но Максим вдруг вспомнил:

– Да! Ведь вы же не видели, как отделали восточное крыло? Зайдем на минутку?

Мы снова повернули к дому. Мужчины несколько отстали от нас. Мне казалось странным, что Беатриса много лет прожила в этом доме. Она выросла в нем и должна сохранить воспоминания, как бегала по его комнатам длинноногой девочкой. Сейчас она была совсем другим человеком – сорокапятилетней, уверенной в себе женщиной. Мы поднялись в наши комнаты.

– Как здесь весело и хорошо? – воскликнула Жиль.

– Новые портьеры, новые кровати, все новое, – добавила Беатриса. – А помнишь, мы ведь жили в этой комнате, когда у тебя болела нога. Тогда здесь было довольно мрачно. Обычно-то здесь никто не жил, разве только было уж слишком много гостей. А сейчас здесь хорошо. И окна выходят на розарий, это тоже преимущество. А можно мне у вас немного припудриться? Неужели все это устроила без вас миссис Дэнверс?

– Да, она. Неплохо устроила.

– Еще бы! С ее-то опытом! Наверное, стоило все это кучу денег? Вы не спрашивали? – спросила меня Беатриса.

– Да нет, к слову не пришлось.

– Можно воспользоваться вашей гребенкой? Какие красивые щетки. Вероятно, свадебный подарок?

– Да. Максим подарил.

– Очень красивые. Мне тоже хочется подарить вам что-нибудь. Чего вам хочется?

– Благодарю вас, ничего не нужно.

– Я вовсе не хочу отказывать вам в подарке только за то, что вы не пригласили нас на свадьбу.

– Не обижайтесь на нас. Максим непременно хотел обвенчаться еще за границей.

– Но все-таки, что же вам подарить? Драгоценности вас, наверное, не интересуют? Хотя это необычно. Когда вы будете в Лондоне, обязательно зайдите к моей портнихе, мадам Карру. У нее хороший вкус, и она не станет брать с вас втридорога. Как вы предполагаете, будете вы устраивать большие приемы?

– Не знаю. Максим об этом ничего не говорил.

– Станный он человек. Никогда его не поймешь. Одно время сюда съезжалось столько гостей, что негде было переночевать. А впрочем, вы... Жаль, что вы не ездите верхом и не любите охотиться. Надеюсь, по крайней мере, вы увлекаетесь парусным спортом?

– О нет!

– Ну и слава Богу. Приезжайте к нам, если будет настроение. Я люблю, когда люди приезжают без приглашения. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на письма с приглашениями.

– Благодарю вас.

Мы спустились с лестницы, и Жиль крикнул нам:

– Быстрее, Би! Дождь уже начался. Придется поднять верх у автомобиля. Максим говорит, что барометр сильно упал.

Беатриса наклонилась ко мне и быстро чмокнула в щеку.

– До свидания. Простите меня, если я наговорила много лишнего и задавала бестактные вопросы. – Она закурила и села в машину. – Вы ни в чем не похожи на Ребекку

Автомобиль отъехал, начался дождь, и Роберт бросился на лужайку за стульями и ковриками.

– Слава Богу, – сказал Максим. – С этим покончено. Будь проклят этот дождь! Мне нужна прогулка. Я больше не в состоянии сидеть на одном месте!

Он был бледен и взбудоражен. Меня удивило, почему встреча с сестрой так утомила его.

– Подожди, – предложила я, – я сбегая наверх за пальто.

– Ну нет, если женщина уходит в свою комнату, то это минимум на полчаса. Роберт! Принесите-ка из зимнего сада дождевик для миссис де Винтер. Там их целая куча? – забытых разными гостями. Джаспер! Ну, ленивый лежебока, идем гулять! Нужно же тебе сбросить жир.

Приглашение на прогулку вызвало у Джаспера приступ истерического лая.

– Замолчи, дурак! Где же, наконец, Роберт?

В холл вбежал Роберт и принес мне длинный предлинный дождевик. Времени посылать за чем-либо другим не было, и я храбро зашагала в нем по лесу рядом с Максимом. Впереди неся Джаспер.

– Я редко вижусь с родственниками, – сказал Максим, – но этих встреч мне надолго хватает. Беатриса прекрасный человек, но она действует мне на нервы.

Я не поняла, в чем он обвиняет сестру, но предпочла промолчать. Может быть, он до сих пор не может простить ей разговор о его здоровье перед ленчем?

– Ну, а ты какого о ней мнения?

– Мне она понравилась... Со мной она очень приветлива.

– О чем вы беседовали в саду после ленча?

– Право, не помню. В основном, говорила я: рассказывала ей о миссис ван Хоппер и о том, как мы с тобой познакомились. Она сказала, что я совсем не похожа на то, что она ожидала.

– Чего, собственно, она могла ожидать?

– Насколько я поняла, легкомысленную разряженную куколку.

– Беатриса иногда бывает ужасно глупой, – проворчал он, – немного помолчав.

Мы поднялись на холм, возвышавшийся над лужайкой, и вошли в лес, густой и темный. Под ногами хрустели сучья и шуршала прошлогодняя листва. Джаспер уже утомился и медленно шагал рядом с нами,

принюхиваясь к земле.

– Нравятся тебе мои волосы? – спросила я.

Он удивленно взглянул на меня.

– Смешной вопрос... Конечно, нравятся. Чего ради ты спрашиваешь об этом?

Мы вышли на открытое место. Тропинка раздвоилась. Джаспер без колебаний повернул направо.

– Джаспер? – окликнул его Максим. – Не туда.

Пес вилял хвостом, но не шел за нами.

– Почему он хочет идти в ту сторону? – спросила я.

– Вероятно, привычка. Тропинка ведет к бухте, где мы прежде держали лодку. – И он повернул налево.

Пес последовал за нами.

– Эта тропинка приведет нас в долину. Я тебе о ней рассказывал. Там полно азалий. Не обращай внимания на дождь, он усилит аромат цветов.

Он снова стал спокойным, веселым Максимом, какого я знала и любила. Он рассказывал о мистере Кроули, какой это хороший и преданный человек и как он любит Мандерли. «Вот сейчас хорошо, совсем, как в Италии?» – подумала я, крепко прижимая к себе его руку.

Меня продолжали волновать его отношения с сестрой. Почему он так выходил из себя в ее присутствии и как понимать ее слова, что рассерженный Максим становится опасным? Я знала совсем другого Максима: пусть с изменчивыми настроениями, иногда рассерженного, но всегда сговорчивого. Не злого и не вспыльчивого. Может быть, она преувеличивала?

– Мы пришли. Взгляни.

Мы стояли на вершине холма. Тропинка вела в долину, по которой протекал веселый ручеек, на его берегах росли азалии и рододендроны, но не пурпурные, как на въездной аллее, а белые, розовые и золотистые; не самодовольные великаны, а скромные, благоухающие. Здесь было очень тихо, слышны были лишь журчанье ручейка и шум дождя.

– Мы называли это место «Счастливой долиной», – произнес Максим низким приглушенным голосом.

И вдруг мы услышали птичьи голоса: сперва один, потом другой и вот зазвучал целый хор.

Так вот оно какое, это таинственное Мандерли!

Я забыла мрачную въездную аллею, пустынный дом и эхо, недружелюбно отзывавшееся на мои шаги, таинственные запахи теперь уже нежилого западного крыла, его зачехленную мебель и пугавшее меня

прошное.

Мы спустились по тропинке, вошли под цветочную арку и, тесно прижавшись друг к другу, прошли под ее сводами. И когда мы наконец смогли выпрямиться, я страхнула с себя капли дождя и увидела, что мы в маленькой бухте, а под нами с шумом разбиваются о берег морские волны.

– Ну, как тебе понравилось внезапное появление моря? – спросил Максим. – Для всех это бывает неожиданным. – Он поднял с земли камень, швырнул его в море и приказал Джасперу принести.

Тот радостно помчался, и уши его развевались от ветра. Прилив, видимо, закончился, но кое-где крупные каменные глыбы не были покрыты водой.

Мы спустились к самому берегу и принялись бросать в море плоские камешки. Джаспер не возвращался, хотя мы ему и свистели. Я с опаской посмотрела на скалы, торчащие среди волн.

– Упасть в море он не мог, – сказал Максим, – мы бы увидели его. Джаспер! Дурак! Куда же ты делся?

– Может быть, он вернулся в Счастливую долину?

– Джаспер! Джаспер? – продолжал звать Максим.

И вдруг мы услышали короткий и отрывистый лай справа от нас.

– Слышишь? – спросил меня Максим.

Я начала карабкаться на скалу по направлению к морю, где слышался собачий лай.

– Вернись, – предложил Максим, – мы пойдем другой дорогой. Этот глупый пес сам о себе позаботится.

«А может быть, он упал и расшибся?» – подумала я.

– Позволь мне слазить за ним. Это же не опасно? Он там не может утонуть?

– Оставь его в покое. Он отлично знает дорогу домой. Я сделала вид, что не слышу, и продолжала карабкаться на скалу. «Бессердечно так бросить собаку на произвол судьбы», – возражала я про себя Максиму.

Наконец я влезла на скалу и глянула вниз. Там была другая бухта, более широкая. В море вдавался небольшой каменный волнорез, и был устроен причал. Но лодки не было. На берегу стояло низкое и длинное здание, не то коттедж, не то лодочная станция. На песке сидел какой-то рыбак, а Джаспер носился вдруг него, отчаянно лаял и хватал его за ноги.

– Джаспер? – крикнула я. – Иди сюда!

Но он только махнул хвостом. Мужчина обернулся. У него были крохотные бессмысленные глазки идиота и мягкий красный рот.

– Здравствуйте, – сказал он. – Грязно сегодня.

– Здравствуйте. Погода действительно неважная.

– Вы пришли ловить креветок? – он рассматривал меня с интересом. – А их здесь совсем нет.

– Иди сюда, Джаспер! Уже поздно.

Но на пса нашел дух противоречия. Возможно, на него так подействовал свежий морской ветер. Он и не собирался следовать за мной.

– Нет ли у вас веревки? – спросила я.

– Э?

– Нет ли веревки? – повторила я.

– Креветок совсем нет, хоть я и сижу с самого утра.

– Мне нужна веревка, чтобы привязать собаку.

– Этого пса я знаю. Он пришел из господского дома.

– Собака принадлежит мистеру де Винтеру, я хочу отвести ее домой.

– Она не ваша.

– Она принадлежит мистеру де Винтеру.

Я пошла в дом, надеясь найти какую-нибудь веревку. Дверь оказалась незапертой. Я ожидала увидеть там канаты, якоря, весла, а увидела хорошо обставленную жилую комнату. Большой диван, стол, несколько стульев, полка с посудой, книжная полка. Но все покрыто толстым слоем пыли, запущено. В углах паутина, на стенах плесень. Обивка на диване и стульях порвана. В другом конце комнаты дверь. За ней я и нашла то, что ожидала: паруса, весла, якоря.

На полке лежал большой моток веревки и рядом – нож. Я отрезала нужный мне кусок и вышла из дома. Рыбак молча наблюдал за мной, а Джаспер сидел рядом с ним.

– Иди ко мне, Джаспер! Иди, мой хороший песик!

На этот раз он позволил мне привязать веревку к ошейнику.

– Я нашла веревку в коттедже, – сказала я рыбаку. – До свидания.

– Я видел, что вы входили в дом.

– Все в порядке. Мистер де Винтер не будет возражать.

– А она больше не приходит сюда.

– Да, да, не приходит.

– Она уплыла в море и больше не вернется.

– Не вернется.

– Я ведь никому не рассказывал об этом.

– Да, да, конечно. Не беспокойтесь об этом. Я направилась обратно. Максим стоял на скале, засунув руки в карманы.

– Прости меня, что я заставила тебя ждать, – сказала я. – Но Джаспер никак не желал идти домой. Мне пришлось поискать веревку.

Он круто повернулся на каблуках и пошел к лесу.

– А нам не надо спускаться по скале в ту бухту? – спросила я.

– В этом нет смысла, раз уж мы пришли сюда.

– Джаспер все кидался на того человека. Кто это?

– Бен. Безвредный бедный идиот. Его отец был сторожем в этом доме. Теперь сторожа живут неподалеку от фермы. Где ты взяла эту веревку?

– В доме, на берегу.

– Дверь была открыта?

– Да. Но веревку я нашла в другой комнате, где лодочные принадлежности.

– Я полагал, что там все заперто. Туда не надо заходить. Я не ответила. Меня это не касалось.

– Это Бен сказал, что дверь открыта? – спросил он.

– Да нет. Он вообще, видимо, не понял, о чем я его спрашивала.

– Он притворяется большим идиотом, чем это есть в действительности. Вероятнее всего, он постоянно ходит в этот домик, но не хочет, чтобы об этом знали.

– Не думаю, – возразила я. – Там все так, будто давно никто не входил туда. Никаких следов, кроме крысиных; диван они уже изгрызли. А книги сгниют.

Максим ничего не ответил. Мы шли по тропинке, ничем не напоминающей Счастливую долину. Деревья обступали ее плотной стеной, создавая сумрак. Дождь все еще продолжался, просачиваясь мне за воротник, и вода текла по телу. Ноги у меня ныли от непривычного лазания по складам. Джаспер, утомленный бессмысленной беготней, еле тащился сзади, высунув язык.

– Иди же, Джаспер? – крикнул ему Максим. – Беатриса права: пес слишком зажирел.

– А ты не шагай так быстро, – возразила я. – Мы с Джаспером еле поспеваем за тобой.

– Надо было слушаться меня. Если бы ты не полезла на скалы, мы давно были бы дома. Джаспер прекрасно нашел бы обратную дорогу. Не надо было и лазить за ним.

– Я боялась, что он там упадет и разобьется. А кроме того, я боялась прилива.

– Неужели ты подумала, что я брошу собаку, когда ей грозит прилив? Просто я был против твоего лазанья на скалы, а вот теперь ты ворчишь, что устала.

– Я не ворчу. Любой на моем месте устал бы. Вот уж не думала, что ты

представишь мне одной карабкаться на скалу. Я ждала, что ты пойдешь за мной.

– Чего ради изводить себя из-за этого дурного пса.

– А ты так говоришь, потому что не можешь придумать ничего другого в свое оправдание.

– Оправдание? Почему я должен оправдываться? Что я сделал?

– Конечно, ты должен извиниться за то, что не пошел со мной в другую бухту...

– А как ты думаешь, почему я не пошел за тобой?

– Ну, я не умею читать чужие мысли. Просто видела, что ты не хочешь идти со мной. Это было видно по твоему лицу.

– А что ты еще прочла на моем лице?

– Я уже сказала, и давай закончим этот разговор. Я устала от него.

– Все женщины говорят так, когда им больше нечего сказать. Ну хорошо, я действительно не хотел идти в ту бухту. И никогда не приближаюсь к этому богом проклятому месту. Если бы у тебя были такие же воспоминания об этом коттедже, как у меня, ты тоже не захотела бы подходить туда. Даже говорить или вспоминать об этом месте. Теперь, надеюсь, ты удовлетворена, и мы действительно прекратим этот разговор. – Он побледнел, глаза его помрачнели, и в них было то же отчаянье, как в дни нашего знакомства.

– Максим, пожалуйста...

– В чем дело? Что ты хочешь?

– Я не могу, чтобы ты так смотрел на меня, мне это слишком больно. Давай забудем весь этот разговор. Пусть опять все идет по-хорошему.

– Нам следовало остаться в Италии и не возвращаться в Мандерли. Каким я был дураком, что вернулся сюда.

Он устремился вперед еще быстрее, и мне пришлось бежать за ним, таща за собой несчастного Джаспера. Наконец мы дошли до поляны с развилкой на тропинке. Это было именно то место, где Джаспер хотел идти налево, когда мы повернули направо. Очевидно, он привык ходить по этой тропинке к коттеджу на берегу.

Мы молча вошли в дом. Максим прошел через холл в библиотеку, не взглянув на меня.

– Подайте мне чай, и поскорее, – сказал он Фритсу, проходя через холл.

Я постараюсь сдержать слезы: Фритс не должен был их видеть. Ведь он тотчас же рассказал бы прислуге: «Миссис де Винтер только что плакала в холле. Очевидно, они плохо ладят друг с другом». Когда он подошел ко

мне, чтобы снять дождевик, я отвернулась.

– Я повешу ваш плащ в оранжерее, миледи.

– Спасибо, Фритс.

– Неудачный день для прогулки, миледи.

– Да, вы правы.

– Ваш носовой платок, миледи.

– Благодарю вас, – и я спрятала поданный Фритсом платок.

Я не знала, идти ли мне за Максимом или к себе, и стояла в нерешительности, кусая ногти. Фритс, вернувшись из оранжереи, удивился, заставив меня на том же самом месте.

– Миледи, – сказал он, – в библиотеке разведен огонь.

– Спасибо.

Я медленно прошла через холл и вошла в библиотеку. Максим сидел в кресле. Газета лежала рядом. Я подошла, наклонилась и прислонилась щекой к его щеке.

– Не сердись на меня больше, – прошептала я.

Он взял мое лицо в ладони и посмотрел на меня в упор.

– Я не сержусь.

– Я чувствую себя такой несчастной, когда вижу тебя огорченным. Мне кажется, что вся душа у тебя изранена и избита. И мне это очень больно. Я ведь так сильно люблю тебя...

– В самом деле? Ты в этом уверена?

– В чем дело, дорогой? Почему ты так недоверчиво глядишь на меня?

Не успел он ответить мне, как открылась дверь и началась чайная церемония. На столе появилась белоснежная скатерть, уставленная кексами, пирожными, сэндвичами, а на маленькой спиртовке кипел серебряный чайник. Прошло не меньше пяти минут, прежде чем мы снова оказались наедине.

За это время на его лице снова появилась краска, а из глаз исчезло отчаянье. Он спокойно взял сэндвич и приступил к чаепитию.

– Все это случилось из-за неожиданных гостей, – сказал о? – Беатриса каждый раз умудряется погладить меня против шерсти. В детстве мы с не каждый день дрались. Я очень люблю ее, но рад, что живем мы далеко друг от друга... Кстати, о родственниках. Нам придется как-нибудь на днях навестить мою бабушку... Налей-ка мне еще чаю, дорогая, и прости, что я был так резок с тобой.

Инцидент был исчерпан, и можно было больше не возвращаться к нему. Он улыбнулся мне, и эта улыбка была мне наградой, как мое поглаживание ушей у Джаспера: о, мой хороший песик, лежи спокойно и

не расстраивай меня. Я вернулась в прежнее свое положение, то есть снова стала Джаспером для Максима.

Я взяла со стола кусок пирога и поделила его между двумя собаками. Почувствовав, что пальцы стали жирными, я достала из кармана носовой платок и изумленно уставилась на него. Крохотный кусочек батиста, обшитый кружевами. Это был не мой платок. Я вспомнила, что Фритс поднял его с пола, когда я снимала плащ. В углу платочка монограмма: «Р», переплетенного с «д» и «В». Очевидно, платочек лежал в плаще очень давно, и никто не надевал этот плащ. Его когда-то носила женщина с более широкими, чем у меня, плечами. Рукава плаща были так длинны, что закрывали мне кисти рук. Несколько пуговиц оторвано. Очевидно, Ребекка просто накидывала его на плечи. На платочке сохранился след губной помады и слабый аромат. Очень знакомый запах. Только позднее я вспомнила, что так пахли азалии в Счастливой долине.

Целую неделю стояла дождливая холодная погода, и мы не спускались к морю. Я видела его только с террасы или с лужайки, и выглядело оно весьма неприветливо. Шум его не утихал, и волны бесконечно разбивались о берег. Я радовалась, что живу в восточном крыле с видом на розарий, а не на это суровое и угрожающее море. Иной раз ночью, когда не спалось, я садилась у открытого окна, наслаждаясь тишиной и благоуханием сада.

Я не хотела вспоминать море и заброшенный коттедж, и все же постоянно думала об этом.

Не могла я забыть и отчаянье в глазах Максима, когда он стоял на тропинке, ведущей к коттеджу. Вспоминала его слова: «Какой же я был дурак, что вернулся в Мандерли». Я винила себя в происшедшем: я спустилась к коттеджу и нечаянно коснулась его незаживающей душевной раны. И хотя Максим был таким же спокойным, как до того вечера, я все же чувствовала, что между нами встала какая-то глухая стена. Я нервничала и все время боялась, как бы нечаянно в разговоре не коснуться его больного места.

Даже Фрэнк Кроули напугал меня однажды, заговорив за завтраком о парусных состязаниях в соседнем городке. Тема показалась мне опасной, и я вскочила из-за стола, подошла к серванту, чтобы взять себе сыру, которого мне вовсе не хотелось. Но Максим никак не реагировал на сообщение Фрэнка, и мирная беседа продолжалась. Мне явно не хватало выдержки и спокойствия. Робость и неловкость моя усилились. Когда к нам приезжали гости, я терялась и молчала, пока не подходил Максим. А в его присутствие я боялась, что кто-нибудь неловким словом заденет его, и мне опять было не по себе.

В этот первый период нашей жизни в Мандерли нас часто посещали соседи: делали визиты новобрачным. Из-за робости я произносила лишь односложные фразы из ученического лексикона, и тогда они беседовали с Максимом о людях, которых я не знала, и о местах, где я не была. Я себе ясно представляла, что на обратном пути визитеры, наверное, говорят: «Боже, как она глупа, разительный контраст с Ребеккой!»

Максим настаивал, чтобы я делала ответные визиты. Иной раз он не мог сопровождать меня, и мне приходилось переносить пытку одной.

— Будете ли вы устраивать в Мандерли большие приемы? — спрашивали меня.

- Право, не знаю. Максим ничего не говорил мне об этом.
- В прежние времена Мандерли посещало множество гостей.
- Да, я слышала об этом.

Наступала пауза, я бросала взгляд на часы.

– К сожалению, я должна расстаться с вами. Я обещала Максиму вернуться к четверем.

– Может быть, останетесь на чай? Мы всегда пьем чай в четверть пятого.

– Благодарю вас, но, право, не могу.

И с чувством облегчения я возвращалась в ожидавшую меня машину.

Во время визита к жене епископа она спросила меня:

– Думаете ли вы возобновить маскарадные балы? Они были так прекрасны у вас, что я до сих пор забыть не могу.

Я улыбнулась так, будто все знала об этих балах.

– Мы еще не решили. До сих пор было так много неотложных дел...

– Понимаю, понимаю... Надеюсь, вы обсудите этот вопрос. Мандерли словно создано именно для таких балов. Оркестр играл на галерее, а в холле танцевали. Я помню один из приемов в Мандерли в разгар лета, когда распустились все цветы. Чай подавали гостям в розарии на маленьких столиках. Это было очаровательно! Ребекка умела все прекрасно устроить...

– Да, да, она была, по-видимому, выдающейся женщиной: красива, умна, очаровательна и к тому же еще спортсменка.

– Да, она была прелестна и очень жизнерадостна. Безусловно, очень одаренная женщина.

– Она ведь сама управляла хозяйством в Мандерли. Это, вероятно, отнимало у нее массу времени. Я-то предоставила экономке вести хозяйство.

– Ну, нельзя же все делать самой. К тому же вы еще очень молоды. Кроме того, у вас же есть свое маленькое хобби. Я слышала, вы хорошо рисуете?

– О, не слишком хорошо.

– Но все-таки приятно иметь такую способность. Далеко не все люди умеют рисовать. К тому же в Мандерли много очаровательных уголков, которые стоит зарисовать... Ну, а еще что вы любите: теннис, еще какая-нибудь игра? Верховая езда? Охота?

– Нет, нет. Я ничего этого не умею. Люблю пешие прогулки...

– Это самый лучший вид спорта! Мы с епископом тоже любим дальние прогулки. Несколько лет назад мы жили в Пеннинских горах и

частенько проходили по двадцать миль в день...

– Очень рада, что застала вас дома, – я поднялась, чтобы попрощаться. – Надеюсь, вы навестите нас.

– Не забудьте напомнить вашему мужу о маскараде!

– Да, да, обязательно!

По дороге домой я себе представила Максима рядом с высокой бледнолицей черноволосой красавицей. Они стоят на площадке лестницы во время приема, пожимают направо и налево руки, приветствуют гостей. Она замечает все, что происходит вокруг, ведет легкую беседу и одновременно отдает через плечо приказания прислуге.

Мне вспомнился один из моих предыдущих визитов к даме с резким скрипучим голосом. «Будут ли у вас большие приемы?» А я ее видеть больше не хочу. И вообще я не желаю делать визиты! Скажу об этом Максиму. Они разглядывают меня, чтобы потом за глаза покритиковать мою фигуру, лицо, одежду: «До чего же она не похожа на Ребекку!» А если я не стану у них бывать, они найдут новый повод для сплетен: «Она так дурно воспитана. Неудивительно: он подобрал ее где-то в Монте-Карло. У нее не было ни гроша и она служила компаньонкой у какой-то старухи». – «Неужели это правда? Станный народ, эти мужчины!? – И это Максим, он же всегда был таким разборчивым. Как он мог жениться на такой девушке после того, как был мужем Ребекки!»

Пусть говорят, что хотят, – мне все равно.

Когда автомобиль въехал в ворота, я высунулась в окошко и кивнула жене привратника, которая, вероятно, меня даже не знала. На аллее мы догнали Фрэнка, он поприветствовал меня и, казалось, был рад встрече. Я постучала в стекло и велела шоферу остановиться.

– Я хочу пройти с вами, Фрэнк!

Я называла его Фрэнком, как и Максим, а он неизменно величал меня миссис де Винтер. Если бы мы оказались на необитаемом острове и провели бы там остаток нашей жизни, он все равно называл бы меня миссис де Винтер. Мне он был очень симпатичен, и я не соглашалась с Беатрисой, которая считала его туповатым и неумным. Может быть, потому он и нравился мне, что я сама была тупа и глупа?

– Вы делали визиты, миссис де Винтер?

– Да, я была у жены епископа. Она расспрашивала меня, будем ли мы устраивать бал-маскарад. Два года назад она была на таком в Мандерли и никак не может забыть его.

Он немного поколебался, прежде чем ответить.

– Да, эти балы гремели на все графство. Даже из Лондона приезжали

гости.

– Вероятно, такой бал трудно организовать?

– Да, трудновато.

– Очевидно, Ребекка принимала в этом активное участие? Он искоса поглядел на меня.

– Работы хватало всем.

– Я бы, наверное, ничем не смогла помочь в этом деле. У меня нет никаких организаторских способностей.

– Вам бы ничего и не понадобилось делать, кроме как оставаться самой собой и украшать этот бал.

– Вы, конечно, очень милы, Фрэнк. Но, боюсь, я и на это не способна. Вы не спросите Максима о таком бале?

– А почему вам самой не спросить?

– Нет, нет. Сама я не хочу.

Произнося однажды вслух имя Ребекки (в разговоре с женой епископа), я почувствовала, что в дальнейшем смогу спокойно говорить о ней.

– Я была на днях в бухточке у моря, в той, где построен волнорез. Джаспер вдруг обозлился и все время кидался на какого-то несчастного рыбака с голубыми глазами идиота.

– Это был Бен. Не бойтесь его. Он совершенно безобиден и не способен убить даже муху.

– О, я вовсе не испугалась его. Мне пришлось зайти в коттедж за веревкой, чтобы привязать Джаспера, и я увидела там мерзость запустения. Жаль, что все там ветшает и гибнет без всякой пользы.

Он ответил не сразу, а после того, как нагнулся и завязал шнурок ботинка.

– Если бы Максим хотел, чтобы я занялся этим домиком, он бы сказал мне об этом.

– Скажите, все вещи там принадлежали Ребекке? Да? А для чего, собственно, она использовала этот коттедж? Снаружи он выглядит как обычная лодочная станция.

– Сначала это и была только станция, а позднее она перевезла туда и мебель, книги и посуду и превратила в жилое помещение.

Он говорил о Ребекке «она». Он не назвал ее «миссис де Винтер», как я ожидала.

– Для чего она использовала этот коттедж?

– Она постоянно придумывала всякие развлечения, вроде пикников при лунном свете и тому подобное.

- Зачем там построена маленькая пристань?
- Там обычно стояла лодка.
- Какая лодка?
- Ее лодка.

Ему явно не хотелось говорить об этом, а я, словно сорвавшись, никак не могла остановить поток моих расспросов.

- Куда девалась лодка? Или это та самая, которая утонула?
- Да, лодка опрокинулась и затонула, а ее смыло за борт.
- Какого размера была эта лодка?
- Около трех тонн водоизмещением и имела еще каюту на палубе.
- Почему она опрокинулась?
- В заливе бывают шквальные ветры.
- Неужели никто не мог выйти в море ей навстречу и спасти?
- Никто не видел, как это произошло, никто не знал, что она в море.
- Но дома ведь кто-нибудь должен был знать, где она находится?
- Нет, она часто уплывала в море совершенно одна и возвращалась среди ночи, проводя время до утра у себя в коттедже.

- Была ли она нервной?
 - О нет!
 - Скажите, а Максим не возражал против ее странных привычек?
- Минуту помолчав, Фрэнк медленно произнес:
- Этого я не знаю.

Вероятно, она хотела вплавь добраться до берега и не смогла, утонув где-то между берегом и затонувшей лодкой.

- Сколько времени спустя было найдено ее тело?
- Прошло около двух месяцев.
- Где же ее обнаружили?
- Недалеко от Эджкомба, приблизительно в сорока милях отсюда.
- Как ее могли узнать после двухмесячного пребывания в воде?
- Максим ездил в Эджкомб для опознания.

Внезапно я прекратила свои вопросы. Мне показалось, что я похожа на человека из толпы, который непременно хочет посмотреть на жертву уличного движения поближе, или на человека, который просит у незнакомых людей разрешения зайти и взглянуть на покойника. Мне было стыдно, и я боялась, что Фрэнк Кроули станет презирать меня.

– Это было, наверное, ужасное время для всех вас, и вам, вероятно, неприятны мои расспросы и воспоминания обо всем этом несчастье.

До сих пор мы были с Фрэнком в очень хороших отношениях, и я всегда считала его своим союзником... Не потеряла ли я его дружбу после

этого разговора?

До чего же длинная была эта въездная аллея! Она всегда напоминала мне волшебные сказки Гримма, в которых принц теряет дорогу.

Я чувствовала, что Фрэнк все еще насторожен и боится дальнейших расспросов.

— Фрэнк, — в отчаянье сказала я, — я понимаю, что вы не можете объяснить себе, почему я задаю вам такую массу вопросов. Поверьте, что мною руководит вовсе не любопытство. Просто я чувствую себя здесь, в Мандерли, такой никчемной и ненужной, и особенно потому, что все сравнивают меня с Ребеккой и думают: и что в ней нашел Максим? Никто этого понять не может. Я чувствую, что мне не следовало выходить замуж за Максима, когда все кругом повторяют: как резко она отличается от Ребекки!

— Миссис де Винтер, пожалуйста, не думайте так. Вы совершенно неправы. Для Максима именно это и хорошо, что вы никого и ничего не знаете здесь, в Мандерли. Это дает ему отдых от мыслей, связанных с ужасным несчастьем, происшедшим здесь и сравнительно недавно.

Я мало знаю вас и вообще мало знаю женщин, так как я холост, но я хорошо знаю Максима, а также то, что скромность и доброта больше нужны в семейной жизни, чем остроумие и гордая красота.

Милый Фрэнк, которого так презирала Беатриса, еще долго объяснял мне, что я безусловно являюсь очень подходящей женой для Максима.

— Он, несомненно, был бы очень огорчен, если бы узнал о ваших мыслях и переживаниях. Он выглядит очень довольным и спокойным. А ведь миссис Леси была совершенно права, когда говорила, что год назад мы опасались за его рассудок и даже за его жизнь, хотя ей конечно, не следовало прилюдно обсуждать эту тему.

— Мой добрый, хороший Фрэнк, почему я давно не поговорила с вами откровенно? Я чувствую себя гораздо лучше, гораздо увереннее, Фрэнк! Ведь в вашем лице я приобрела друга и союзника, не правда ли?

— О да!

— Фрэнк прежде чем мы закончим этот разговор, позвольте мне задать вам еще один вопрос и обещаю откровенно ответить на него.

— Вот это нехорошо с вашей сторон? — как я могу обещать, не зная, о чем именно вы хотите меня спросить?

— Нет, не бойтесь, ничего страшного не случится, так как мой вопрос отнюдь не носит интимного характера.

— Ну что ж, согласен. Постараюсь ответить вам, как смогу.

— Скажите мне, Ребекка была очень красива?

– О да, она была самой красивой женщиной, которую я видел во всю свою жизнь.

Мы вошли в дом; я позвонила, чтобы подали чай.

Миссис Дэнверс я почти не видела. Она звонила мне утром по домашнему телефону. клала ежедневно меню на мой стол для просмотра, и больше я о ней ничего не слышала. Она наняла мне горничную по имени Кларисса, милую, симпатичную девушку, которая выросла не в Мандерли, а где-то неподалеку и так же, как и я, мало зала о здешних порядках.

Для нее я была главной хозяйкой, настоящей миссис де Винтер.

Алиса презирала меня за то, что я не умела приказывать и была всегда скромной и легко тушевалась.

Я была очень довольна, когда избавилась от Алисы и получила взамен Клариссу, простую девушку, которая не умела отличить дешевые кружева от дорогих.

Мне стало легко понять миссис Дэнверс после объяснения Беатрисы: «Разве вы не знали? – она ведь просто обожала Ребекку.» Любая женщина, оказавшаяся на моем месте, была бы ей так же неприятна, как я, потому что она всегда думала о той миссис де Винтер, которая уже никогда не вернется.

Я была полностью согласна с Фрэнком, что мне надо было совсем забыть о Ребекке. Но это легко было сказать. А я ежедневно сидела в ее будуаре, за ее столом, писала ее пером и даже находила ее носовые платки в своем кармане.

Я хотела быть счастливой и сделать счастливым Максима, но, увы, мне не удавалось изгнать Ребекку из своих мыслей. Я все-таки чувствовала себя гостьей в доме, где временно отсутствует хозяйка.

– Фритс, – однажды сказала я, входя в библиотеку с большим букетом срезанных мною лилий, – где мне взять высокую вазу для этих цветов? Те, что находятся в оранжерее, слишком малы.

– Для лилий мы всегда брали высокую алебастровую вазу из гостиной.

– А она не испортится от воды?

– Миссис де Винтер всегда пользовалась ею.

После этого он принес мне вазу, уже наполненную водой, и я сама расставила в ней цветы подбирая их по оттенкам.

– Фритс, нельзя ли отодвинуть этот столик от окна, чтобы поставить на него цветы?

– Миссис де Винтер всегда ставила алебастровую вазу, на столик за диваном.

Я заколебалась, а Фритс наблюдал за мной с бесстрастным лицом. Он, безусловно, выполнил бы мое указание, если бы я велела отодвинуть столик от окна, но я не настаивала.

– Вы правы. Эта ваза выглядит лучше на большом по размеру столе.

И я поставила алебастровую вазу туда, куда ее ставили до меня.

Беатриса не забыла о том, что обещала мне свадебный подарок, и однажды, когда я сидела в своем будуаре. Роберт внес огромную посылку, явно очень тяжелую. Я всегда по-детски радовалась посылкам. Бросилась к пакету, разрешила веревки и развернула коричневую бумагу. В пакете были книги: четыре толстых тома по истории искусств. В первом томе лежала записка: «Я думаю, что такой подарок придется вам по вкусу. Любящая вас Беатриса».

Это было очень мило с ее стороны, она действительно старалась доставить мне удовольствие. Я попробовала поставить книги на полку и отошла на один миг назад, чтобы посмотреть, какой вид они имеют на полке. В это время одна из книг соскользнула с полки, а за ней покатались и остальные. Одна из них задела фарфоровую статуэтку, стоящую на соседней полочке. Статуэтка упала на пол и вдребезги разбилась. Испуганно оглянувшись на дверь, я аккуратно собрала все осколки. Затем достала из ящика конверт, высыпала туда остатки статуэтки и засунула конверт на самое дно ящика.

После этого взяла подаренные книги и унесла их вниз, в библиотеку, где они прекрасно поместились на одной из полок.

Максим рассмеялся, когда я с гордостью показала ему подарок.

– Вероятно, ты ей очень понравилась, – сказал он. – Би никогда в жизни не открывает книгу, если этого можно как-нибудь избежать.

– Она говорила тебе что-нибудь обо мне?

– Когда она была у нас к ленчу? Нет, по-моему, ничего не говорила.

– А может быть, она написала тебе что-нибудь?

– Мы никогда не переписываемся, кроме тех случаев, когда происходят какие-нибудь семейные несчастья. Я считаю, что писание писем – пустая трата времени.

Если бы у меня был брат, подумалось мне, я бы все-таки написала ему несколько слов по поводу его недавнего брака. Конечно если бы считала брак удачным. В противном случае, я бы этого делать не стала.

На следующий день Фритс, после того как подал нам кофе в библиотеку, остановился в дверях и сказал:

– Разрешите мне поговорить с вами, сэр?

– Да, пожалуйста. Что случилось, Фритс?

Это по поводу Роберта сэр, между ним и миссис Дэнверс возник серьезный конфликт, и он очень расстроен.

– О боже, – воскликнул Максим, а я начала ласкать Джаспера (мое постоянное пристанище в минуты смущения).

– Миссис Дэнверс обвиняет Роберта в исчезновении статуэтки из будуара. Видите ли, в его обязанности входит приносить туда по утрам свежие цветы. Сегодня миссис Дэнверс вошла в будуар после его ухода и заметила, что статуэтка отсутствует. Еще вчера она была на месте. Она обвиняет Роберта в том, что он либо украл статуэтку, либо разбил ее и не желает в этом сознаться. Роберт категорически отрицает и то, и другое. Вы, может быть, заметили, что он был сам не свой во время ленча?

– Я заметил, что он подал мне котлеты прямо на тарелке, а не предложил взять их с блюда. Я не знал, что Роберт столь чувствителен. Ну, очевидно, статуэтку разбил кто-нибудь другой, вероятно, горничная.

– Нет, миссис Дэнверс вошла в комнату до того, как горничная приступила к уборке, сейчас же после того, как Роберт принес цветы. А вчера никто не входил в комнату после того, как ее покинула мадам.

– Попросите миссис Дэнверс ко мне, и мы сейчас покончим с этим делом. Что это была за статуэтка?

– Статуэтка из китайского фарфора.

– О боже, это одно из наших сокровищ. Позовите миссис Дэнверс.

– Слушаю, сэр.

Фритс вышел из комнаты, и мы с Максимом остались одни.

– Неприятно, – сказал Максим. – Эта статуэтка стоила кучу денег. Но я не понимаю, почему слуги обращаются ко мне, это ведь твоя компетенция, дорогая.

Я подняла голову, и он увидел мое залитое краской смущения лицо.

– Дорогой, – сказала я, – я хотела рассказать тебе раньше, но просто забыла. Дело в том, что статуэтку разбила я.

– Почему же ты не сказала об этом при Фритсе?

– Я боялась, что он сочтет меня сумасшедшей.

Теперь это случится скорее. Ты должна будешь сказать все и ему, и миссис Дэнверс.

– О нет, Максим, скажи лучше ты, а мне позволь уйти наверх.

– Не будь дурочкой. Можно подумать, что ты их боишься.

– Я действительно боюсь их.

В этот момент дверь раскрылась, и Фритс ввел миссис Дэнверс. – Миссис Дэнверс, все это просто недоразумение. Миссис де Винтер разбила статуэтку и забыла сказать об этом.

Он глядел на меня, смеясь и сердясь одновременно

– Мне очень жаль, – сказала я, глядя на миссис Дэнверс. – Я никак не думала, что подозрение падет на Роберта.

– Может быть, можно реставрировать статуэтку? – спросила миссис Дэнверс.

Она глядела на меня с вызовом, и я поняла, что она все знала раньше и нарочно обвинила Роберта, желая проверить, хватит ли у меня храбрости сознаться во всем.

– Боюсь, что реставрировать ничего нельзя. Она разбилась на мелкие кусочки.

– А куда ты дела эти кусочки? – спросил Максим.

– Положила их в конверт.

– А куда дела конверт?

– В ящик письменного стола.

– Миссис де Винтер, кажется, боится, что вы посадите ее в тюрьму, – сказал Максим, – не правда ли, миссис Дэнверс? Возьмите конверт и поглядите, нельзя ли что-нибудь сделать.

– Все в порядке, Фритс, – обратился он к дворецкому, – скажите Роберту, чтобы он перестал лить слезы.

Как только Фритс вышел, миссис Дэнверс сказала:

– Я, конечно, извинюсь перед Робертом, но все улики были против него. А что миссис де Винтер сама разбила статуэтку? – мне просто в голову не пришло.

Если что-нибудь случится еще раз, я очень прошу миссис де Винтер прямо сказать мне об этом. Таким образом мы избежим недоразумений. Может быть, миссис де Винтер не знала, что это очень дорогая вещь?

– Нет, я именно предполагала, что это большая ценность, поэтому и собрала все осколки так тщательно.

– И спрятала так далеко, чтобы никто не смог их найти? – насмешливо спросил Максим. – Так обычно ведут себя младшие горничные, не правда ли, миссис Дэнверс?

– Младшим горничным не разрешается трогать такие дорогие вещи в Мандерли. И вообще в будуаре до сих пор еще не была разбита ни одна вещь. Когда была жива первая миссис де Винтер, мы часто убирали будуар вместе с ней.

– Ну, все, – нетерпеливо сказал Максим. – Ничего не поделаешь, миссис Дэнверс.

И она вышла из комнаты, а Максим вернулся к своим газетам.

– Мне очень совестно, Максим, – сказала я. – Это случилось тогда,

когда я хотела поставить свои книги на полку.

– Мое дорогое дитя, какое это имеет значение?

– Мне следовало бы быть более осторожной. Миссис Дэнверс страшно обозлится на меня.

– Из-за чего она может злиться? Насколько мне известно, китайский фарфор принадлежит не ей.

– Но она так гордится всеми этими безделушками, и так любит их. И до сих пор еще никто ничего не разбил.

– Лучше, что это сделала ты, чем если бы это случилось со злополучным Робертом.

– А я была бы рада, если бы виноват был Роберт! Мне миссис Дэнверс этого никогда не простит.

– Да будь она проклята, миссис Дэнверс! Она же не всемогущий Господь! Я тебя совершенно не понимаю, когда ты говоришь, что боишься ее. И ты так странно ведешь себя. Представь себе, что, разбив статуэтку, ты бы позвала миссис Дэнверс и сказала ей просто: «Уберите осколки». А вместо этого ты собираешь и прячешь осколки, как будто ты младшая горничная, а не хозяйка этого дома!

– Я действительно похожа на младшую горничную. Поэтому мне так хорошо с Клариссой. Мы с ней на дружеской ноге. Ты знаешь, я недавно навестила ее мать и спросила: довольна ли Кларисса своей работой? «О да, мадам, Кларисса говорит, что совсем не чувствует себя в подчинении, а живет как будто бы в своем кругу».

– Я понимаю мать Клариссы и ее насквозь пропахший луком капустный домик. У нее было девять человек детей моложе одиннадцати лет, она сама обрабатывала огород, босиком, с надетым на голову чулком. Каким образом Кларисса выглядит так мило и опрятно, я просто не понимаю, – сказал Максим.

– О, она воспитывалась в другом доме, у тетки. Должна тебе признаться, что ее мать, хоть и простая женщина, но мне легче находиться в ее обществе, чем в обществе жены епископа, где я всегда чувствую себя не в своей тарелке.

– Конечно, если ты поехала с визитом в этой старой юбке, то это вполне естественно.

– Нет на мне было выходное платье, но я не люблю людей, которые судят о других по их нарядам.

– Не думаю, чтобы жена епископа обращала хоть какое-нибудь внимание на наряды, но если ты сидишь на самом кончике стула и открываешь рот только для того чтобы сказать «да» или «нет», как это было

в последний раз, когда мы с тобой вместе ездили с визитом, то понятно, что всем тяжело и неловко...

– Да, я очень застенчива и ничего не могу с этим поделать.

– Понимаю, тебе трудно, но необходимо постараться преодолеть это смущение.

– Ты несправедлив ко мне. Я стараюсь изо всех сил, изо дня в день. Ты просто не понимаешь того, что я выросла в другом окружении и никогда не вела светского образа жизни. Не думаешь ли ты, что все эти визиты доставляют мне удовольствие?

– Ничего не поделаешь. Здесь принято вести себя именно так, как бы это ни было скучно, – ответил Максим.

– Дело совсем не в скуке, а в том, что люди рассматривают меня, как призовую корову.

– Кто именно?

– Все.

– Какая тебе, в сущности, разница? Это придает какой-то интерес их жизни.

– Почему я должна быть для них постоянным объектом критики?

– Потому что ты хозяйка Мандерли, а испокон века у всех здешних обитателей жизнь в нашем поместье вызывала жгучий интерес.

– Я у всех, как сучок в глазу. Думаю, что ты женился на мне из-за того, что я глупа, неопытна и не могу им предоставить никакого материала для сплетен.

– Что ты хочешь этим сказать?

Он отбросил свои газеты и уставился на меня мрачными, злыми глазами. В голосе звучали незнакомые мне металлические нотки.

– Почему ты глядишь так строго?

– Какие сплетни о Мандерли ты слышала? Кто говорил с тобой об этом?

– Никто ничего мне не говорил. Я просто злюсь из-за того, что мне нужно ездить с визитами и служить вечным объектом критики.

– То, что ты сказала, не слишком приятно слышать.

– Это было гадко с моей стороны. Извини меня, Максим.

Он стоял, покачиваясь на каблуках, держа руки в карманах, и улыбался горькой улыбкой.

– Я думаю о том, – сказал он, – что я поступил очень эгоистично, женившись на тебе.

– Почему ты так думаешь?

– Между нами слишком большая разница в возрасте. Тебе следовало

немного подождать и выйти замуж за своего ровесника. Человек, который прожил большую часть своей жизни, не может быть тебе товарищем.

– Это просто смешно, – возразил я. – Возраст не играет никакой роли в супружестве. И, конечно, мы подходим друг другу как товарищи.

– В самом деле?

Я подошла к нему и обняла.

– Ты знаешь, что я люблю тебя больше всего на свете. Ты для меня отец, брат, сын – в одном лице.

– Во всем виноват я, – захватил тебя нахрапом и не дал тебе возможности обдумать свой поступок, – сказал Максим.

– А я не собиралась его обдумывать, так как у меня не было никакого выбора, как ты понимаешь, Максим. Если человек любит, то...

– Счастлива ли ты здесь? – спросил он, глядя в сторону. – Я иногда сомневаюсь в этом. Ты побледнела и похудела здесь.

– Конечно, счастлива. Я люблю Мандерли, его сады и леса, и не буду больше возражать против гостей. Я согласна каждый день ездить с визитами, если ты этого хочешь. Я никогда не раскаивалась в том, что вышла замуж за тебя.

Он обнял меня и поцеловал в макушку.

– Бедная овечка, – сказал он. – Ты не слишком весела со мной, боюсь, что со мной вообще не просто ладить.

– О нет, Максим, с тобой очень легко ладить. Я всегда боялась замужества: мне казалось, что муж непременно будет пьянствовать, ругаться, будет крайне неприятен и, может быть, еще будет издавать дурной запах. Все это к тебе никак не относится.

– О боже! Надеюсь, что нет, – и он улыбнулся.

Я обрадовалась этой улыбке, взяла его руку и поцеловала ее.

– Смешно, будто мы не товарищи. Мы очень хорошие товарищи и оба, безусловно, счастливы. Ты говоришь так, словно наш брак неудачен, тогда как на самом деле он очень удачен.

– Если ты это говоришь, то уже хорошо.

– Да, но ты согласен со мной, не правда ли? Мы оба счастливы, очень счастливы, а если для тебя это иначе, то я предпочту уехать от тебя, чем огорчать тебя. Почему ты не отвечаешь мне?

– Как я могу тебе ответить, когда я и сам этого не знаю. Если ты говоришь, что мы оба счастливы, давай на этом остановимся и будем считать, что это так.

Он взял мою голову в руки и снова поцеловал меня.

– Боюсь, что ты разочаровался во мне, – сказал я. – Я неловка,

застенчива, лишена элегантности, и ты считаешь, что я никак не подхожу к Мандерли.

– Не болтай глупостей: я никогда этого не говорил. Ну, а твою застенчивость ты со временем преодолеешь. Я тебе говорил уже это.

– Мы вернулись к тому, с чего начали. А началось все с того, что я разбила статуэтку. Не будь этого, мы спокойно выпили бы кофе и пошли гулять в сад.

– Будь проклята эта статуэтка! Неужели ты думаешь, что меня заботит этот фарфор?

– Он был очень ценный?

– Возможно. Не помню.

– По-видимому, все вещи в будуаре представляют большую ценность. А почему именно там сосредоточены самые лучшие вещи?

– Не знаю. Возможно, потому что именно там они выглядят лучше всего.

– Эти вещи собраны там твоей матерью?

– Нет, все появилось, когда я женился.

– Откуда же все это появилось?

– Я думаю, что это были свадебные подарки, а Ребекка хорошо разбиралась в китайском фарфоре.

О чем он задумался? Наверное, о том, что свадебный подарок, преподнесенный мне, разрушил подарок, преподнесенный по тому же поводу Ребекке.

– О чем ты думаешь?

– Ни о чем особенном. Я обдумывал вопрос о том, когда и в каком составе будет проходить крикетное соревнование между графствами Миддлсекс и Сэррей.

В конце июня Максим уехал на два дня в Лондон на какое-то совещание по делам графства.

Увидев отъезжающую машину, я почувствовала себя так, словно расставалась с Максимом навсегда и никогда его больше не увижу.

...Когда я вернусь с прогулки, Фритс встретит меня с бледным испуганным лицом и скажет, что по телефону сообщили о несчастном случае в дороге, и я должна собрать все свое мужество.

Я уже представляла себе похороны Максима и довела себя до такого состояния, что во время ленча не могла проглотить ни кусочка.

После ленча я сидела в тени каштана и делала вид, что читаю книгу, а на самом деле была во власти своего беспокойства.

Незаметно подошел Роберт и сказал, что только что звонили из Лондона.

– Звонили из клуба, мадам. Мистер де Винтер прибыл десять минут назад.

Я не сразу поняла смысл его слов.

– Спасибо, Роберт. Как они быстро доехали. Мистер де Винтер звал меня к телефону или просил что-нибудь передать?

– Нет, мадам. Только то, что они благополучно прибыли. Со мной говорил шофер.

Я испытала колоссальное облегчение и одновременно ощутила голод, так как ничего не ела. Потихоньку зашла в столовую, вынула из серванта несколько печений и яблоко и отправилась с этой провизией на прогулку в лес.

Звонок из Лондона и импровизированная трапеза привели меня в прекрасное настроение. Я одна и вольна делать все, что мне заблагорассудится. Я чувствовала себя школьницей, отпущенной на каникулы.

Подозвала Джаспера и мы с ним направились к Счастливой долине и маленькой бухте.

Азалии уже отцвели, и только колокольчики все еще украшали сад. Я легла на траву и наслаждалась полным покоем. Если бы Максим был рядом со мной, я бы все время наблюдала за его настроением, думала о том, не скучает ли он со мной. Он был моей единственной отрадой и смыслом всей моей жизни, и все-таки я отдыхала без него.

Джаспер лазил уже по скалам. Я окликнула его, но он и не собирался возвращаться ко мне. Вслед за ним я спустилась к бухточке. Был полный отлив, и море простиралось передо мной, спокойное и тихое. Светило яркое солнце, и все не казалось мне таким заброшенным, как тогда, когда я видела этот пейзаж в первый раз, сумрачным и дождливым днем. Маленький залив был очень мелкий, не более трех футов глубины. В стенку пристани было вделано железное кольцо, к которому, вероятно, раньше привязывали лодку. Здесь же была надпись на французском языке «Возвращаюсь». Наверное, это название лодки. Неплохое название, если бы она в действительности возвратилась назад. Это была небольшая лодка, как рассказывал мне Фрэнк Кроули, с маленькой каютой на палубе.

Я подошла к коттеджу и с удивлением увидела, что дверь, которую я плотно закрыла за собой в прошлый раз, была снова приоткрыта.

– Есть здесь кто-нибудь? – крикнула я, в то время как Джаспер заливался истерическим лаем. Я взяла его на поводок. Заглянув в следующую комнату, я увидела притаившегося в углу Бена.

– В чем дело? – спросила я. – Что тебе здесь нужно?

– Я ничего не сделал.

– И все же, я думаю, что тебе следует уйти отсюда. Мистер де Винтер не хочет, чтобы кто-нибудь заходил сюда.

В руке у Бена я увидела удочку.

– Эта удочка твоя?

Ответ был нечленораздельным.

– Послушай, Бен, можешь взять себе эту удочку, если она тебе нужна, но больше этого не делай. Брать чужие вещи – нечестно.

– Вы ведь не станете помещать меня в приют? Не правда ли?

– Ну конечно, нет, – мягко ответила я.

– Я не сделал ничего дурного и никогда никому ничего не рассказывал, – и слезы потекли у него из глаз.

– Успокойся, Бен. Никто не собирается тебя обижать. Но тебе не следует больше ходить в коттедж.

Он шел за мной по пятам. Вдруг, нагнувшись, поднял со скалы креветку и преподнес ее мне.

– Спасибо. Прекрасная креветка.

– У вас глаза ангела, – вдруг сказал он, – и вы вовсе не похожи на ту, другую.

– О ком ты говоришь, Бен?

Он приложил палец к губам:

– Она была высокая, тонкая и черная, как змея. Я никогда ничего

никому не говорил, так она мне велела. «Вы меня никогда не видели и не увидите», – сказала она. Вы не поместите меня в приют, не правда ли? Там обращаются с больными очень жестоко. Она уехала?

– Я не знаю, о ком речь, Бен, – внятно и четко ответила я. – Никто не собирается тебя обижать. До свидания, Бен.

«Бедняга совершенно безвреден» – сказал мне Максим и подтвердил Фрэнк. Вряд ли кто-нибудь угрожал ему отправкой в приют. Вероятно, он где-нибудь случайно подслушал разговор и теперь никак не может этого забыть.

Но бормотание идиота нагнало на меня тоску, захотелось бежать из этого заброшенного уголка. Казалось, что меня кто-то подстерегает, следит за мной. Я вышла на тропинку и бросилась бежать, таща за собой Джаспера. Приняв это за новую игру, пес залился радостным лаем.

Теперь я заметила, как сильно заросла эта тропинка, как по ней было трудно идти и как здесь было темно. Нужно сказать Максиму, чтобы здесь расчистили.

Наконец, мы достигли лужайки, и я с радостью увидела перед собой наш прекрасный и величавый дом. Вдруг я заметила какую-то машину, стоявшую на подъездной аллее, позади рододендронов. Это было очень странно. Гости обычно подъезжали к подъезду, а коммивояжеры и всякого рода посыльные – со стороны служебного входа, который находился возле конюшен и гаража. Подойдя поближе, я рассмотрела длинную низкую спортивную машину, мне совершенно незнакомую.

Я задумалась. Если это гость, то Роберт провел его либо к гостиную, либо в библиотеку, а из гостиной он легко мог увидеть меня, когда я проходила по лужайке. Я вовсе не хотела встречаться с гостем в таком домашнем непрезентабельном виде, тем более, что придется пригласить его к чаю.

Стоя в задумчивости на краю лужайки, я случайно подняла глаза и увидела открытое окно в западном крыле. Возле окна стоял мужчина, который, увидев меня, сразу отскочил назад. После этого показалось рука миссис Денверс в длинном черном рукаве, которая закрыла окно и ставни. Сначала я подумала, что сегодня день, когда дом открыт для посещения широкой публики, но затем вспомнила, что по вторникам публики у нас не бывает, да и Фритс в обязанности которого входило показывать дом посторонним, сегодня отсутствует. Все это было странно, особенно машина, поставленная так, чтобы ее нельзя было увидеть из дома. По-видимому, все это касалось миссис Дэнверс и ко мне не имело никакого отношения. Наверно, она показывала западное крыло кому-то из своих

знакомых.

Странно, что это случилось именно в тот день, когда Максим отсутствовал.

В дом я вошла с мыслью, что за мной, может быть, наблюдают из окна. В холле не было ни тросточки, ни шляпы, ни одной визитной карточки.

Я вошла в оранжерею и вымыла там руки, чтобы не подниматься наверх и не столкнуться на лестнице с незнакомцем. Потом вспомнила, что оставила свое вязание в будуаре и решила принести его вниз. Верный Джаспер шел за мной по пятам.

Дверь в будуар стояла открытой, а моя работа, оставленная на диване, оказалась заткнутой под подушку. На месте, где она лежала, была видна вмятина, и ясно было, что работу под подушку засунул человек, которому она мешала сесть на диван. Стул у письменного стола тоже оказался сдвинутым.

Похоже было, что миссис Дэнверс, воспользовавшись моим отсутствием и отъездом Максима, принимала своих гостей в моем будуаре. Джаспер тщательно обнюхал диван и отнесся к новому запаху с полным доверием. Я вовсе не хотела изобличать миссис Дэнверс и почувствовала себя очень неловко.

Взяв вязание, я вышла из комнаты и в тот же момент услышала, что открылась находившаяся напротив дверь из западного крыла и раздался голос миссис Дэнверс:

– Надеюсь, что она пошла в библиотеку. Если это так, то вы пройдете через холл, не встретившись с ней. Подождите минутку, пойду взгляну.

Я бы очень хотела спрятаться, но это было невозможно, и я в нерешительности стояла за дверью. Джаспер вдруг бросился к мужчине и радостно завилял хвостом.

– Хелло, маленький дворняга!

Затем послышались шаги, и мужчина вошел в комнату. Он не сразу увидел меня, но Джаспер бросился ко мне, и тут он меня заметил. Он посмотрел на меня так, как будто я была взломщиком, а он хозяином дома.

– Извините меня, пожалуйста.

Это был рослый мужчина с красным, слегка одутловатым лицом, которое обычно ассоциируется с хроническим алкоголизмом и распушенностью. Рыжеватые волосы имели почти тот же цвет, что и кожа лица. Складки жирной шеи нависали над воротником. Он начал улыбаться деланной улыбкой.

– Надеюсь, что не помешал вам. Мне очень неловко, что я так ворвался к вам. Я приехал навестить Дэнни, мою старую приятельницу, а она очень

боится беспокоить вас.

– Не волнуйтесь, все в порядке, – пробормотала я.

Я с любопытством наблюдала за Джаспером, который все прыгал вокруг гостя в полном восторге.

– Этот попрошайка еще не забыл меня. Он превратился в красивого взрослого пса. Когда я видел его в последний раз, он был еще щенком. Но он слишком толст, нужно заставлять его побольше бегать.

– Мы с ним только что вернулись с дальней прогулки.

– В самом деле? Как это благоразумно с вашей стороны.

Он вытащил портсигар и предложил мне сигарету.

– Не курю.

Он закурил сам. Я обычно не обращаю внимания на подобные мелочи, но все же мне показалось, что он невежлив, плохо воспитан.

– Как поживает старина Макс?

Неожиданным был его фамильярный тон и то, что он назвал Максима Максом.

– Очень хорошо, благодарю вас. Он уехал по делам в Лондон.

– ...и оставил свою молодую жену одну. А он не боится, что ее кто-нибудь похитит?

Он засмеялся, открыв рот, и это выглядело удивительно вульгарным. Мне он решительно не нравился.

В комнату вошла миссис Дэнверс.

– Хелло, Дэнни, вот и вы, наконец. Все ваши предосторожности оказались излишними, так как хозяйка дома спряталась за дверью. Не считаете ли вы, что следует меня представить? В конце концов, это принято – делать визиты новобрачной.

– Мистер Фэвелл, мадам, – сказала миссис Дэнверс нехотя.

– Как вы поживаете? – сказала я вежливо. – Не хотите ли остаться к чаю?

– Ну, разве не очаровательное приглашение?

Я чувствовала, что вся ситуация была крайне фальшивой, но не знала, в чем здесь дело.

– Это было бы очень забавно, не сомневаюсь, но все же я, пожалуй, лучше поеду домой. Не хотите ли взглянуть на мою машину? Это великолепная марка и по скорости превосходит все машины, которые были у Макса.

– А где стоит машина? – спросила я небрежно.

– На въездной аллее, позади цветника. Я не хотел подъезжать к дому, чтобы не нарушить ваш покой.

Мы все вышли в холл, и я видела, как он подмигнул миссис Дэнверс через плечо. Она не ответила ему и выглядела крайне недовольной.

– Денни, а вы не желаете полюбоваться моей машиной?

Следя уголком глаза за мной, она ответила:

– Нет, я не буду выходить. До свидания, мистер Джек.

Он сердечно пожал ей руку и ответил:

– До свидания, Денни. Вы ведь знаете, где меня найти, когда вы пожелаете. Для меня было очень приятно повидаться с вами... Доброе старое Мандерли... Мне кажется, что оно вовсе не изменилось. Думаю, что Дэнни поддерживает здесь порядок. Она просто удивительная женщина.

– Да, очень дельная и толковая.

– А как вам нравится жить здесь в полной изоляции от всего мира?

– Мне очень нравится Мандерли, – ответила я холодно.

– Вы жили где-то на юге Франции, когда Макс встретил вас? Если не ошибаюсь, в Монте-Карло?

– Да, это было в Монте-Карло.

Мы подошли к его машине ядовито-зеленого цвета.

– Как она вам нравится? – спросил он.

– Очень мила.

– Может быть, разрешите прокатить вас до ворот?

– Нет благодарю вас, я немного устала.

– Наверное, вы считаете, что хозяйке Мандерли не пристало кататься в машине с человеком вроде меня?

– О нет, – сказала я, смутившись.

– Ну что ж, не следует огорчать молодую жену, не правда ли, Джаспер?

Он открыл дверцу машины и вынул шляпу и пару огромных автомобильных перчаток.

– До свидания, – сказал он. – Мне было очень интересно повидать вас.

– До свидания, – коротко ответила я.

– Кстати, – сказал он, принимая вид полной беззаботности, – было бы очень любезно с вашей стороны, если бы вы согласились не рассказывать Макс о моем посещении. Он неприязненно относится ко мне, и я не хотел бы, чтобы у Дэнни были из-за этого неприятности. Может быть, вы все-таки согласитесь прокатиться немного в моей машине?

– О нет. Пожалуйста, не обижайтесь.

– До свидания. Возможно, что я еще как-нибудь заеду к вам. Нехорошо со стороны Макса оставлять вас одну.

– Я люблю быть одна, так что ничуть не обижаюсь.

– Уйди, Джаспер, ты поцарапаешь мне новую машину. Нет, этого не

может быть. Это противоестественно... Сколько месяцев вы замужем? Около трех, не так ли? Я бы хотел, чтобы меня ждала жена, с которой я повенчался три месяца назад... Но нет, меня никто не ждет. Я одинокий холостяк. Ну, всего хорошего, – и он включил мотор.

– Идем домой, Джаспер, не будь таким дураком! – я немедленно направилась к дому. Миссис Дэнверс скрылась. Я позвонила. На мой звонок появилась Алиса и спросила:

– Что угодно, мадам?

– Алиса, разве Роберта нет дома? Я бы хотела выпить чай за столиком под каштановым деревом.

– Роберт пошел на почту и еще не вернулся, так как миссис Дэнверс сказала ему, что вы сегодня запоздаете с чаем. Если вы хотите чай сию минуту, я могу подать вам, хотя еще нет половины пятого.

– Неважно, Алиса, я подожду возвращения Роберта.

До сих пор никогда не случалось, чтобы Фритс и Роберт одновременно уходили из дома. Этот мистер Фэвелл хорошо рассчитал время, чтобы нанести свой визит. даже слишком хорошо. Но не хотелось конфликтовать с миссис Дэнверс, а еще меньше – огорчать Максима.

Кто он, это Фэвелл, и почему называл Максима – Макс? Только один человек называл его так, и это была Ребекка. И вдруг мне пришла в голову мысль пойти взглянуть на комнаты западного крыла и особенно на ту, где недавно находилась Дэнверс с этим Фэвеллом. Я хотела дожидаться Роберта, а пока смело могла пойти и взглянуть, что же делалось там, в комнатах с закрытыми ставнями.

Я узнала коридор, в котором уже однажды была. Кругом царила абсолютная тишина, и чувствовался застоявшийся воздух. Я не знала, куда направить свои шаги, чтобы попасть именно в ту комнату, в окне которой видела миссис Дэнверс и Фэвелла. Наугад открыла дверь и попала в небольшую переднюю, из которой другая дверь вела в гардеробную. Из гардеробной я попала в большую темную комнату, в которой зажгла электрическую лампу. Я считала, что мебель сдвинута на середину и закрыта чехлами, а оказалось, что комната находится в таком виде, как будто в ней кто-то живет.

Большая двуспальная кровать с наполовину снятым золотистым покрывалом. На подушке лежала в мешочке ночная сорочка. На кресле приготовлен шелковый халат, а на полу стояли миниатюрные ночные туфли. На туалетном столике разложены гребенки, головные щетки, духи и пудра.

Повсюду вазы с живыми цветами. Казалось, что хозяйка этой комнаты отошла ненадолго и скоро вернется к себе.

На стене висели часы, они шли и показывали то же время, что и мои: четыре часа двадцать пять минут. Это вернуло меня к реальности. Нет, хозяйка этой комнаты ушла навсегда и не вернется, несмотря на свежие цветы и заведенные часы. Я направилась к выходу, но в этот момент раздались шаги, и в комнату вошла миссис Дэнверс.

– Что-нибудь случилось?

Я хотела улыбнуться и ответить, но не могла произнести ни слова.

– Вам нездоровится, мадам? – она произнесла это мягким голосом близко подошла ко мне. Я слегка отстранилась, так как почувствовала ее дыхание на своем лице. Казалось, что если она подойдет ко мне вплотную, я упаду в обморок.

– Я вполне здорова, миссис Дэнверс. Когда я возвращалась домой, то заметила, что одна ставня в этой комнате открыта и пришла, чтобы закрыть ее.

Она замолчала, во все глаза уставившись на меня.

– Зачем вы это сказали? Я плотно закрыла ставни, выходя отсюда. Вам просто захотелось посмотреть эту комнату, и я только удивляюсь, почему вы не сказали об этом мне. Раз вы здесь, я постараюсь вам все показать, как следует. – И она взяла меня под руку крепкими пальцами и принялась

водить по комнате.

– Это действительно очень красивая комната, такой вы никогда в жизни не видели. Взгляните на камни, лепной потолок и роскошную кровать под балдахин. Я оставила на ней золотистое покрывало, которое она предпочитала всем остальным.

Вот ее ночная сорочка, еще сохранившая складки от утюга. Все здесь осталось таким, каким было приготовлено в тот вечер, когда она ушла и больше не вернулась. Вот ее халат и ночные туфли. Посмотрите, какие они маленькие и узкие. – И она насильно всунула мою кисть в туфельку. – А ведь она была очень высокого роста и тем более удивительно, что у нее были такие маленькие ножки. Высокая и стройная, но когда она лежала в этой кровати, то выглядела крошкой и видно было лишь ее прекрасное бледное лицо в обрамлении густых черных волос.

Она носила короткие волосы только в самые последние годы, и все очень сердились на нее, когда она остриглась. «А мне все равно, Дэнни, – говорила она, – это мое личное дело, и никого не касается. «И действительно, ездить верхом, управлять парусной лодкой, заниматься другими видами спорта, конечно, удобнее с короткими волосами.

Но когда она выходила замуж, у нее были дивные черные косы, и она заставляла мистера де Винтера расчесывать их щетками. «Крепче нажимай, Макс, – говорила она, – крепче, „а он смеялся и старался изо всех сил. Но, наконец, он бросал щетки и говорил мне: «Продолжайте сами, иначе я опоздаю к обеду“. Они оба всегда переодевались к обеду, и в доме обычно было полно гостей. А мистер де Винтер выглядел тогда веселым и жизнерадостным.

Е портрет нарисовал знаменитый художник. Она была изображена верхом на лошади. Говорят, что это было лучшее произведение года, но мистер де Винтер не пожелал иметь его здесь, в Мандерли. Видимо, он считал, что художник не сумел полностью отразить ее красоту. Портрет висит в музее. Вы его не видели?

– Нет. Не пришлось.

Теперь она повела меня в маленькую гардеробную и открыла один из шкафов.

– Вот здесь я храню ее меха от моли, и моли до сих пор не удалось сюда добраться, да и в дальнейшем, вероятно, не удастся. Я тщательно слежу за этим. Пощупайте, это ее соболье манто, которое мистер де Винтер подарил ей ко дню рождения. А вот пелерина из шиншиллы, которую она набрасывала на плечи в холодные вечера. А в следующем шкафу висят ее вечерние платья. Мистер де Винтер предпочитал видеть ее в серебряной

парче, но, конечно, при ее красоте она могла носить любое платье и любые цвета. Посмотрите на этот панбархат винного цвета и пощупайте: какая нежная и приятная ткань. Попробуйте приложить платье к своим плечам. Вас оно покроет до каблуков, потому что вы намного ниже нее ростом. Платье сохранило аромат ее духов, как будто она только что сняла его. Когда она проходила по комнате, то после нее всегда оставалось ароматное облако.

А в этом ящике лежит ее белье. Этот розовый гарнитур она ни разу не надевала.

Когда она ушла из дома в последний раз, на ней были только юбка и блузка, а когда ее тело нашли долгое время спустя, то на ней уже вообще ничего не было. Волны били ее тело о скалы, и ее прекрасное лицо стало, говорят, абсолютно неузнаваемым, и рук у нее уже не было.

Мистер де Винтер ездил для опознания один. И хотя он был в это время очень болен, никто не мог отговорить его, даже мистер Кроули.

Я всегда буду обвинять себя в этом несчастье. Я ушла в этот день в Керритс. Мне было известно, что миссис де Винтер в Лондоне и вернется поздно, и я не торопилась домой. Когда я вернулась в половине девятого, то узнала, что она приходила в семь часов и снова ушла. Мне это не понравилось, так как поднялся юго-западный ветер.

Часто удавалось уговорить ее: «Не выходите сегодня, погода неподходящая», и она оставалась со мной и рассказывала, как провела время в Лондоне.

Мистер де Винтер обедал в этот день у мистера Кроули и пришел домой около одиннадцати часов вечера. В это время поднялся очень резкий ветер, и я начала сильно беспокоиться. В библиотеке свет был уже погашен, и я поднялась наверх, к его спальне. Постучала в дверь: «Кто там? Что вам нужно?» Я сказала, что очень беспокоюсь о миссис де Винтер. Он вышел ко мне и сказал: «Вероятно, она решила переночевать в коттедже, не станет же она лезть наверх в такую погоду. На вашем месте я бы спокойно пошел спать».

Он выглядел усталым, и мне было неудобно, что я беспокою его. В конце концов, он был прав: она часто ночевала в коттедже, а в море выходила во всякую погоду.

Я сидела на своей кровати, а заснуть не могла. В половине шестого утра я встала, надела пальто, вышла и направилась к морю. Ветер улегся, но шел дождь и было туманно. Я спустилась к берегу и увидела, что лодки на месте не было. Один буй выловили в Керритсе на другой день, другой нашли среди скал, а прилив каждый день выбрасывал на берег обломки.

Теперь вы знаете, почему мистер де Винтер не хочет больше жить в западном крыле. Прислушайтесь. – И действительно, сквозь закрытые ставни доносился неумолчный шум моря.

– Он не заходил в эту комнату с тех пор, как она утонула. Он приказал перенести все свои вещи в другую, находящуюся в конце коридора комнату. Но и там он, видимо, совершенно не спал, а сидел всю ночь в кресле, утром все кругом было засыпано пеплом и окурками. Днем Фритс слышал, как он безостановочно ходил по библиотеке взад и вперед, и снова взад и вперед... Я ежедневно все здесь убираю. Кроме меня, не приходит никто. Горничную я сюда не пускаю. Здесь ведь много прекрасных комнат, а не одна эта. Когда-нибудь, когда вам станет скучно и захочется побродить здесь, позвоните мне по домашнему телефону, и я провожу вас сюда.

Все здесь выглядит так, словно она лишь ненадолго отлучилась, а не ушла навсегда. Как вы думаете, могут ли покойники наблюдать за близкими, оставшимися в живых? Иногда я думаю, что она наблюдает за жизнью в Мандерли и видит мистера де Винтера и вас, занявшую ее место.

Я хотела что-то ответить, но сжатое и сухое горло не сумело издать ни звука.

С ее бледного широкоскулого лица на меня глядели глубоко запавшие глаза, полные ненависти ко мне.

Наконец, она открыла дверь на лестницу и посторонилась, давая мне дорогу.

– Роберт уже дома. Он пришел приблизительно час тому назад. Ему приказано сервировать вам чай под старым каштаном.

Я вышла, не чувствуя под собой ног, ничего не видя впереди себя. Стремительно прошла в восточное крыло, зашла в свою комнату и заперла дверь на ключ. Легла на кровать и закрыла глаза.

Я чувствовала себя смертельно усталой.

На следующее утро Максим позвонил по телефону и сообщил, что вернется около семи часов вечера. К телефону подходил Фритс. Я надеялась, что Максим захочет со мной поговорить и встала из-за стола, отложив в сторону салфетку. Фритс увидел это и сказал:

– Мистер де Винтер уже повесил трубку. Он ничего не сказал, кроме того что будет в семь вечера.

Я села за стол и принялась за свою яичницу с ветчиной. Джаспер лежал, как всегда, у моих ног, а старая собака, по обыкновению, находилась в своей корзине, в углу комнаты.

Чем заполнить предстоящий день? Ночь я провела очень плохо. Вначале пыталась поскорее заснуть и глядела на часы, которые будто и не двигались. Когда я, наконец, уснула, меня стали преследовать тяжелые сны и кошмары. Снилось, что мы с Максимом в лесу, он идет впереди. Ни догнать его, ни увидеть его лицо я не могу. По-видимому, я плакала во сне, так как, проснувшись, почувствовала, что подушка стала влажной. Взглянув на себя в зеркало, я увидела распухшие глаза и бледное, непривлекательное лицо. Попробовала слегка наругаться, но вышло еще хуже – я стала похожа на накрашенного клоуна. Роберт с удивлением взглянул на меня, когда я прошла через холл в столовую.

В десять часов я стояла на террасе и разбрасывала крошки хлеба для птиц. В это время снова раздался телефонный звонок. На этот раз меня позвала к телефону миссис Леси.

– Добрый день, Беатриса.

– Как поживаете, дорогая? Решила нанести сегодня визит нашей бабушке и хотела предложить вам поехать со мною. Я буду на ленче в гостях недалеко от вас, и на обратном пути заеду за вами. Предложение принимается?

– С удовольствием поеду, Беатриса, – сказала я.

– Хорошо, буду у вас в половине третьего. Жиль видел Максима в Лондоне за обедом. Была очень плохая еда, но великолепное вино.

Она повесила трубку, а я пошла обратно в сад. Настроение у меня было не таким, чтобы бегать с Джаспером по Счастливой долине. Предложение Беатрисы посетить бабушку подвернулось очень кстати. Это, как-никак, займет мое время, которое, казалось мне, будет тянуться до семи вечера бесконечно.

Пока я с книгой, газетой и вязанием шла к скамейке среди розария, я чувствовала себя так, как будто бы из всех окон дома за мной вели наблюдение. Миссис Дэнверс могла меня видеть, а я этого установить никак не могла. Вспомнила свои детские игры в прятки, но там все было проще и понятнее.

Когда меня позвали к ленчу, я почувствовала облегчение. Спокойствие и полное бесстрашие Фритса в соединении с глуповатым лицом Роберта действовали успокаивающе, а ровно в половине третьего, минута в минуту, подъехала машина Беатрисы, и она вышла, чтобы поприветствовать меня.

— Вы плохо выглядите. Исхудавшее лицо, ужасно бледное. Что случилось?

— Да ничего не случилось. Я никогда не была особенно румяной.

— Да, но когда я видела вас в прошлый раз, вы были совсем другой.

— Вероятно, тогда еще сохранялись следы итальянского загара.

— О, у вас тот же характер, что и у Максима, который не выносит, когда обсуждают его здоровье. Быть может, вы собираетесь подарить нам инфанта?

— Не думаю.

— У вас не бывает тошноты и недомогания по утрам?

— О нет!

— Ну, конечно, это не всегда протекает так. Когда я носила Роджера, то все девять месяцев была весела и здорова, а накануне родов еще играла в гольф. Если у вас есть какие-нибудь подозрения, вы бы правильно поступили, поделившись со мной.

— Мне, право, нечего сказать вам, Беатриса.

— Должна признаться, что буду очень рада, если вы подарите Максиму сына и наследника. Максим был бы счастлив. Надеюсь, вы не принимаете никаких мер предосторожности?

О не обижайтесь на меня. Конечно, для женщины, любящей охоту и спорт, провести свой первый сезон на режиме беременной было бы ужасно, это могло бы расстроить самый счастливый брак. Но вы ведь увлекаетесь рисованием, а оно вам никак не мешает. Кстати, много ли вы рисуете?

— Очень мало.

— И в самом деле, нельзя же сидеть на месте, когда стоит такая чудесная погода. Понравились ли вам книги, которые я прислала?

— Да, очень, это был прекрасный подарок!

— Рада, что сумела вам угодить.

Мы сели в машину, и Беатриса повела ее с бешеной скоростью: люди, которых мы обгоняли, ругались и грозили нам кулаками, а один пешеход

остановился, чтобы погрозить нам палкой.

Наконец, мы свернули на узкую проселочную дорогу, и Беатриса вновь заговорила:

– У вас кто-нибудь гостил в Мандерли?

– Нет, никаких гостей, очень спокойно.

– Оно и лучше, ужасно много хлопот бывает с этими приемами. Когда вы побываете у нас, то увидите, что у нас все гораздо проще: тесный маленький кружок, где все прекрасно знают друг друга. Мы поочередно обедаем друг у друга, а после играем в бридж. А вы играете в бридж?

– Играю, но плохо.

– О, это совсем неважно. Лишь бы играли хоть как-нибудь. Просто не знаешь, что делать с неиграющими людьми а перерыве между чаем и обедом и после обеда. Нельзя же все время разговаривать!

Сейчас, когда Роджер стал уже взрослым, он часто привозит своих друзей, и мы от души веселимся. Жаль, что вас не было с нами на прошлое Рождество: было очень весело, мы ставили разные шарады. Жиль обожает всякие переодевания и был в своей стихии.

Мы считаем, что ему следовало стать актером. А после одного-двух бокалов шампанского он делается таким веселым, что ему нет удержу. На этот раз он и его старый друг Дикки Марш оделись в длинные платья и спели дуэт. Какое это имело отношение к задуманному в шараде слову, так никто и не понял, но все безумно смеялись.

Я с ужасом подумала о том, что, быть может, следующее Рождество мне придется провести в этом «веселом» обществе, и затем успокоилась, решив, что непременно заболею инфлуэнцей.

– Мы, конечно, ни на что не претендуем, – продолжала Беатриса, – а вот у вас, в Мандерли, несколько лет тому назад была настоящая театральная постановка и приезжали даже гости из Лондона. Но, конечно, организация такого спектакля – очень хлопотное дело... Как себя чувствует Максим?

– Спасибо, хорошо.

– Весел и счастлив?

– По-видимому, да.

Мы проезжали по узкой деревенской улице, и ей пришлось замолчать. А я думала о том, поговорить ли с ней по поводу миссис Дэнверс и этого Фэвелла. Но не хотелось, чтобы она поднимала из-за этого шум и рассказала Максиму.

– Беатриса, – в конце концов решилась я, – знаете ли вы человека по имени Фэвелл?

– Джек Фэвелл? Да, знаю. Ужасный шалопай. Я видела его однажды несколько лет тому назад.

– Он приезжал вчера в Мандерли повидаться с миссис Дэнверс.

– Да, возможно...

– Но почему?

– Он двоюродный брат Ребекки.

– Никогда бы не подумала, что у нее может быть такой брат. Мне он совсем не понравился.

– Вас можно понять.

Я решила о дальнейшем умолчать и не сказала, что Фэвелл просил скрыть его визит от Максима.

Мы подъехали к воротам и направились к большому кирпичному дому поздневикторианского стиля. Здание было огромное, а жила в нем одна слепая старушка.

Нам открыла дверь горничная.

– С добрым утром, Нора, – сказала Беатриса, – как у вас тут дела?

– Благодарю вас, все хорошо, мадам.

– Как себя чувствует старая леди?

– Как вам сказать, мадам, по-разному: иногда хорошо, а иногда неважно. Но она, безусловно, будет вам рада.

– Это жена мистера де Винтера, миссис де Винтер.

– Добрый день, мадам. Как вы поживаете?

Мы прошли через узкий холл и гостиную и вышли на террасу. На ступеньках везде стояли каменные вазы, заполненные цветущей геранью. В низком кресле в углу, завернутая в шали и обложенная подушками, сидела бабушка Беатрисы.

Она была очень похожа на Максима, вернее, у Максима, когда он будет очень стар и слеп, будет точно такое же лицо.

Сиделка, занимавшее место рядом со старушкой, встала, положила закладку в книгу, которую она читала вслух, и улыбнулась Беатрисе.

– Как вы поживаете, миссис Леси? – спросила она.

Беатриса пожала ей руку и представила меня.

– Старая леди отлично выглядит, – сказала сиделка, – не знаю, как ей это удастся в восемьдесят шесть лет.

– Я приехала навестить вас, бабушка.

– Как это любезно с твоей стороны, Би, нам так скучно здесь одним.

Беатриса поцеловала ее и сказала:

– Я привезла к вам жену Максима. Она уже давно собиралась вас навестить. – И шепнула мне: – Поцелуйте ее.

Старушка потрогала мое лицо руками и сказала:

– Милое молодое существо. Как жаль, что вы не захватили с собой Максима.

– Максим сегодня в Лондоне и вернется лишь вечером.

– Как поживает Роджер, Би? Он гадкий мальчик – никогда не навещает меня.

– Он приедет к вам в августе. Он окончил Итонский колледж и поступает сейчас в Оксфорд.

– О, дорогая, он, наверное, совсем взрослый, и я его уже не узнаю.

– Он уже выше, чем Жиль.

Сиделка вынула откуда-то вязание и быстро зашевелила спицами.

– Как вам нравится в Мандерли, миссис де Винтер? – спросила она у меня.

– Очень нравится, благодарю вас.

– Это дивное место, не правда ли? Мы когда-то ездили туда со старой леди, когда она была еще несколько крепче. А теперь она уже слишком слаба. Мне очень, очень жаль, я любила эти поездки, – сказала сиделка.

– Приезжайте как-нибудь сами, – пригласила я.

– Вы провели свой медовый месяц в Италии, не так ли?

– Да.

– Нам доставила большое удовольствие открытка, присланная нам мистером де Винтером из Италии.

Я думала о том, как она употребляет местоимение «мы». В таком значении, как его употребляет король, или отождествляя себя со старой леди настолько, что считает себя с ней единым целым?

Я прислушалась к беседе Беатрисы со старушкой.

– Вы знаете, нам пришлось уволить старого Мэрксмена, нашего лучшего охотника. Ослеп на оба глаза.

(Со стороны Беатрисы довольно бестактно рассказывать об этом бедной слепой старушке).

– Любите ли вы охоту? – снова обратилась ко мне сиделка.

– Нет, не люблю.

– Вероятно, вы еще привыкнете к ней, как все в этой части света.

– Миссис де Винтер увлекается живописью, – сказала Беатриса.

– Какое прелестное хобби, – ответила сиделка. – У меня была когда-то подруга, которая делала чудеса своими красками и карандашами.

– Мы говорим о живописи, – обратилась Беатриса к старушке. – Вы еще не знаете, что у нас в семье завелся собственный художник.

– Кто это? – спросила старушка. – Никогда не слышала об этом.

– Ваша новая внучка, бабушка. Спросите ее, что я ей подарила к свадьбе.

– О чем это говорит Би? – обратилась старушка ко мне. – В нашей семье никогда не было художников. Она шутит?

– У меня просто маленькое хобби, а по-настоящему рисовать я даже никогда не училась. Беатриса подарила мне прекрасные книги.

– О боже, это все равно, как послать уголь в Ньюкасл! В Мандерли и так слишком много книг.

– Вы не понимаете, бабушка, это совсем особые книги: история искусств в четырех томах.

Сиделка пояснила:

– Миссис Леси объясняет, что миссис де Винтер увлекается живописью, и поэтому она подарила ей книги по истории искусств к свадьбе.

– Никогда не слыхала, чтобы в качестве свадебного подарка преподносили книги. Мне, во всяком случае, никто их не дарил. Да я бы и не стала их читать.

Я хочу чаю. Почему Нора не приносит чай? – ворчливо произнесла старая леди.

– Как? – сказала сиделка, вставая. – Вы снова голодны после нашего плотного и вкусного ленча?

Недаром говорят, подумала я, что со старыми бывает временами труднее, чем с малышами.

Сиделка взбила подушки и укутала старушку в шали поплотнее. А та закрыла глаза и казалась очень усталой. В таком виде она стала еще больше похожа на Максима, но я тут же постаралась вообразить ее молодой, красивой и веселой, разгуливающей по садам Мандерли. Рядом с ней я видела юношу в сюртуке и с круглым белым воротником – и это был дедушка Максима. Она, вероятно, не замечала, что Беатриса зевает, поминутно глядя на часы, и не понимала, что, выйдя от нее, Беатриса скажет: «Теперь у меня совесть чиста на ближайшие три месяца.»

– У нас сегодня сэндвичи с кресс-салатом, – сказала сиделка.

– О, я не знала об этом, – ответила старушка. – Почему Нора не подает чай?

– Я бы не согласилась занять вашу должность, сестра, за тысячу фунтов в день, – сказала Беатриса.

– Пустяки, я привыкла, к тому же она вовсе не тяжелый человек, бывает ведь и много хуже.

В это время вошла Нора, внесла легкий чайный столик и сервировала

чай.

– Как вы опаздываете, Нора, – сказала старая леди.

– Нет, мадам, сейчас ровно половина пятого.

Мы подвинули свои стулья к столику и начали пить чай с сэндвичами. Для старушки были приготовлены особые сэндвичи.

– Ну, чем не угощение?!

Старая леди ответила:

– Я очень люблю кресс-салат.

Чай был слишком горячим.

– Я каждый день говорю прислуге, что после того, как чайник закипит, его нужно немного остудить. А они не слушаются.

– Вся прислуга одинакова, – заметила Беатриса. – Я уже перестала огорчаться по этому поводу.

– Хорошая ли была погода в Италии? – спросила у меня сиделка.

– Да, было очень тепло, и Максим сильно загорел.

– Почему Максим не приехал ко мне? – спросила старая леди.

– Мы говорили вам, бабушка, что он уехал в Лондон по делам.

– Но почему вы говорите, что он в Италии?

– Он был в Италии в апреле, а сейчас он вернулся домой и живет в Мандерли.

– Мистер и миссис де Винтер живут теперь в Мандерли, – громко повторила сиделка.

– И там сейчас чудесно, – подхватила я. – Розы как раз расцвели. Жалею, что не догадалась привести их вам.

– Я очень люблю розы, – заявила старушка. А потом, уставившись на меня своими мутными глазами, вдруг неожиданно спросила:

– Скажите, а вы тоже живете в Мандерли?

Вопрос поставил меня в тупик, но Беатриса сказала громко и нетерпеливо:

– Бабушка, дорогая, вы прекрасно знаете, что она там живет. Ведь это жена Максима.

Сиделка отодвинула от себя чашку, встала и взглянула на старушку. Та откинулась на свои подушки, и губы у нее задрожали.

– Кто вы такая? – спросила она меня. – Ваше лицо мне незнакомо, и я никогда не видела вас в Мандерли. Би, кто эта девушка? Почему Максим не привозит ко мне Ребекку? Я так люблю Ребекку. Где она?

Я вся залилась краской, а сиделка быстро подошла к креслу больной.

– Я хочу видеть Ребекку, – повторила старая леди. – Что вы сделали с ней?

Беатриса тоже встала из-за стола, вся красная, с дрожащими губами и смущенно глядела на меня.

– Думаю, что вам следует уехать, миссис Леси, – сказала сиделка. – Когда больная начинает путаться в мыслях, то это продолжается обычно несколько часов подряд. Время от времени у нее бывают такие припадки. Очень жаль, что это случилось именно тогда, когда вы приехали навестить нас.

– Надеюсь, что вы все понимаете и прощаете ее, миссис де Винтер, – обратилась она ко мне.

– Ну, конечно, мы уже уходим.

Мы взяли свои сумки и перчатки и направились к выходу, а вслед раздавался раздраженный тонкий голос:

– Где Ребекка? Почему Максим не приезжает сюда и не привозит Ребекку?

Мы пошли через гостиную и холл, вышли и сели в машину. Все это не говоря ни слова.

И только когда мы уже миновали деревню, Беатриса, наконец, заговорила:

– Мне ужасно совестно перед вами, просто не знаю, что сказать.

– Не говорите глупостей, Беатриса, ничего не нужно говорить. Все в полном порядке.

– Не понимаю, в чем тут дело. Я ей писала о вас и Максиме. И она очень заинтересовалась этой свадьбой за границей. Я совсем забыла, что она так любила Ребекку. Кажется, она так и не поняла, что с ней случилось. Ребекка отличалась способностью внушать к себе симпатию; мужчины, женщины и даже собаки – все тянулись к ней. По-видимому, старая леди так и не забыла ее.

– Это совсем неважно, неважно, – повторила я.

– Жиль будет очень недоволен и скажет мне: «О Беатриса, глупее нельзя было ничего придумать.»

– Вам не следует ничего рассказывать ему об этом инциденте. Чем меньше шуму поднимать, тем скорее все это забудется.

– Но Жиль сразу увидит по моему лицу, что я чем-то расстроена. Мне никогда не удастся что-нибудь скрыть от него.

Меня все это ничуть не задевало. Лишь бы это не дошло до Максима.

Мы доехали до холма, с которого были видны леса Мандерли.

– Скажите, вы очень торопитесь домой? – спросила Беатриса.

– О нет, а в чем дело?

– Вы не рассердитесь, если я вас высажу у домика привратника. Если я

сейчас помчусь на полной скорости, то успею к лондонскому поезду и смогу встретить Жилу, которому, в противном случае, нужно будет нанимать на вокзале такси.

Я поняла, что она сыта по горло событиями этого дня и хочет остаться одна. Чаепитие в Мандерли было ей уже не под силу.

Я вышла из машины.

– Постарайтесь немного пополнить, худоба вам не к лицу. Передайте Максиму мой привет, – сказала Беатриса на прощание и исчезла в клубах дыма.

Когда я подошла к дому, то увидела, что машина Максима уже стоит у подъезда, и радостно бросилась в дом. В холле лежали перчатки и шляпа, а голос, громкий и раздраженный, слышался из библиотеки.

– Сообщите ему, чтобы впредь он держался подальше от Мандерли.

– Неважно, кто сказал мне об этом. Его машина была вчера здесь, в Мандерли. Если вы хотите встречаться с ним, то встречайтесь где-нибудь в другом месте. Я не желаю, чтобы он въезжал в ворота моего поместья. Запомните это. Я предупреждаю вас об этом в последний раз.

Я отошла от двери библиотеки и проскользнула на лестницу.

Дверь библиотеки открылась, и я прислонилась к стене галереи, чтобы остаться незамеченной. Миссис Дэнверс прошла мимо с бледным и перекошенным от злости лицом.

Она быстро взбежала по лестнице и скралась в западном крыле.

Переждав минутку, я спустилась по лестнице и вошла в библиотеку. Максим стоял у окна, спиной ко мне. Пожалуй, лучше было уйти, но он услышал мои шаги, резко повернулся и спросил:

– Кто это, в чем дело?

– Я улыбнулась и протянула к нему руки:

– Хелло!

– О, это ты, где ты пропадала?

По его лицу было видно, что он очень зол: губы сжались в тонкую линию, а ноздри побелели.

– Я ездила с визитом к вашей бабушке вместе с Беатрисой.

– Ну как поживает старая леди? Она в порядке? А куда же девалась Би?

– Она поторопилась на вокзал к лондонскому поезду, чтобы встретить Жилу.

Мы сели рядом на диване.

– Я так скучала по тебе во время твоего отсутствия.

– В самом деле?

Я больше ничего не добавила, но держала его руки в своих.

– Вероятно, в Лондоне было очень жарко?

– О да, ужасно, и я вообще ненавижу этот город во все времена года.

Я думала, что он, может быть, расскажет мне о разговоре с миссис Дэнверс. Интересно, кто рассказал ему о приезде Фэвелла?

– Ты расстроен?

– У меня был трудный день, а кроме того, две поездки – отсюда в Лондон и обратно – в течение суток утомили бы всякого.

Он встал, отошел от меня и закурил сигарету. Ясно, что он не собирался мне ни о чем рассказывать.

– У меня тоже был утомительный день, – сказала я.

Помню, что был воскресный день, когда впервые зашел разговор о бале-маскараде.

Фрэнк Кроули был с нами во время ленча, который мы намеревались продолжить под старым каштаном. И вдруг услышали шум подъезжающей машины. Через полчаса подъехала другая. И еще трое визитеров пришли из Керритса пешком. Мы водили гостей по парку и по розарию, спускались в Счастливую долину.

Все остались к чаю, и вместо дремотно-ленивого чаепития под каштаном пришлось усесться в торжественной обстановке в гостиной.

Фритс был, конечно, в своей стихии и командовал Робертом простым движением бровей.

Я сидела возле громадного кипящего чайника, не без труда справляясь с церемонией разливания чая. Еще труднее было совмещать ее с беседой.

В такие моменты Фрэнк Кроули был незаменим. Он брал у меня из рук наполненные чашки и передавал их гостям, вовремя подавал нужную реплику в разговоре, если я затруднялась это сделать.

Максим в другом конце комнаты показывал гостям книги и картины, как подобает приветливому хозяину. Само чаепитие не интересовало его. Это было моей заботой, а не его.

В какой-то момент за столом возникла пауза, и я уже ожидала, что Фрэнк произнесет дежурную фразу о том, что пролетел тихий ангел.

Вдруг леди Кроуан, довольно шумная и назойливая особа, обратилась к Максиму, который оказался рядом с ней:

– О, мистер де Винтер, разрешите задать вам вопрос: не собираетесь ли вы возобновить балы-маскарады, которые когда-то устраивались в Мандерли?

После минутной заминки Максим ответил:

– Я не думал об этом, да и вообще, вероятно, никто не думал.

– Уверяю вас, об этом очень многие думают и даже мечтают, – возразила леди Кроуан. – В этой части страны это было всегда наилучшим развлечением. Прощу вас, подумайте об этом!

– Пожалуй, надо обратиться к Фрэнку Кроули по этому вопросу, – сказал Максим довольно сухо.

– Мистер Кроули, поддержите меня, – воспользовалась она советом Максима.

– Не возражаю против того, чтобы организовать все это дело, если Максим и миссис де Винтер желают этого. Решать должны они, – сказал Фрэнк.

Сейчас же все набросились на меня с просьбой воздействовать на Максима.

– В конце концов, вы не устраивали свадьбу, так по крайней мере устройте теперь бал в честь новобрачной!

Максим обратился ко мне:

– Что ты думаешь по этому поводу?

– Право, не знаю. Делай, как считаешь нужным.

– Ну, конечно, она хочет, чтобы был устроен бал в ее честь, – опять заговорила леди Кроуан, – кто бы отказался на ее месте! Вы будете выглядеть прелестно в костюме дрезденской пастушки с большой треугольной шляпой на голове.

Я подумала о своих нескладных руках и ногах, о покатых плечах и представила себе, что у меня был бы ужасный вид.

И еще раз мысленно поблагодарила Фрэнка, который отвел беседу от меня:

– Максим, уже многие говорили со мной на эту тему, а я отвечаю: пока не получал никаких указаний от мистера де Винтера. Но думаю, что, действительно, надо устроить бал в честь новобрачной.

– Вот видите, мистер де Винтер, люди из вашего собственного окружения мечтают об этом бале, – снова вступила леди Кроуан.

Глаза Максима вопросительно смотрели на меня. Очевидно, он опасался, что при моей застенчивости я не сумею держать себя на этом бале соответственно своему положению.

– Думаю, что было бы очень весело, – несмело сказала я.

Максим пожал плечами и отвернулся:

– Это высказывание решает вопрос, Фрэнк. Вам придется теперь заняться этим делом. Советую привлечь в помощники миссис Дэнверс. Она многое сможет вспомнить из того, что делалось раньше.

– А она все еще у вас в доме? – спросила леди Кроуан.

– Да, – коротко бросил Максим и спросил: – Не возьмете ли вы еще пирожное? Ну, а если все уже покончили с чаем, давайте выйдем в сад, на воздух.

Все вышли на террасу, оживленно обсуждая вопрос о предстоящем бале. Когда, к моему великому облегчению, гости разъехались и разошлись по домам, я вернулась в гостиную, чтобы, наконец, выпить чая с удовольствием. Ко мне присоединился Фрэнк, и мы дружно доели остатки

пирожных, как два заговорщика.

Интересно, все ли люди чувствуют такое облегчение после того, как уходят гости? – думала я про себя.

– Скажите, Фрэнк, а что вы в действительности думаете по поводу этого маскарада? Максим как будто вполне доволен принятым решением.

– А ему ничего не оставалось делать.

– Как утомительна леди Кроуан! И неужели правда, что все люди в окрестностях только и мечтают, что о бале в Мандерли?

– Люди всегда радуются каким-нибудь развлечениям. А что касается леди Кроуан, что в одном она права. Какой-нибудь прием, безусловно, следует устроить. Вы все-таки новобрачная.

– Ну, какая же я новобрачная! У меня даже не было ни настоящей свадьбы, ни белого платья, ни вуали, ни подружек – ничего!

– Послушайте, миссис де Винтер, Мандерли в праздничном убранстве – это великолепное зрелище, и вам, безусловно, понравится. Вам абсолютно ничего не надо будет делать, только приветствовать гостей. А потом вы, может быть, согласитесь протанцевать со мной один танец.

– Я буду танцевать с вами, сколько вы захотите, Фрэнк. Но кроме вас и Максима – ни с кем.

– Так не годится. На вас будут обижаться. Вы должны танцевать с теми, кто будет вас приглашать.

– Как вы думаете, идея леди Кроуан о моем костюме дрезденской пастушки удачна?

– Да, конечно, вы будете выглядеть прелестно!

Я разразилась смехом:

– О, Фрэнк, дорогой, я, право, вас очень люблю.

– Не понимаю, почему вы смеетесь, я не сказал ничего смешного.

Максим подошел к окну, сопровождаемый Джаспером, который хватал его за ноги.

– По какому поводу такое веселье? – спросил он.

– Фрэнк очень галантен. Он считает, что идея леди Кроуан нарядить меня дрезденской пастушкой ничуть не комична.

– Леди Кроуан – глупая болтуня. Если бы ей пришлось организовать все для этого бала, ее энтузиазм иссяк бы очень быстро. Боюсь, нам придется пригласить на бал все графство. У меня в конторе сохранились старые списки, и все наладится легко и быстро. Самая трудная работа – наклеивать марки на приглашения. Мы передадим это дело тебе, – сказал Максим, улыбаясь.

– Мы управимся сами в конторе, а миссис де Винтер не надо ни о чем

беспокоиться.

– Какой костюм ты наденешь? – спросила я у Максима.

– Я не ношу маскарадного костюма. Это единственная привилегия хозяина дома.

– А что же мне надеть? Я мало понимаю в туалетах.

– Надень красную ленту на свои волосы и изображай Алису в стране чудес. Ты очень похожа сейчас на нее, особенно, когда держишь палец во рту.

– Не будь таким грубым! Вот что я вам скажу, тебе и Фрэнку: я так удивлю вас обоих, что вы запомните это на всю жизнь.

– Пока ты не вздумаешь выкрасить себе либо черной краской и изображать из себя обезьяну, я не буду возражать. Делай все, что хочешь.

– Ну, хорошо. Значит, договорились. Я сохраню секрет до самой последней минуты, и никто ничего заранее не узнает.

– Идем гулять, Джаспер. Нас не интересуют их секреты. – Максим что-то сказал Фрэнку, но я не расслышала, что именно.

Весть о предстоящем маскараде с быстротой молнии распространилась по округе. Моя горничная была так возбуждена, что не могла ни думать, ни говорить о чем-нибудь другом.

– Мистер Фритс сказал, – говорила она, – что это воскрешает прежние времена. В каком костюме будете вы, мадам?

– Не знаю, Кларисса. Еще ничего не решила.

– Мама велела разузнать и рассказать ей.

– Послушайте, Кларисса, давайте договоримся так: когда я решусь на что-нибудь, то расскажу вам, и только вам одной, так что это будет нашей общей тайной.

Мне было бы интересно узнать, как реагировала на новость миссис Дэнверс, но она не показывалась, а разговаривать с ней по домашнему телефону я избегала, используя Роберта в качестве посредника между нами.

Подготовка к балу началась, но, казалось, все происходило в конторе, где Максим каждое утро встречался с Фрэнком.

Как и сказал Фрэнк, меня не привлекали к работе, и я не наклеила ни одной марки на пригласительные билеты. Но по мере того, как проходило время, я начинала беспокоиться по поводу своего маскарадного костюма. Вспомнила о подаренных мне Беатрисой альбомах и в один прекрасный день уселась в библиотеке с бумагой и карандашом в надежде найти среди портретов подходящий для себя костюм. Но Рембрандт, Рубенс и другие корифеи изображали дам в таких тяжелых и сложных нарядах, что мне абсолютно нечего было выбрать. Я сделала два или три наброска на бумаге,

а затем, убедившись, что они не годятся, скомкала листки и бросила их в корзину для бумаг.

Вечером, когда я переодевалась к обеду, раздался стук в дверь.

– Войдите, – сказала я, полагая, что это Кларисса.

Дверь открылась, и в комнату вошла миссис Дэнверс. У нее в руке были мои скомканные рисунки.

– Миссис де Винтер, извините меня за беспокойство. Но вечером мне обычно приносят содержание корзин для бумаг, и я сама просматриваю его, чтобы случайно не оказалось выброшенным что-то нужное. Сегодня я нашла эти рисунки, Роберт сказал мне, что нашел их в библиотеке.

– Все в порядке, миссис Дэнверс, не беспокойтесь. Я выбросила их, так как они непригодны.

– Итак, вы еще не решили, какой костюм наденете? Почему бы вам не скопировать один из костюмов на портретах в нашей галерее? Например, белый костюм? Он бы очень подошел вам.

На месте мистера де Винтера я бы сделала эти балы регулярными и чтобы все носили примерно одни и те же костюмы каждый год.

– Но люди любят разнообразие, им кажется, что это способствует общему веселью, – возразила я.

– Лично мне это не по вкусу, – голос миссис Дэнверс звучал необычно мягко и дружелюбно. Я удивилась этому и решила, что, может быть, она склонна установить со мной дружеские отношения. Вероятно, она узнала, что я ничего не говорила Максиму о приезде Фэвелла и хотела выразить мне свою признательность?

– А мистер де Винтер не выбрал для вас костюма? – спросила она.

– Нет, я хочу сделать сюрприз ему и мистеру Кроули, и ничего им рассказывать не стану до самого бала.

– Не смею давать советы, но учтите, что здесь, в нашей округе, не найдется портных, способных сделать хороший костюм. Я знаю в Лондоне на Бонд-стрит подходящую мастерскую, они могут справиться с любым заказом. Это фирма Воуси.

– Я запомню это и благодарю вас, миссис Дэнверс.

– И не думайте, что я кому-нибудь расскажу о нашей беседе. Я буду абсолютно нема, – добавила миссис Дэнверс.

И, действительно, я испытывала к ней благодарность. Вероятнее всего, эти услуги оказал мне неприятный мистер Фэвелл, кузен Ребекки. Но почему Максим относится к нему так плохо? Беатриса назвала его шалопаем, но явно не хотела обсуждать эту тему. Возможно, он казался привлекательным некоторым девушкам, типа продавщиц в кондитерских

или программ кино. И, наверное, он с удовольствием разглядывал их и вульгарно улыбался. Удивительно, что у Ребекки мог быть такой кузен и что он чувствовал себя у нас, как дома, а Джаспер явно узнал его. Возможно, он был «позором семьи», и Ребекка по своей доброте иногда приглашала его, когда Максима не было дома.

Сидя за обедом на своем обычном месте, напротив Максима, я вдруг перенеслась мыслями в прошлое и отождествила себя с Ребеккой. Представила себе, как раздался телефонный звонок, и Фритс доложил: «Мистер Фэвелл, мадам, желает с вами поговорить».

Ребекка откладывает салфетку, встает, идет к телефону, а Максим продолжает спокойно есть рыбу. Закончив разговор, она возвращается на свое место и замечает мрачное настроение на его лице. Она заводит веселую беседу, и к следующей перемене блюд он вновь приходит в хорошее настроение и улыбается ей через стол...

– О чем ты думаешь? – вдруг спросил меня Максим.

Я вздрогнула – в эти несколько мгновений задумчивости я так отождествила себя с Ребеккой, что забыла о самой себе.

– У тебя было очень странное выражение лица в течение некоторого времени: сначала ты как будто прислушивалась к телефону, затем пожала плечами, покачала головой и улыбнулась. Репетируешь свое появление на маскараде?

– Нет, ничего подобного.

– Скажи мне, о чем ты думаешь?

– Нет, не скажу. Ты ведь не всегда делишься со мной своими мыслями.

– А разве ты когда-нибудь интересовалась ими?

– Да. Однажды в библиотеке.

– И что я ответил тебе?

– Что ты думаешь, в каком составе и как будет выступать команда Сэррэя против Миддлсексе.

– О, какое ужасное разочарование для тебя. А что ты предполагала?

– Нечего совершенно иное.

– Ты неправа: если я сказал тебе, что думаю о Сэррэе и Миддлсексе, значит, так оно и было. Мужчины ведь вообще гораздо проще, чем ты думаешь, а вот что происходит в очаровательной женской головке, не угадает и самый хитрый мужчина. В эти минуты, о которых я говорю, ты совсем не была похожа на себя. У тебя было совершенно несвойственное тебе выражение лица.

– Какое именно?

– Не знаю, трудно объяснить. Ты выглядела значительно старше своих

лет, хитрой и недоброжелательной.

– Я этого вовсе не хотела.

– Охотно верю.

– Ты не хотел бы, чтобы я выглядела несколько старше?

– Нет.

– Почему?

– Потому что это будет тебе не к лицу.

– Но ведь я неизбежно постарею когда-нибудь. У меня будут седые волосы и на лице появятся морщины и складки.

– Этого я не боюсь.

– Но тогда чего же ты боишься?

– Не хочу, чтобы ты выглядела так, как только что за столом. У тебя была злая морщинка у губ, а глаза принадлежали женщине с большим опытом, причем таким, какого иметь не следует.

– Что ты имеешь в виду, Максим? О каком опыте ты говоришь? Он помолчал, пока Фритс подавал новую перемену блюд, а потом заговорил снова.

– Когда я увидел тебя впервые, меня поразило выражение твоего лица. Оно и теперь не изменилось. Не могу точно сформулировать, но оно послужило одной из причин, по которой я женился на тебе. Но в ту минуту, о которой мы сейчас говорим, оно исчезло, и его место заняло что-то совсем другое.

– Что же? Объясни, Максим.

Он рассматривал меня минуту, а затем ласково и спокойно сказал:

– Послушай, дорогая, когда ты была ребенком, вероятно, случалось иногда, что отец запрещал тебе читать какие-то определенные книги, прятал их под замок или запирали на ключ.

– Да, это бывало.

– Так вот, дорогая, муж, в сущности, мало чем отличается от отца. Есть такого рода опыт, которого тебе лучше не иметь... А теперь ешь фрукты и перестань задавать мне вопросы, а не то я поставлю тебя в угол.

– Я предпочла бы, чтобы ты не обращался со мной так, как будто мне шесть лет от роду.

– А как ты хочешь, чтобы я с тобой обращался? Так, как другие мужья обращаются со своими женами? Бил бы тебя, ты это предлагаешь?

– Не говори глупостей: почему тебе нужно вечно поддразнивать меня?

– Я вовсе не шучу, я очень серьезен.

– Неправда, по твоим глазам вижу, что ты надо мной смеешься, как над маленькой девочкой.

– Алиса в стране чудес! Это была великолепная мысль: скажи, ты уже купила себе пояс и ленту для волос?

– Предупреждаю тебя: своим маскарадным костюмом я так удивлю тебя, что ты не забудешь этого во всю жизнь.

– Не сомневаюсь. А теперь заканчивай трапезу и не разговаривай с полным ртом. Я получил сегодня кучу писем, на которые должен немедленно ответить.

Он приказал Фритсу подать ему кофе в библиотеку и ушел туда вместе со своими письмами.

А я поднялась в галерею и стала рассматривать портреты. Миссис Денверс была, конечно, права: портрет Каролины де Винтер, сестры прапрадедушки Максима, работы известного художника, был великолепен. Каролина позднее вышла замуж за выдающегося политического деятеля – вигу, и в течение многих лет принадлежала к самым прославленным красавицам Лондона. Она была изображена совсем молодой и еще незамужней. Ее белое платье с рукавами буфф было нетрудно скопировать. Единственное затруднение мог бы представить парик. Во всяком случае, мои прямые волосы нельзя завить и причесать так, как на портрете. Может быть, мастерская в Лондоне, адрес которой мне дала миссис Дэнверс, сумеет избавить меня и от этого затруднения?

Я написала письмо в Лондон, вложила скопированный рисунок и указала свои точные размеры. Немедленно пришел любезный ответ: фирма сообщила, что берет на себя изготовление платья, шляпы и парика.

Теперь, когда проблема отпала, я с нетерпением стала ожидать предстоящего праздника. Сначала я думала, что уже к обеду будет целая толпа гостей. Но Максим решил, что хлопот, связанных с балом, более чем достаточно. Ночевать у нас будут только Беатриса с мужем. В прежнее время, как мне рассказывали, бывал такой наплыв гостей, что были заняты не только все спальни, но все ванные комнаты, все диваны по всему дому. А сейчас во всем громадном и пустом доме, кроме меня и Максима, будут только его сестра с мужем.

Дом понемногу менялся и принимал новый облик. На мраморный пол в холле рабочие настлали паркет для танцев, из большой гостиной вынесли мебель и установили вдоль стен длинные столы для предстоящего ужина.

На террасу провели освещение, а также электрифицировали розарий. Рабочие заполнили весь дом. Слуги ни о чем другом не говорили. Фритс держал себя как хозяин и распорядитель бала. Бедный Роберт был до того взволнован, что забывал класть салфетки на стол и подавать овощи. Вид у него был такой, словно он постоянно опаздывал на поезд.

Джаспер бродил с опущенным хвостом и тщательно обнюхивал каждого рабочего. Иногда он вдруг заливался истерическим лаем, после чего выбегал на лужайку в каком-то одуревшем состоянии набрасывался на траву.

Миссис Денверс не показывалась мне на глаза. Повсюду, где велась какая-нибудь работа, раздавался ее голос и все делалось по ее указаниям. А я существовала как будто для того, чтобы становиться всем поперек дороги.

«О, простите, мадам», – и мимо меня проходил рабочий, неся на спине тяжелую мебель, с лицом, покрытым потом.

Наконец, настал великий день. С утра было туманно и пасмурно, но Максим считал, что нет оснований для беспокойства, так как барометр указывал на хорошую погоду.

Как и предсказывал Максим, в одиннадцать часов утра выглянуло солнце и засияло ярко-голубое небо без единого облачка.

Утром садовники принесли в дом охапки цветов: последние лилии, люпинусы, дельфиниумы и сотни роз. Миссис Денверс сноровисто составляла букеты и расставляла их по вазам. Надо признать, она делала это безукоризненно, подбирая цветы по тонам, размерам и именно в том количестве, как нужно.

Для того, чтобы не мешать работающим, мы с Максимом решили провести ленч в холостяцком домике Френка. Мы неторопливо перебрасывались шутками, а я чувствовала себя, как в день свадьбы, когда сознавала, что зашла уже с лишком далеко и события стали неуправляемыми.

Слава богу, мастерская мистера Воуси вовремя прислала мой туалет: платье, тщательно обернутое в гофрированную бумагу, выглядело великолепно. А парик преображал меня настолько, что я с трудом узнала себя в той привлекательной и оживленной особе, которую увидела в зеркале.

Максим и Френк вновь принялись расспрашивать меня о моем маскарадном костюме.

– Ничего не скажу, хочу сделать сюрприз.

– Надеюсь, ты не собираешься надеть костюм клоуна или что-то в этом роде для всеобщего развлечения?

– Ничего похожего.

– Жалею, что ты не пожелала быть Алисой в стране чудес.

– Или Жанной д'Арк, – добавил Френк. – Впрочем, что бы вы ни надели, вы все равно приведете нас в восторг.

– Не поощряйте ее, Френк, – сказал Максим, – ее и так заносит. Хорошо, что сначала ее увидит Беатриса и, если будет очень плохо, она не преминет ей сказать. Бедная Би, ей самой обычно не удаются эти переодевания. Помню, однажды она изображала мадам де Помпадур и была в светло-голубом кринолине. Однако парик сидел у нее на голове плохо, и она вдруг громко возвестила на весь зал: «Не могу справиться с этой проклятой штукой!» После чего сняла его, бросила на стул и осталась со своими собственными волосами. Бедный Жиль в костюме повара от огорчения просидел весь вечер в баре.

– Нет, дело было не в этом, – сказал Френк, – он объезжал накануне молодую кобылу, и она выбила ему передние зубы. Он был так смущен, что за весь вечер не раскрыл рта.

– Очень обидно. Он ведь любит всякие переодевания, и на Рождество у них в доме всегда ставят театрализованные шарады, как рассказывала мне Би.

– Именно поэтому я никогда не провожу с ними рождественские праздники, – сказал Максим.

– Возьмите еще немного спаржи, миссис де Винтер, – предложил мне Френк.

– Нет, благодарю вас, не могу проглотить ни кусочка.

– Это все нервы, – сказал Максим. – Не обращайтесь внимания. Завтра об эту пору уже все будет позади.

– От души надеюсь, – сказал Френк, – я уже приказал, чтобы все машины были поданы к пяти часам утра.

Я рассмеялась до слез.

– Послушай, Максим, может быть, можно разослать всем телеграммы и отменить бал?

– Будь мужественной и подчинись необходимости, – ответил он. – Больше мы не будем давать никаких балов, во всяком случае, в ближайшие годы. – И он добавил, обращаясь к Френку:

– У меня такое чувство, что нам нужно срочно вернуться домой. Как вы полагаете?

Они оба направились к нашему дому, а я поплелась за ними, чувствуя, что неудобная холостяцкая квартира Френка была бы сейчас самым приятным местом для меня.

Когда мы вошли в дом, то увидели, что в холле стоит группа прибывших оркестрантов, а Фритс, еще более торжественный, чем всегда, предлагает им прохладительные напитки. После этого музыкантам показали их комнаты, а затем повели на прогулку в сад.

Время тянулось очень медленно, как перед путешествием, когда все вещи уже запакованы, заперты на ключ и все толпятся в ожидании поезда.

Следовало бы взять Джаспера и отправиться на дальнюю прогулку, но когда я сообразила это, было уже слишком поздно.

Максим и Френк потребовали чаю, а когда мы с ним покончили, приехали Беатриса и Жиль.

– Совсем, как в прежние времена, – сказала Беатриса, целуя Максима, – цветы просто великолепны. Это вы так расставили их?

– О нет, не я. Это все миссис Денверс.

– А продукты к ужину поставляет Митчел, как и прежде?

– Да, мы ничего не меняли. В конторе хранились копии прежних заказов, и мы постарались все оставить без перемен.

– Как приятно, что еще никто не приехал. Помню, как мы однажды приехали сюда в это же время, а здесь уже находилось двадцать пять человек гостей. Думаю, что Максим, по обыкновению, не захочет надеть маскарадный костюм?

– Да, по обыкновению.

– Жаль, это оживило бы бал.

– Разве когда-нибудь на наших балах было скучно?

– О нет, все и всегда было устроено великолепно, но жаль, что хозяин дома не подает пример в переодевании.

– Чего ради мне мучиться в неудобном и непривычном костюме, достаточно и того, что хозяйка дома дает себе труд появиться в маскарадном одеянии.

– А все же жаль, Максим; с твоей великолепной фигурой ты мог бы надеть любой костюм, не то что бедный Жиль.

– Кстати, что на нем будет сегодня? Или это секрет – спросила я.

– Нет, – ответил весело Жиль. – На мне будет костюм арабского шейха. Аксессуары все настоящие, полученные мною от друга, долго жившего на Востоке, а собственно костюм сшил по картинке мой портной.

– Костюм вовсе не плох, – прокомментировала Беатриса. – Жиль подгриммирует себе лицо, и конечно, снимет свои роговые очки.

– А на вас что будет, миссис Леси? – спросил Френк.

– Тоже восточный костюм, под пару Жилю. Много блестящих бус и чадра на лице.

– Звучит очень интересно, – вежливо сказала я.

– Да, неплохо, – отозвалась Би. – Однако, если будет слишком жарко, я сниму чадру. А что будет на вас?

– Не спрашивайте ее, Би. Это страшная тайна, которая должна

поразить нас в самое сердце. Мне даже кажется, что она заказывала себе костюм в Лондоне.

– О боже, неужели она решила затмить нас всех, одетых в костюмы, сшитые домашней портнихой!

– Не беспокойтесь, – засмеялась я, – на мне будет совсем простое платье. Просто Максим все время поддразнивал меня, и я решила отомстить ему, держа все в секрете.

– И правильно, – поддержал меня Жиль. – Максим относится ко всем свысока, а на самом деле ему просто завидно, что все будут в костюмах, а он нет.

– Боже упаси! – воскликнул Максим.

– А что будет на вас, Кроули?

– Я был все время настолько занят, что ни о чем не смог вовремя позаботиться. Я буду изображать морского пирата с помощью матросской тельняшки и черной повязки на глазу.

– Напрасно вы не сказали нам о том, что вам нужен костюм, – сказала Беатриса. – У Рождера есть прекрасный костюм датчанина, который бы вам отлично подошел.

– Я запрещаю своему управляющему разгуливать в костюме датчанина. Ни один фермер после этого не станет вносить арендную плату. Если же он появится в виде пирата, кого-нибудь это заставит трепетать и повиноваться.

– Он по своей сути очень мало похож на пирата, – шепнула мне Беатриса. Я уловила в ее словах постоянное стремление унижить Френка и сделала вид, что не расслышала их.

– Сколько времени мне нужно будет, чтобы наложить грим на лицо? – спросил Жиль.

– Около двух часов, – ответила Би.

– На вашем месте я бы уже приступила к этому.

– Сколько человек будет к обеду, Максим?

– Шестнадцать, включая нас, но все свои, чужих не будет.

– Ну, я спешно приступаю к переодеванию. Я так радуюсь тому, что ты возобновил эти балы, Максим.

– Благодарите за это ее, – кивнул Максим в мою сторону.

– О нет, неправда, все случилось из-за леди Кроуан.

– Чепуха, – сказал Максим. – Ты радуешься, как ребенок, которого впервые взяли в гости.

– Жажду увидеть ваше платье, – сказала Беатриса.

– В нем, право, нет ничего особенного...

– Но миссис де Винтер все же утверждает, что мы не узнаем ее, – сказал Френк.

И вдруг мне стало радостно: предстоял бал в мою честь, где я буду хозяйкой, где все будут любоваться мною.

Я надену на себя чудесное мягкое платье, которое скроет недостатки моей чересчур плоской фигуры, опущенные плечи.

– Который сейчас час? – спросила я, делая вид, что меня, в сущности, это не слишком интересует. – Не пора ли нам подняться наверх и одеться к обеду?

Идя в свою комнату, я впервые заметила, как великолепно выглядят в праздничном убранстве холл и комнаты. Во всех углах стояли живые цветы, а среди них были особенно хороши красные розы в высоких серебряных вазах.

Мандерли выглядело очень необычно. Мне невольно представились времена, когда Каролина де Винтер, которую я сегодня изображала, медленно спускалась по парадной лестнице в холл, чтобы протанцевать менуэт. Жаль, что сегодня будут исполняться модные джазовые ритмы, совсем не созвучные старинному дому и его прежним обитателям.

Кларисса ждала меня в спальне. Наконец, я приступила к своему туалету.

Я велела запереть на ключ обе двери и начала одеваться.

Все было сделано наилучшим образом, и платье сидело великолепно.

– Ах, как красиво, мадам, – воскликнула Кларисса. – Это платье подошло бы даже английской королеве.

– Подайте мне парик из коробки, но осторожно, не сомните локоны, они должны стоять вокруг лица.

Я зачесала свои волосы за уши и надела легкий серебряный паричок. Затем расправила локоны и взглянула в зеркало. Я не узнавала себя. Глаза стали больше, а рот меньше. Подбородок выглядел необыкновенно белым и миниатюрным.

– Кларисса, интересно, что скажет мистер де Винтер?

Вдруг кто-то резко постучал в мою дверь.

– Кто так?

– Не пугайтесь, это я, Беатриса, я непременно хочу взглянуть на вас.

– Нельзя, я еще не готова. Не ждите меня и спускайтесь вниз. Пожалуйста, скажите Максиму, чтобы он не приходил ко мне.

– Он уже там, снизу. Он сказал, что бесконечно стучался к вам, а вы ему даже не ответили.

– Я спущусь вниз, как только буду готова. Не ждите меня.

– Вы уверены, что я не могу вам ничем помочь?

– Да, безусловно. Ступайте, – крикнула я, выходя из терпения.

Вдруг я подумала, что вся эта затея с переодеванием – довольно глупая шутка, более подходящая для детей, чем для взрослых. Но поздно. Я совершенно готова, надо выходить.

– Отоприте дверь, Кларисса, и взгляните, все ли они собрались в холле.

– О да, мадам!

Приподняв свое платье двумя руками, я вышла в коридор. Взглянула вниз, увидела, что действительно все стоят и ждут меня: Жиль в белом костюме шейха показывал всем свой кинжал на боку: Беатриса была одета в какое-то чудное зеленое платье, на шее у нее висели разноцветные бусы. Рядом Френк, выглядевший довольно нелепо в своей матросской тельняшке. Единственных среди них – Максим, высокий и стройный в своем вечернем костюме – выглядел нормально.

– Не знаю, что она там делает: она одевается уже больше часа. Боюсь, что мы не успеем и оглянуться, как съедутся гости к обеду, – сказал Максим.

Оркестр был уже на галерее, скрипач настраивал свою скрипку. Я еще раз взглянула на портрет Каролины и убедилась, что туалет, вплоть до шляпы с широкими полями, которую я держала в руке, скопирован абсолютно точно.

Я сделала знак рукой скрипачу, и он замолк.

– Дайте, пожалуйста, барабанный бой, а после объявите о прибытии мисс Каролины де Винтер.

Раздалась барабанная дробь, и вся группа стоящих в холле людей подняла головы в изумлении.

– Мисс Каролина де Винтер, – объявил барабанщик, и я выступила вперед, придерживая юбку обеими руками. Я стояла наверху, в точности так, как девушка на портрете, а потом медленно двинулась по лестнице, держась рукой за перила.

Я ожидала, что раздастся гром аплодисментов и хохот. Но меня встретили гробовым молчанием. Только Беатриса слегка вскрикнула и тут же закрыла рот рукой.

– Добрый вечер, мистер де Винтер, – сказал я.

Максим не шевельнулся и во все глаза смотрел на меня, бледный, как смерть.

Френк хотел подойти к нему, но Максим нетерпеливо отстранил его?

...Они не поняли меня. Случилось какое-то недоразумение. Почему

Максим смотрел на меня так? Почему они все выглядели, как манекены или как люди в трансе?

Максим сделал шаг вперед и сказал:

– Что вы, собственно, говоря, изобразили? Для чего вы это сделали?

Его глаза горели злобой, а лицо по-прежнему оставалось бледным как луна.

– Я скопировала портрет, висящий у нас в галерее, – дрожащим голосом ответила я, загипнотизированная его злым взглядом и резким голосом.

Воцарилось всеобщее молчание.

– В чем дело? Что я такое сделала? – бормотала я испуганно.

– Идите и переоденьтесь. Неважно, что именно вы наденете. Любое платье подойдет. И поскорее, пока еще нет гостей, – ледяным голосом приказал Максим. На лице, безжизненном, как маска, горели только глаза. Я оцепенела.

– Чего вы ждете, разве вы не слышали, что я сказал?

Я повернулась и бросилась бежать как слепая, наступая на край юбки, спотыкаясь. Я не могла понять, что случилось. Слезы выступили у меня на глазах.

Дверь, ведущая в западное крыло, открылась: там стояла миссис Денверс. У нее было лицо торжествующего Мефистофеля. Она стояла и злорадно улыбалась мне.

Кларисса ждала меня в спальне, бледная и расстроенная. Увидев меня, она разразилась слезами. Не промолвив ни слова, я начала расстегивать крючки на платье. В нетерпении я никак не могла расстегнуть застежку и рвала тонкую ткань.

– Отстегните крючок на спине и второй, немного пониже.

– А что же вы теперь наденете, мадам?

– Не знаю, не знаю. – Я, наконец, освободилась от белого платья. – Я хотела бы побыть одна. Идите, Кларисса, и не обижайтесь. Прошу вас никому не рассказывать, что произошло. Хорошо, Кларисса?

– Ну конечно, я буду молчать, – и она залилась слезами.

Раздался стук в дверь, и в комнату вошла Беатриса. Странная фигура в каком-то диком платье со звенящими браслетами на руках.

Я почувствовала вдруг страшную усталость, села на кровать и стащила парик с головы.

– Вы очень бледны. Вам нехорошо? Подождите, я дам вам стакан воды.

Она принесла мне воды из ванной комнаты, и я из вежливости выпила немного.

– Конечно, я сразу поняла, что это просто недоразумение, ошибка! Откуда и каким образом вы могли бы узнать?

– Ваш туалет, платье, которое вы скопировали с портрета мисс Каролины. Точно такое платье было на Ребекке, когда она давала свой последний бал-маскарад. Когда вы стояли на верхней площадке лестницы, то и я в какой-то момент вообразила... Бедная моя девочка, какая неудача! Вы ведь не могли об этом знать.

– Мне следовало знать об этом, следовало!.. – повторяла я бессмысленно.

– Чепуха! Вы никак не могли этого знать. Но для нас всех это было так неожиданно, это было шоком... Никто этого не ожидал. И Максим тоже.

– Максим?

– Он думает, что вы это сделали сознательно. У вас было какое-то дурацкое пари, и вы сказали ему, что поразите его до глубины души. Я ему уже сказала, что вы никак не могли знать того, что знали мы.

– Это моя вина. Я должна была знать, – твердила я.

– О нет, не огорчайтесь. А теперь давайте одеваться. Прибыли уже

гости. Я поручила Френку и Жилью объяснить, что вам доставили испорченное платье, и что вы очень огорчены.

Она подошла к гардеробу и вынула мое голубое платье.

– Вот это, например, очень красиво. Почему бы вам не надеть его? Одевайтесь скорее и войдем вниз. Никто ничего не узнает.

– О нет, я не пойду вниз.

– Вы должны, дорогая. Невозможно, чтобы вы не вышли к гостям.

– Нет, Беатриса, я не пойду. В конце концов, меня никто не знает, и мое отсутствие останется незамеченным.

– Но, моя дорогая, и Френк, и Жиль все прекрасно поняли, и Максим, когда оправится от шока, тоже все поймет. Возьмите себя в руки, дорогая, сделайте над собой усилие, – увещевала она, поглаживая меня по руке. – Вы должны спуститься вниз – ради Максима.

Снова раздался стук в дверь. Боже, кто это еще ломится сюда?

За дверью стоял Жиль.

– Максим прислал меня узнать, что случилось с вами обеими?

– Она говорит, что не выйдет к гостям.

– Что же нам теперь делать? Что я скажу Максиму? – спросил Жиль.

– Скажи, что она чувствует себя неважно и спуститься вниз немного позднее. Пусть они не ждут и садятся обедать. Я присоединюсь к вам через минуту.

– Не могу ли я быть чем-нибудь полезен?

– Нет, – сказала Беатриса, – иди вниз, я иду следом за тобой.

– Не хотите ли выпить немного бренди? – спросила Беатриса. – Конечно, оно только ненадолго повышает настроение, но иногда именно это и нужно.

– Нет, спасибо, мне ничего не нужно.

– Ну хорошо. Тогда я иду вниз. Вы уверены, что не нуждаетесь во мне?

– Нет, благодарю вас, Беатриса.

– Боже, какой у меня дикий вид в этом костюме с чадрой! – сказала она, быстро взглянув на себя в зеркало. – Но ничего не поделаешь, – и она ушла.

Она совершенно не поняла меня. Она принадлежала к другой породе людей – получивших настоящее воспитание и имеющих выдержку. Будь на моем месте Беатриса, она спокойно надела бы другое платье и спустилась бы вниз, как ни в чем ни бывало.

А я не могла: видела перед собой глаза Максима, горевшие на мертвенно бледном лице, вспомнила, как окаменела вся группа глядевших на меня снизу людей.

Я поднялась с кровати и подошла к окну. Садовники уже начали зажигать лампочки в саду и на террасе.

Мне казалось, что я слышу пересуды в публике: «В чем дело?» – «Хозяйка дома, говорят, так и не появилась». – «Говорят, что ей испортили платье». – «Это неслыханно!» – «Как неудобно для мистера де Винтера!»

А в другой группе говорят, что дело вовсе не в туалете. – «Просто они ужасно поссорились, и она отказалась выйти к гостям.» – «Кстати, и у него мрачный вид». – «Говорят, что этот брак очень неудачен, и он уже понял, что сделал большую ошибку, женившись на ней». – «Она вообще полное ничтожество. Он подобрал ее где-то на Юге Франции, где она служила чем-то вроде компаньонки».

Я вернулась к своей кровати, подняла с пола и убрала в коробку белое платье и серебристый парик. Затем извлекла из ящика маленький дорожный утюжок. Медленно и методично, как обычно делала это для миссис ван Хоппер, начала разглаживать свое голубое платье.

Затем вымыла лицо и руки и надела платье. Достала подходящие к нему туфли. Открыла дверь своей комнаты и вышла в коридор. Везде было тихо и пусто. Приглушенный шум слышался только из столовой, где еще обедали.

Музыкантов тоже не было на месте. Очевидно, и они в это время обедали.

С места, где я находилась, был виден портрет Каролины де Винтер, и я вдруг вспомнила рассказ жены епископа, когда я была у нее с визитом: Ребекка стояла вся в белом и лишь ее тонкое красивое лицо было в рамке густых черных волос.

Обед, видимо, закончился. Роберт стоял в дверях, а гости понемногу спускались в холл. Я тихо спустилась по лестнице и встала рядом с Максимом.

Не помню отдельных деталей этого вечера. Помню лишь, что бесконечно обменивалась рукопожатиями с запоздавшими гостями, в то время как по залу в вихре вальса кружились пары. Казалось, что все связаны одной веревочкой, которая заставляет их непрерывно кружиться. У всех на губах была одинаковая застывшая улыбка.

Запомнила какую-то даму, в оранжевом, цвета семги, платье, которая все время приветственно кивала и улыбалась мне. Позднее я видела ее за ужином, когда она жадно набросилась на блюдо с семгой и на омара с майонезом.

Леди Кроуан в кричаще-красном платье изображала не то Марию-Антуанетту, не то Нелл Гвин. Она говорила еще громче, чем обычно, и все

о том же: «За этот великолепный праздник вы должны благодарить меня, а вовсе не де Винтера».

Роберт был совершенно растерян, и лишь я, еще более несчастная, чем он, сочувствовала ему, когда Фритс бросал на него уничтожающие взоры. Помню, как Жиль увлек меня танцевать и шепотом уверял меня: «Какое красивое на вас платье и какими идиотами выглядят все прочие рядом с вами».

Френк принес мне тарелку с ветчиной и другую, с цыпленком, но я не могла есть. Тогда он принес шампанского, и я выпила глоток, чтобы доставить ему удовольствие.

Он выглядел старше, чем обычно, и я впервые заметила на его лице морщины. Он был все время среди гостей, следя за тем, чтобы им было хорошо и удобно, чтобы всем подавали еду и вино.

Бедный Френк, я никогда не спрашивала и так и не узнала, чего стоило ему устроить этот последний бал в Мандерли.

Я стояла на своем месте, как манекен, и фигура Максима рядом со мной выглядела столь же окаменевшей. Лицо как маска, улыбка была совсем иной, чем обычно. Глаза были тоже чужие. Это был не тот человек, которого я знала и любила. Холодные и невыразительные глаза смотрели сквозь меня, видя какое-то свое горе, свою боль и муку...

Он ни разу не обратился ко мне, ни разу не прикоснулся. Мы стояли рядом как хозяйин и хозяйка, но мы вовсе не были вместе. Он был очень внимателен к гостям: одному улыбался, другому бросал приветствие, третьего трогал за плечо, но все это автоматически как машина, а не как живой человек.

– Я слышал, что вашей жене не доставили вовремя костюм, – сказал ему кто-то. – Возмутительно, я бы привлек их к ответственности за это.

– Да, это была большая неудача.

– А вам, – обратился он ко мне, – следует назвать себя незабудкой. Цвет вашего платья дает для этого полное основание.

Затем снова появился Френк и предложил мне лимонад.

– Нет, Френк, благодарю вас, у меня нет жажды.

– Пойдемте, посидим немного, вы отдохнете на террасе.

– Нет, не хочу, для меня лучше постоять.

– Может быть, принести вам сэндвич или персик?

– Спасибо, нет.

Вальсы «Судьба», «Голубой Дунай», «Веселая вдова», раз-два-три, раз-два-три, кругом и кругом. Леди в оранжевом, другая – в зеленом, Беатриса, откинувшая, наконец, свою чадру. Женщина в костюме из черного бархата

времен Тюдоров подошла ко мне и спросила:

– Когда вы приедете навестить нас?

– В ближайшие дни непременно.

– О, какой великолепный праздник! Мы все очень благодарны вам за него. Я слышала, что вам прислали испорченное платье? Как это неприятно! Все эти мастера одинаковы, совершенно безответственны. Но вы выглядите великолепно в вашем голубом платье. К тому же вы не страдаете от жары, как я, в этом глупом бархате. Так не забудьте же, вы должны приехать к нам к обеду.

И лишь много времени спустя, в какую-то бессонную ночь я вспомнила, что это была жена епископа, которая так любила пешие прогулки.

Беатриса шепнула мне на ухо:

– Почему вы не сядете? Вы бледны, как смерть!

– О нет, я в полном порядке.

Жиль потащил меня на террасу поглядеть на фейерверк.

– О, как прелестно – эта взлетит выше всех!

Оранжевая леди восторгалась больше всех: «О, какая красота! Взгляните на эти разноцветные звезды!»

Даже отшельники, игравшие в бридж в библиотеке, не выдержали и вышли на воздух. В этом волшебном освещении дом выглядел как настоящий заколдованный замок. Все окна были освещены, и на серых стенах отражались разноцветные огни фейерверка.

Когда взлетела последняя ракета, мы заметили, что небо начало светлеть, и уже наступало утро.

Я услышала шум мотора и подумала: слава богу, они начинают разъезжаться. Френк подал знак оркестру, и музыка заиграла старинную народную песню «Добрые старые времена».

После этого барабанщик забарабанил неизбежную прелюдию к гимну «Боже, храни короля». Все замолчали и вытянулись в струнку. Веселье сразу оборвалось. Гости начали прощаться. Максим оказался на другом конце зала, далеко от меня. Я без конца обменивалась одинаковыми стандартными фразами со всеми этими малознакомыми людьми. Беатриса тоже была окружена прощающимися гостями. Френк ушел к подъезду и распоряжался там машинами.

Зал понемногу пустел и уже приобретал неряшливый вид неубранного помещения.

Максим вышел вслед за Френком, чтобы помочь разъезду.

Ко мне подошла Беатриса, стаскивая на ходу свои браслеты:

– Я больше ни одной минуты не могу носить эти побрякушки. И вообще, я смертельно устала. Кажется, не пропустила ни одного танца. Но все сошло просто великолепно.

– Вы думаете? – спросила я.

– Конечно, но вам следует сейчас же пойти и лечь в постель. Вы ведь простояли на ногах весь вечер, не так ли? Хочу выпить чашку кофе и что-нибудь перекусить, – сказала Беатриса, – а вы как?

– Нет, Беатриса, я ничего не хочу.

– Вы выглядели прелестно в вашем голубом – это общее мнение. Так что вам вовсе незачем вспоминать о неудаче с белым платьем. Завтра вам следует полежать в постели подольше и не вставать к завтраку. Я скажу Максиму, что вы ушли к себе, хорошо?

– Да, пожалуйста.

– Ну, моя дорогая, желаю вам хорошо выспаться, – и она поцеловала меня на прощанье.

Оркестранты ушли с галереи и, вероятно, тоже приступили к ужину. На полу кое-где лежали ноты, один стул был перевернут. В пепельницах было полно пепла и окурков.

Я медленно поднялась наверх и разделась не зажигая света, так как было уже светло.

Затянула занавеси, чтобы стало темнее и с удовольствием вытянулась в своей удобной прохладной постели.

Но почему Максим не идет так долго? Птицы уже запели свои ранние песни, начали пробиваться первые лучи солнца, но Максим так и не пришел.

Заснула я лишь в восьмом часу, когда день был в разгаре. Я слышала, что рабочие внизу уже убирали сад и приводили в порядок розарий.

Проснувшись в двенадцатом часу и, судя по тому, что у меня на столике стояла чашка совершенно холодного чая, я не слышала, как входила Кларисса. Моя одежда уже была убрана на место, и все приведено в порядок.

Меня мучила мысль: заметила ли Кларисса пустую кровать Максима и рассказала ли об этом другим слугам? Сплетни меня страшили. Именно из-за этого я спустилась вчера в холл и принимала гостей. Не ради Максима, не ради Беатрисы или их обожаемого Мандерли, а из-за боязни, что люди станут говорить о нашей ссоре с Максимом: «Я слышала, что они плохо ладят между собой, и он чувствует себя несчастным».

Я почувствовала, что согласилась бы жить здесь, в Мандерли, совсем изолированно, не видеть его и не говорить с ним – лишь бы посторонние люди ничего не знали об этом. Мне нужно было, чтобы мы разыгрывали роли благополучных супругов перед Беатрисой и нашим домашним штатом. На этих условиях я согласилась бы жить совсем отдельно от него. Мне казалось, что на свете нет ничего более позорного и унижительного, чем неудачный брак, распавшийся через три месяца после свадьбы. А наш брак действительно оказался неудачным.

Я была для него неподходящей женой. Слишком молодая, неопытная и принадлежала к другому слою общества.

А то, что я безумно, отчаянно любила его, как ребенок или собака, это не имело значения. Ему нужна была совсем другая любовь. А то, что ему было нужно, я ему дать не могла. Бросившись очертя голову в это замужество, я надеялась, что он будет счастлив со мной. А он, оказывается, был счастлив раньше со своей первой женой, а вовсе не со мной. Пошлая и вульгарная миссис ван Хоппер понимала, что я делаю ошибку и предупреждала меня: «Вы еще пожалеете об этом». Я приписала это ее грубости и жестокости. Но ее слова я помнила очень точно: «Надеюсь, вы не льстите себя мыслью, что он влюблен в вас. Ему просто опротивело жить одному в огромном и пустом доме и быть одиноким». Максим не был влюблен: в сущности, он никогда не любил меня. Наш медовый месяц в Италии для него ровно ничего не значил. Он был еще молодым мужчиной, который охотно проводил время с молодой и привлекательной женщиной.

Он никогда не принадлежал мне, он принадлежал только Ребекке. И он не любил меня именно из-за нее. Она до сих пор заполняла собою весь дом, сад и леса вокруг.

В ее спальне была постелена ее постель, на туалете были приготовлены ее щетки, на стуле висел халат, а на полу стояли ее туфли.

Ребекка была до сих пор хозяйкой Мандерли, а я, дурочка, пыталась сесть на уже занятое место.

Бедная слепая старая бабушка Максима кричала: «Где Ребекка? Я хочу видеть Ребекку, куда вы ее дели?» Она не хотела видеть меня. Да и чего ради? «Вы так сильно отличаетесь от Ребекки», – сказала Беатриса при первом знакомстве. А Френк, которого я забросала вопросами, на которые он вовсе не хотел отвечать, в конце концов, правдиво ответил мне: «Да, она была самой красивой женщиной, которую я видела когда-либо».

Я представляла ее достаточно четко: высокая, стройная, с длинными ногами и маленькими, узкими ступнями. Довольно широкие (по сравнению с моими) плечи и красивые ловкие руки, которые умели управлять парусами, править лошадьми и составлять прекрасные букеты из срезанных цветов.

Быть может, я так же мешала ей, как она мешала мне. Быть может, она видела меня сидящей в ее будуаре, за ее письменным столом. Может быть, она хотела бы, чтобы Максим оставался одиноким и жил один в этом громадном доме.

Я не могла бороться с мертвой Ребеккой. Она была сильнее меня. Если бы Максим любил какую-нибудь живую женщину, ездил бы к ней в гости или обедать, иногда оставался бы у нее ночевать, я могла бы бороться. Эта женщина могла состариться, надоесть ему, стать безразличной, и тогда моя победа была бы полной. Но с мертвой Ребеккой я бороться не могла. Она продолжала оставаться молодой, прекрасной и обаятельной, и это было непоправимо.

Я встала с кровати и раздвинула занавеси. Солнце хлынуло в окно. Рабочие убирали следы вчерашнего бала в саду и на газонах, и мне казалось, что я слышу их беседу.

«Ну и как, удался бал-маскарад?» – «Как обычно. Был великолепный ужин и прекрасный фейерверк. Но хозяин выглядел больным». «-Да ведь он всегда такой». – «Ну, а молодая жена, как вы ее находите?» – «Выглядит глуповатой. Вряд ли этот брак удачен». – «Да, вряд ли».

Вдруг я заметила лежащую на полу возле двери записку. Я развернула ее и узнала почерк Беатрисы.

«Я стучала к вам, но никто не откликнулся, и я решила, что вы

последовали моему совету как следует выспаться после вчерашней утомительной ночи. Мы торопились домой. Жилю звонили по телефону и просили его заменить какого-то выбывшего игрока в крикетной команде. Правда, я не представляю себе, как он попадает по мячу после всего того количества шампанского, которое он влил себе вчера вечером. Но все равно нужно ехать, так как матч состоится в два часа дня. Не думайте больше о вчерашней неудаче с платьем. (Эти слова были подчеркнуты жирной чертой). Фритс сказал нам, что Максим позавтракал очень рано и сейчас же ушел из дома. Прошу вас передать ему наш привет и благодарность за вчерашний бал, который доставил нам обоим большое удовольствие. Любящая вас Беатриса».

Сверху была надпись: «9 часов 30 минут утра». А сейчас было уже половина двенадцатого. Прошло более двух часов после их отъезда, и они, вероятно, уже дома.

...После ленча Беатриса наденет легкий костюм и широкополую шляпу и будем смотреть крикетное состязание. Потом они будут мирно пить чай – Жиль, очень разгоряченный и красный, а Беатриса, спокойно рассказывающая своим друзьям: «Да, вчерашнюю ночь мы провели в Мандерли на маскараде. Просто не понимаю, как Жиль мог сегодня бегать по полю.»

Они были женаты уже более двадцати лет, у них был взрослый сын, поступающий в Оксфорд. Они были счастливы в браке, который не распался после трех месяцев супружеской жизни, как мой.

Но нельзя бесконечно оставаться в спальне. Быть может, Кларисса не заметила отсутствие Максима? На всякий случай я измяла его постель, чтобы она выглядела так, будто он в ней спал.

Приняла ванну, оделась и спустилась вниз. Везде был уже восстановлен обычный порядок. Роберт убирал со стола и имел свой обычный, солидный и туповатый, вид, а не вид загнанного и замученного человека.

Как долго продолжалась подготовка к балу и как мало времени понадобилось, чтобы ликвидировать все его последствия!

- С добрым утром, Роберт!
- С добрым утром, мадам!
- Скажите, видели ли вы мистера Винтера?
- Он позавтракал рано утром, еще до того, как спустились майор и миссис Леси, и сейчас же ушел. С тех пор он не возвращался.
- Не знаете ли вы, куда он пошел?
- Нет, мадам.

Я вернулась в холл. Джаспер бросился ко мне в полном восторге и принялся лизать мне руки, как после долгой разлуки. На самом деле он провел лишь один вечер в комнате Клариссы, и мы не виделись только со времени вчерашнего чая. Похоже, что прошедшие часы показались ему такими же длинными, как мне.

Я подняла телефонную трубку и назвала номер конторы. Не там ли Максим? Мне необходимо было поговорить с ним хотя бы две минуты, пусть даже это будет наш самый последний разговор.

К телефону подошел клерк:

– Мистера де Винтера здесь нет, миссис де Винтер. Но мистер Кроули здесь.

Я услышала голос Френка прежде, чем успела отказаться.

– Что-нибудь случилось?

Странно звучало такое начало разговора, без всякого предварительного приветствия.

– Это я, Френк, – сказала я, – где Максим?

– Не знаю, он не заходил в контору сегодня.

– Не заходил?

– Нет.

– Ну, неважно.

– Вы видели его утром за завтраком?

– Нет.

– Как он спал?

Я заколебалась: Френк был единственным человеком, которому я могла сказать правду.

– Он не пришел сегодня в спальню, Френк.

– О, – сказал он очень тихо, – я боялся, что произойдет что-нибудь в этом роде.

– Френк, – спросила я, – что он говорил вам вчера ночью, после того как проводили гостей? Что вы делали?

– Вместе с Жилем и миссис Леси мы съели несколько сандвичей. Но Максим, пробормотав какое-то извинение, оставил нас и ушел в библиотеку. Может быть, миссис Леси что-нибудь знает?

– Она уехала, Френк, оставив мне записку, в которой сказано, что она не видела Максима.

– О, мне это не нравится.

– Как вы думаете, куда он мог пойти?

– Не знаю, может быть, просто отправился на прогулку. – Это было сказано тоном, которым врачи отвечают родственникам больных,

пристающим к ним с бесполезными расспросам.

– Френк, я непременно должна видеть его. Я должна с ним объясниться по поводу вчерашнего вечера.

Френк промолчал. Я представила себе его растерянное лицо и углубившиеся морщины на лбу.

– Максим думает, что я это сделала сознательно, – заговорила я, и вдруг слезы, которые я сумела сдержать вчера, обильно хлынули из моих глаз с опозданием на шестнадцать часов. – Он думает, что я придумала такую дьявольскую штуку нарочно.

– О, нет, – сказал Френк, – нет.

– Да, Френк, да! Вы не видели выражение его глаз вчера, а я простояла рядом с ним весь вечер. Он ни разу не взглянул на меня и не говорил со мной. Мы стояли рядом весь вечер, не обменявшись ни единым словом.

– У вас просто не было возможности говорить друг с другом, так как вы все время были окружены толпой гостей.

– Я не порицаю его, Френк. Если он думает, что я нарочно все это придумала, он вправе никогда больше не говорить со мной и никогда больше меня не видеть.

– Вы неправы и не должны этого говорить, – сказал Френк, – позвольте мне зайти к вам. По телефону я не смею вам объяснить.

– Нет, – ответила я. – Не хочу. Быть может, все это к лучшему, и я, наконец, сумею объяснить себе то, чего так долго не понимала.

– Что вы имеете в виду? – спросил Френк резким голосом.

– Я имею в виду его и Ребекку.

– Ну и что вы хотите этим сказать? – сухо бросил он.

– Он не любит меня, он любит Ребекку. Он не забыл ее, она царит в его душе, и он никогда, ни на мгновение не забывает ее. А меня он никогда не любил.

Френк издал приглушенный взглас.

– Теперь вы знаете, о чем я думаю и что я чувствую.

– Послушайте, миссис де Винтер, мне необходимо повидать вас, это жизненно необходимо, понимаете?

Я повесила трубку и отошла от телефона. Френк не сможет помочь мне. Я шагала из угла в угол по комнате, покусывая свой носовой платок и им же вытирая слезы. Если я снова позвоню в контору, клерк ответит мне: «Мистер Кроули сию минуту вышел, миссис де Винтер».

Мысленно я видела, как Френк садится в свою старенькую истрепанную машину и бросается искать Максима.

Выглянула в окно: с моря поднимался туман, такой густой, что мне не

был виден даже наш лес за лугом. Спустилась в сад и там столкнулась с дворника, который собирал в большую корзину бумажки, апельсиновые корки и прочий мусор, оставшийся после вчерашнего бала.

– С добрым утром! Боюсь, что вчерашний бал доставил вам много лишней работы?

– Все в порядке, мадам. По-видимому, гости отлично повеселились. А ведь это – главное... Туман становится очень густым.

– Счастье, что это не случилось вчера и не испортило весь праздник.

Становилось темно и душно. Джаспер стоял у моих ног, опустив хвост и высунув язык. Его попонка насквозь промокла.

Случайно подняв глаза, я заметила, что окно в спальне западного крыла открыто, ставня отодвинута и в проеме чья-то фигура. Сначала мне показалось, что это Максим. Но когда фигура шевельнулась, я увидела, что это миссис Денверс. Та, которая стояла вчера вечером в дверях западного крыла с дьявольской улыбкой на бледном скуластом лице и злорадствовала. И вдруг я спохватилась. Она-то ведь была живой женщиной, такой же, как я, и с ней можно было бороться. Только с Ребеккой я ничего не могла поделать, ее тень была несокрушима.

Я решительно направилась к дому, вошла в холл, поднялась по лестницей, открыла дверь в западное крыло и прошла в спальню Ребекки. Миссис Денверс была все еще там. Я окликнула ее, и она обернулась. Но вместо дьявольской усмешки я увидела бледное, распухшее от слез лицо старой и усталой женщины.

– В чем дело? Я положила вам меню, как обычно. Вы хотите что-нибудь изменить?

– Я пришла сюда не для того, чтобы обсуждать с вами меню, миссис Денверс, – сказала я. – Вы, очевидно, добились того, чего хотели, не так ли? Вы ведь хотели, чтобы все случилось именно так. Ну, что же, вы должны быть довольны теперь. Вы удовлетворены?

Она отвернулась от меня и сказала:

– Зачем вы вообще явились сюда? Почему не остались там, где жили прежде?

– Вы видимо, забываете, что я люблю мистера де Винтера.

– Если бы вы его любили, вы никогда не вышли бы за него замуж.

Что ей ответить? Разговор был до крайности нелепым.

– Я думала, что ненавижу вас, – сказала она. – Но оказывается, вы мне совершенно безразличны.

– За что вам ненавидеть меня? Разве я причинила вам какое-нибудь зло?

– Вы пытались занять место миссис де Винтер.

– Но я ведь ничего не изменила здесь в доме. Я все предоставила вам и была бы вам другом, если бы вы отнеслись ко мне иначе. Я увидела ненависть в ваших глазах, лишь только впервые пожав вам руку. Повторные браки – вещь довольно обычная, почему же мы не имеем права на счастье? А вы говорите о моем браке так, будто я совершила святотатство и оскорбила покойную миссис де Винтер.

– Мистер де Винтер вовсе не счастлив, – сказала она. – Я ясно вижу по его глазам, что он испытывает муки ада. И это с той минуты, когда погибла моя леди.

– Это неправда! – сказала я. – Он был счастлив со мной, когда мы жили во Франции. Он выглядел гораздо моложе, всегда был весел, охотно смеялся.

– Он ведь мужчина, не так ли? Какой же мужчина откажется от медового месяца, – она презрительно засмеялась и пожала плечами.

– Как вы смеее разговаривать со мной таким тоном? Как вы смеее!? – я не боялась ее, нисколько не боялась. – Вы уговорили меня сшить это белое платье и надеть его вчера. Если бы не вы, мне никогда не пришла бы в голову такая мысль. Вы хотели расстроить мистера де Винтера. Неужели вы считаете, что он еще недостаточно настрадался? Или вы надеетесь, что его горе и страдание вернут к жизни миссис де Винтер?

Она злобно взглянула на меня.

– Что мне за дело до его страданий, он никогда не интересовался моими! Как вы думаете, каково мне, когда я гляжу на вас и вижу на ее месте: за обедом, в будуаре, за ее письменным столом и пишущей ее ручкой! Как вы думаете, каково мне слышать, как Фритс и Роберт и вся остальная прислуга повторяет: «Миссис де Винтер ушла на прогулку», – «Миссис де Винтер велела подать машину к трем часам» и так далее. И это в то время, как моя леди – настоящая де Винтер! – лежит всеми забытая в холодной и сырой земле!

Ну, что ж! Если он страдает, то так ему и следует – за то, что он женился на вас спустя десять месяцев после ее смерти. Я видела его глаза. Он переживает муки ада, и он их вполне заслужил.

Он знает, что она видит его; она приходит к нему – и не с прощением, а наоборот, полная угроз и злобы. Она никогда не прощала обид. «Я прежде отправлю их в ад», – говорила она, если сердилась на кого-нибудь. Она была смелой и независимой. Если следовало бы родиться мужчиной, а не женщиной, я часто говорила ей это. Я ведь ухаживала за ней, она была еще ребенком, вы знали об этом?

– Нет, не знала. И вообще больше не желаю вас слушать, миссис Дэнверс. Я ведь тоже живой человек, и неужели вы не понимаете, каково мне слушать все, что вы говорите!

– Ребенком она была очень хороша собой, и когда люди останавливались на улице, любуясь ею, она говорила: «Я вырасту и стану настоящей красавицей, Дэнни, правда? «Она обводила своего отца вокруг пальца, и то же было бы с ее матерью, если бы она была жива. В день, когда ей минуло четырнадцать лет, она взяла в руку упряжку и погнала четверку лошадей. Мистер Джек, ее кузен, сидевший рядом, хотел взять вожжи из ее рук, но она сопротивлялась, как дикая кошка, и, в конце концов, сбросила его с сиденья. Они были подходящей парой – она и мистер Джек.

Семья отправила его служить на флот, но он не захотел подчиниться дисциплине, он был слишком умен, чтобы исполнять их дурацкие приказы, в точности, как она. Никто и никогда не мог справиться с ней. Она жила так, как хотела, как ей нравилось. В шестнадцать лет она села на спину громадному жеребцу, и он смирился, весь покрытый пеной, с боками, окровавленными ее шпорами! «Это научит его повиноваться, не так ли, Дэнни? «

Никто и никогда не мог с ней справиться на земле. А вот море настигло ее и погубило, оно оказалось сильнее нее. – У миссис Дэнверс затряслись губы, и она начала бесшумно плакать, вытирая сухие глаза платком.

– Миссис Дэнверс, – тихо сказала я. – Вы не здоровы, вам следует пойти к себе в комнату и лечь в постель.

– Оставьте меня в покое, – вдруг набросилась она на меня свирепо. – Какое вам дело до моего горя... Я не хожу по комнате из угла в угол, как мистер де Винтер.

– Он никогда этого не делает, – возразила я.

– Он делал именно это, когда она умерла: взад и вперед, взад и вперед, по библиотеке, как дикий зверь в клетке, и так бесконечно – целые дни и ночи напролет!

– Я не хочу вас больше видеть и слышать!

– А вы думаете, что он был счастлив с вами во время вашего медового месяца?! Вы – молодая, совершенно неопытная девушка, которая годится ему в дочери. Вы являетесь сюда, в Мандерли, и хотите занять место моей леди, вы, над которой смеется вся челядь, вплоть до последней кухонной замарашки!

– Я думаю, что вам следует замолчать и уйти в свою комнату, миссис

Дэнверс!

– Ах так, хозяйка дома приказывает мне замолчать и уйти. А вы в это время побежите жаловаться к мистеру де Винтеру и скажете, что миссис Дэнверс была груба с вами и обидела вас. Нажалуетесь ему, как тогда, когда сюда приезжал мистер Джек!

– Я никогда не говорила мистеру де Винтеру о Фэвелле.

– Это вранье, больше никто не видел, кроме вас. Ни Фритса, ни Роберта не было дома, когда он приезжал. И именно после того, как вы пожаловались, я решил как следует проучить вас и его. Мистер Джек! Почему мне не следует встречаться с мистером Джеком здесь, в Мандерли? Это единственное, что мне осталось от моей леди, от миссис де Винтер.

«Я не желаю его видеть здесь, я предупреждаю вас об этом в последний раз», – заявил мистер де Винтер. Он все еще не забыл, как ревновал Ребекку!

Я вспомнила гневные раскаты голоса Максима, когда он говорил с миссис Дэнверс о Фэвелле. Так это была ревность? Максим ревновал!

– Он ревновал ее, пока она была жива, и все еще ревнует, когда ее давно нет на свете. Он не пускает мистера Джека в дом, как не пускал и при ней. Но она не обращала на него никакого внимания: «Я буду жить так, как мне хочется, Дэнни, и никто не сможет мне помешать.» Мужчине нужно было только раз взглянуть на нее, чтобы влюбиться навеки. Она привозила с собой на уик-энд целую толпу гостей, и я их всех видела. Она устраивала пикники и заплывы в море на лодке. Все мужчины сходили по ней с ума, и все ревновали друг к другу: и мистер де Винтер, и мистер Кроули, и мистер Джек, все, кто знал и видел ее.

– Я не хочу этого знать, я не могу больше слушать!

– Все ваши старания тщетны, вам никогда не одолеть ее. Она все еще хозяйка в доме, а вы – бледная тень, которой следовало бы лежать на кладбище вместо нее. Вы здесь никому не нужны, почему вы не уезжаете отсюда? Вы не нужны ему и никогда не были нужны!

Она подтолкнула меня к открытому окну:

– Посмотрите вниз, почему бы вам не прыгнуть и не сломать себе шею? Это легкая смерть, быстрая и безболезненная. Почему бы вам не прыгнуть? мистер де Винтер не любит вас, и вы здесь абсолютно никому не нужны. Не бойтесь, я не столкну вас, я хочу, чтобы вы сами приняли это решение. Не бойтесь. Ну, решайтесь!

Я невольно выглянула в окно и увидела, что все кругом окутано густым туманом. Не были видны даже ступени террасы, о которые я должна была сломать себе шею.

– Ну же! Одна минута, и вы уже перестанете чувствовать себя несчастной...

И вдруг раздался звук разорвавшейся ракеты, за ним второй, третий.

– Что это? – спросила я.

– Сигнал бедствия, какое-то судно терпит крушение у наших берегов.

Мы стояли, прислушиваясь и вглядываясь в густой туман. И вдруг я услышала звук шагов на террасе.

Это был Максим. Я не видела его, но слышала голос. Он звал Фритса, который вышел на его зов.

– Судно село на мель, я наблюдал за ним с мыса и видел, как оно наскочило на риф. Они не смогут его стащить с мели, во всяком случае, до прилива. Они, вероятно, сбились с пути и думали, что подходят к порту в Керритсе. Страшный туман там, на море, густой и плотный, как стена. Распорядитесь, чтобы в доме приготовили еду на случай, если потерпевшие крушение захотят прийти сюда. Позвоните в контору мистеру Кроули и расскажите ему о том, что случилось, и принесите мне, пожалуйста, сигарету.

Миссис Дэнверс отошла от окна. Ее лицо потеряло всякое выражение, и передо мной снова была бледная и бесстрастная маска, к которой я привыкла.

– Нужно идти вниз. Фритс будет искать меня для того, чтобы я отдала распоряжения на кухне. Мистер де Винтер может привести домой целую кучу людей. Уберите руки, я закрываю окно и ставни. Хорошо еще, что море спокойно, иначе им всем пришлось бы худо. Но сегодня им ничего не угрожает, хотя владелец судна наверняка потеряет его, если оно действительно село на мель, как говорит мистер де Винтер.

Она оглядела комнату, словно желая убедиться, что оставляет все в полном порядке, и поправила покрывало на двуспальной кровати. После этого она спокойно пошла к двери и открыла ее передо мной.

– Я прикажу приготовить в столовой холодный ленч, тогда не будет иметь значения время, когда люди придут к столу. А кроме того, прошу вас передать мистеру де Винтеру, когда вы его увидите, что во всякое время будет подана и горячая пища, когда бы кто ни пришел.

– Да, миссис Дэнверс, хорошо.

Я спускалась по лестнице как бы в полусне. Фритс проходил через холл и, увидев меня, остановился.

– Мистер де Винтер был здесь только что. Он взял сигарету и снова ушел к морю. Там потерпело крушение какое-то судно. Вы слышали ракеты, мадам? Я сначала подумал, что это садовники развлекаются остатками вчерашнего фейерверка. Но после второй и третьей вспышки мне стало ясно, что это сигналы с судна, терпящего бедствие. В этом, в сущности, нет ничего удивительного. Туман настолько густой, что не видно

дороги на земле, где уж тут идти по морю! Если вы захотите застать мистера де Винтера, то он пошел прямо через луг каких-нибудь две минуты назад.

– Спасибо, Фритс.

Я вышла на террасу. Туман начинал подниматься, и стало немного светлее. Я взглянула наверх, на окно в центре, возле которого стояла всего лишь несколько минут назад, и вдруг почувствовала, как кровь ударила мне в голову, голова закружилась и перед глазами поплыли темные круги. Я вернулась в холл и тихо села на стул, держа руки на коленях.

– Фритс, – позвала я, – вы здесь? – Не удивляйтесь Фритс, но я хотела бы выпить маленький стаканчик бренди.

– Сию минуту, мадам.

И через минуту он подал стаканчик на серебряном подносе.

– Вам не по себе, мадам, может быть, мне следует позвать Клариссу?

– Нет, ничего не нужно, Фритс, мне просто стало очень жарко.

– Да, сегодня действительно удушающая жара.

Я выпила стаканчик бренди и поставила его обратно на поднос.

– Быть может, вас испугали ракеты?

– Да, испугали.

– И эта страшная жара и духота после утомительной ночи, проведенной вами сегодня. Это выбило вас из колеи, мадам. Пожалуй, вам следовало бы прилечь на полчаса. В библиотеке сейчас очень прохладно.

– Спасибо, Фритс, не беспокойтесь. Я уже в порядке.

– Очень хорошо, мадам.

Он вышел, и я осталась в холле одна. Холл был такой же, каким он был всегда. Не осталось никаких следов от вчерашнего бала. Тихо, спокойно и мрачновато. По стенам красовались старинные портреты да оружие. Никаких цветов уже не было.

Туман понемногу рассеивался, и уже видны были верхушки деревьев.

Я взглянула на часы – около двух часов дня. Ровно сутки тому назад, в это же время, Максим и я стояли в садике у Фрэнка, ожидая, пока его экономка позовет нас к ленчу.

Они оба дразнили меня по поводу моего таинственного костюма, а я говорила: «Я поражу вас так, что вы запомните это на всю жизнь».

Мне стало стыдно при этом воспоминании, но только сейчас я вдруг осознала, что в сущности со мной ничего не случилось: Максим не уехал от меня, как я опасалась; Максим был где-то здесь, в имении, занятый делами, но живой, здоровый и вполне нормальный. Я не видела его, но слышала его голос на террасе, и это был его обычный, спокойный и трезвый голос,

которым он говорил всегда, а вовсе не тот фальшивый и напряженный, который я слышала вчера в течение всей ночи, когда стояла рядом с ним, приветствуя гостей.

Я пережила ужасное потрясение и хотела бы о нем скорее забыть. Но и это не имело значения, раз Максим был жив и здоров, и все с ним было в порядке.

Я тихонько побрела по тропинке через лес, спускаясь к заливу. Туман уже совсем поднялся и, когда я вышла к берегу, то сразу увидела судно, потерпевшее крушение. Носом оно уткнулось в скалу и, по-видимому крепко.

На берегу и на скалах собралась толпа людей, с любопытством рассматривающая все кругом. А в море уже сновали взад и вперед лодки с такими же любопытствующими. Кто-то стоял в моторной лодке с мегафоном в руке и отдавал распоряжения. Слов мне не было слышно. Подошла еще одна моторная лодка с человеком в форме. Это явно был мастер из судоремонтных мастерских Керритса, а с ним агент Ллойда.

Максима нигде не было видно, но Фрэнк стоял на берегу и беседовал с береговым сторожем. Я хотела уклониться от беседы с ним: еще и часу не прошло с того времени, как я звонила ему по телефону и рыдала в трубку.

Но он приветливо улыбнулся мне и сказал:

– Пришли смотреть на крушение, миссис де Винтер? Боюсь, что дело плохо. Буксирные катера, конечно, подойдут и постараются помочь снять судно, но думаю, что им это не удастся. Судно крепко сидит на скале, в которую врезалось.

– Ну и что они собираются предпринять?

– Они пошлют водолаза на дно, чтобы осмотреть, велико ли повреждение днища. Вон – видите парня в красном? – это и есть водолаз. Хотите бинокль? – Фрэнк протянул мне бинокль.

Я рассмотрела водолаза и прогулочные лодки, в одной из которых сидела дама с фотоаппаратом. Вернула бинокль сторожу.

– Кажется, они ничего не собираются делать, – полувопросительно сказала я.

– Нет, мадам, они обязательно спустят водолаза, но, как все иностранцы, они сначала должны поспорить между собой. Глядите, вот подходят буксирные катера, но они ровно ничего не смогут сделать, – сказал Фрэнк.

– Видите ли, – вмешался береговой сторож, – эта скала выдается в море довольно далеко. Она не видна, когда плывешь на легкой лодке над ней, но для судна с глубокой осадкой это губительно.

– Если бы они подавали сигналы вчера, мы бы их не услышали из-за фейерверка: выпустили в небо больше пятидесяти ракет, не считая мелких шутих, – сказал Фрэнк.

– Мы бы все-таки услышали и поняли, – возразил сторож, – так как смотрели за направлением полета ракет. Смотрите, миссис де Винтер, водолаз надевает шлем.

На ровной поверхности моря на минутку появились круги, и сейчас же все стало гладко и тихо.

– Где Максим? – спросила я у Фрэнка.

– Он повез одного из потерпевших крушение в Керритс. Когда судно наскочило на мель, парень потерял голову от страха и спрыгнул на скалы. Он здорово разбился и еле держался на ногах, когда Максим увидел его и бросился к нему на помощь.

Малый, конечно, не понимал ни слова по-английски, и Максиму пришлось объясняться с ним на немецком языке. После этого Максим захватил одну из прогулочных лодок, которые сновали вокруг, как голодные акулы, посадил в нее раненого и повез к врачу в Керритс. Если им повезет, то они как раз застанут старого Филлипса за ленчем.

– Когда они уехали?

– За минуту до того, как вы появились здесь. Сейчас уже прошло минут пят. Вы могли увидеть его в лодке вместе с немцем.

– Вероятно, они отплыли как раз тогда, когда я взбиралась на скалу.

– Максим в таких случаях просто великолепен, он всегда помогает людям, когда может это сделать, – сказал Фрэнк. – Вот увидите: он пригласит всю эту ораву в Мандерли, будет всех кормить и всем даст приют.

– Это правильно, он готов снять с себя одежду, чтобы кому-нибудь помочь. Хорошо, если бы у нас было побольше таких людей, – добавил сторож.

– Да, это верно.

Буксиры еще кружили вокруг судна, но спасательная лодка ушла обратно в Керритс.

– На этот раз они ничего не смогут сделать, – сказал сторож.

– Да, – согласился Фрэнк. – На этот раз денежки заработает тот, кто купит судно на слом.

По-видимому, в ближайшее время ничего нового не произойдет. Водолаз должен будет подробно все описать, прежде чем предпринять какие-либо работы.

– Я голоден, – обратился Фрэнк ко мне, – а зачем вам здесь оставаться?

– Немного подожду, позавтракать можно в любое время, так как его приготовили холодным. Хочу дожидаться водолаза.

– Идемте лучше вместе со мной.

– Нет, Фрэнк, я еще побуду здесь.

– Ну хорошо, вы знаете, где меня найти, если пожелаете. Я буду в конторе.

– Хорошо, – ответила я.

Он кивнул сторожу на прощанье и ушел. Не обиделся ли он на меня, подумала я.

– Очень хороший человек мистер Кроули, – сказал сторож, – и готов отдать свою правую руку за мистера де Винтера.

– Ох, какая ужасная работа – лазать на дно морское, – заметила какая-то женщина. – За это следует дорого платить.

– Им действительно много платят, – ответил ей сторож.

Со всех сторон подходил народ, желавший увидеть разбитое судно. Но мне уже не хотелось оставаться здесь, и я направилась обратно к дому. По дороге я наткнулась на Бена, который сидел на скале и ловил креветок. Он узнал меня:

– Добрый день, добрый день.

– Добрый день!

Он встал, развернул грязный носовой платок, наполненный креветками, и предложил мне. Не желая обидеть его, я ответила:

– Благодарю. – Он сунул мне в руку дюжину креветок, которые я положила в карман.

– Они не плохи на вкус с хлебом и маслом, но сначала их надо сварить.

– Спасибо, я так и сделаю.

– Вы видели судно? Оно село на мель, и наверное, получило, пробоину в днище.

– Да, действительно оно лежит на дне и вышло из строя. Может, буксиры смогут его снять, когда начнется прилив?

Он не ответил.

– Это датское судно? – вдруг спросил он.

– Либо датское, либо немецкое.

– Оно будет разламываться потихоньку, кусок за куском. Оно не пойдет сразу ко дну, как то, маленькое. Надо думать, рыбы съели ее за это время.

– Кого, Бен?

– Ее, ту, другую.

– Рыбы не едят моряков, Бен. Теперь мне нужно идти домой, Бен.

Я немедленно направилась к дому, зашла в холл и через него в столовую.

Мой прибор все еще стоял на столе, но прибор Максима был убран.

– Мистер де Винтер приходил? – спросила я у Роберта.

– Да, мадам. Он приходил и спрашивал о вас. Мистер Фритс сказал, что вы, наверное, ушли взглянуть на кораблекрушение. Мистер де Винтер очень быстро позавтракал и сейчас же ушел.

Взглянув на холодное мясо и салат, я почувствовала пустоту в желудке, но есть не хотела.

– Будете ли вы завтракать, мадам?

– Нет, Роберт. Принесите мне, пожалуйста, чай в библиотеку. Но никаких пирожных и пирожков. Только чай, хлеб и масло.

– Слушаю, мадам.

Но он принес мне не только то, что я просила, но еще пирожное и кекс. Он считал невозможным подать такой скромный чай. Да это и было непривычным в доме.

Когда я заканчивала третью чашку чая – я ведь ничего за день не ела, не считая чашки холодного чая рано утром, – Роберт появился снова.

– Мистер де Винтер еще не возвращался, мадам?

– Нет, а в чем дело? Кто-нибудь спрашивает его?

– Да, мадам. У телефона капитан Сирль из Керритса. Он хочет приехать, чтобы лично переговорить с мистером де Винтером.

– Не знаю, что ответить, Роберт. Не имею понятия, когда он вернется. Скажите, чтобы он позвонил часов в пять.

Роберт снова вернулся:

– Капитан Сирль желает видеть вас, мадам, если вы разрешите. Говорит, что у него очень важное и срочное дело. Он пытался разыскать мистера Кроули, но ему не удалось.

– Ну, конечно, если дело срочное, пусть сейчас же приезжает.

– Есть ли у него машина?

– Да, мадам.

– Не могу себе представить, чем я могу быть полезна капитану. Дело ведь, вероятно, касается кораблекрушения, к которому ни я, ни Максим не имеем никакого отношения.

Речь могла идти о необходимости взорвать скалу, о которую разбился корабль и которая принадлежала имению. Понадобится разрешение Максима. Но обсуждая этот вопрос со мной, капитан Сирль попусту потратит свое время.

Видимо, он сел в машину сейчас же после разговора по телефону,

потому что уже через пятнадцать минут входил в комнату.

– К сожалению, моего мужа нет дома, капитан, вероятнее всего, он в Керритсе.

– Я только что оттуда, но мне не удалось с ним встретиться. И мистера Кроули никак не могу поймать.

– Кораблекрушение нарушило ритм всей нашей жизни. Скажите, что же там случилось, удалось ли буксирам снять судно с мели?

Капитан Сирль развел руками.

– В днище огромная дыра, и судно больше не увидит Гамбурга.

Но не это меня волнует: владелец судна и агентство Ллойда договорятся между собой. Не из-за этого я приехал сюда. Хотя косвенно именно кораблекрушение послужило причиной моего несвоевременного появления в вашем доме. Я должен сообщить кое-что мистеру де Винтеру, и прямо не знаю, как мне за это взяться.

– Что именно, капитан Сирль?

Он вытащил из кармана большой белый носовой платок и высморкался.

– Мне бы меньше хотелось доставить неприятность вам и вашему мужу. Мы все в Керритсе очень любим и уважаем мистера де Винтера. Очень тяжело и для вас, и для него, что мы не можем не ворошить прошлое. Но при данных обстоятельствах у нас нет никакого выбора, – он понизил голос, хотя мы были в комнате одни, и продолжал.

– Мы послали водолаза осмотреть днище судна. Но когда он ходил по дну, то сделал открытие. Обнаружив основное повреждение на днище, он решил обойти судно и с другой стороны, чтобы выяснить, нет ли еще каких-нибудь поломок. И вот тут-то он наткнулся на остов маленького парусника, лежащего на дне совершенно целым и невредимым. Это рабочий из наших местных жителей, и он тотчас узнал лодку, принадлежащую покойной миссис де Винтер.

Первой моей реакцией была радость по поводу того, что Максим не слышал этого разговора. Очень тихо и медленно я сказала:

– А почему бы не оставить лодку там, где она есть, не поднимая никакого шума. Она ведь никому не может помешать там, где она сейчас находится.

– Я последний человек на свете, который хотел бы поднять этот вопрос, и если бы это зависело от меня, я бы сделал все возможное, чтобы пощадить мистера де Винтера. Но беда в том, что водолаз сделал еще одно, более важное открытие. Дверь каюты была плотно закрыта, так же, как и окна. Но водолаз поднял камень со дна, разбил стенку каюты и заглянул

внутри. Каюта была полна воды, которая, очевидно, просочилась через днище, так как других повреждений на судне не было. И тут он до смерти перепугался, миссис де Винтер.

Капитан Сирль на минутку остановился и передохнул.

– В каюте лежал труп, конечно, уже давно разложившейся, без мяса на костях, но все же еще целый и нетронутый. Видны были, голова, руки, ноги, словом, целый скелет. Водолаз поднялся ко мне в лодку и рассказал все это. Теперь вы понимаете, миссис де Винтер, почему мне необходимо видеть вашего мужа.

В полном недоумении я глядела ему в лицо, а потом сказала:

– Предполагали, что она была в лодке одна, но, очевидно, она плавала вместе с кем-то, но никто этого не знал. Интересно, кто бы это мог быть? Ведь никто не заявлял об исчезновении кого-нибудь из ее знакомых или родственников. И странно, что кто-то оказался в ее каюте, тогда как она сама была найдена в море, далеко от места нахождения лодки и много времени спустя.

Капитан Сирль покачал головой.

– Я знаю не больше вашего. Единственное, что известно точно, – в каюте лежит тело и его необходимо опознать. И тут не избежать огласки, миссис де Винтер. Ужасно жаль, что вам обоим, живущим здесь в согласии и покое и желающим только счастливой семейной жизни, придется пережить такие неприятности.

– Если бы только можно было скрыть все это от мистера де Винтера, ничего не говорить ему!

– Охотно согласился бы на это, если бы мог. Но я должен исполнить свои обязанности независимо от моих личных переживаний.

Он оборвал свою речь, так как в комнату вошел Максим.

– Хелло, капитан Сирль. Я не знал, что вы здесь. Что-нибудь случилось?

Я больше не могла выдержать и вышла из комнаты, закрыв за собой дверь. Я только мельком взглянула на Максима, однако у меня создалось впечатление, что он утомлен и небрежно одет.

Я постояла в холле, наблюдая за Джаспером, который жадно лакал воду из своей миски. Он подошел ко мне, и я приласкала его. Затем вышла на террасу.

Мысли мои были невеселы: наступил кризис, и я должна выстоять в этом жизненном испытании, или все погибнет уже навсегда. Моя постоянная застенчивость, страхи, комплекс неполноценности – все должно быть побеждено. Если я не сумею преодолеть все это, то у меня не

останется никаких шансов на будущее.

Стоя на террасе, я услышала шум отъезжающей машины и поняла, что капитан Сирль уехал. Я пошла в библиотеку. Максим стоял у окна, но не обернулся на звук моих шагов. Я подошла к нему вплотную и встала рядом с ним. Взяла его руку и приложила к своей щеке, но он продолжал молчать.

– Я раскаиваюсь, я так ужасно раскаиваюсь, – сказала я, поцеловав сначала руку, а затем каждый палец отдельно. – Я не могу и не хочу, чтобы ты переносил со мной горе в одиночку. Я хочу разделить его с тобой. Я уже больше не ребенок, я стала старше за последние двадцать четыре часа и превратилась во взрослую женщину.

Он обнял меня за плечи и крепко прижал к себе.

– Ты простил меня, совсем простил?

Он, наконец, заговорил:

– Простить? Что я должен был тебе простить?

– Ты думал, что прошлой ночью я сделала это нарочно: сознательно надела белое платье, чтобы огорчить тебя.

– Ах, вот в чем дело! Я и забыл. Я сердился на тебя?

– Да, Максим. Не можем ли мы начать все сначала и вместе встречать все, что пошлет нам жизнь. Я не прошу твоей любви, я знаю, что это невозможно. Но я хочу быть твоим другом, компаньоном, всем, чем ты пожелаешь меня видеть.

Он обхватил мое лицо руками, и я впервые рассматривала его лицо так близко: тонкое, узкое, оно еще больше заострилось и обтянулось, под глазами – темные круги.

– Действительно ли ты меня так сильно любишь?

Я не могла говорить и не могла отвести глаз от его усталого лица.

– Слишком поздно, дорогая, мы уже потеряли наше маленькое счастье.

– Нет, Максим, нет!

– Да, это уже произошло.

– Что именно?

– То, что я всегда предчувствовал. Счастье нам с тобой не суждено.

– Что ты хочешь сказать, Максим? Я не понимаю.

– Ребекка выиграла, – сказал он. – Ее тень все время была между нами, проклятая тень, которая постоянно пыталась нас разлучить. Как я смел втянуть тебя, мою любимую, в свою жизнь, когда я всегда знал, что это случится. Я помню, как она умирала, сохраняя свою издевательскую улыбку на губах. Она и тогда знала, что в конце концов победит.

– Максим, о чем ты говоришь, объясни мне.

– Ее лодка. Водолаз нашел ее сегодня на морском дне.

– Знаю. Капитан Сирль приезжал, чтобы рассказать об этом. Ты, очевидно, думаешь о трупе, который лежит в каюте?

– Да.

– Это только означает, что она плавала не одна. И нужно будет установить, кто именно находился на лодке вместе с ней.

– Там не было никого, кроме Ребекки. Она была на судне одна. Это ее тело лежит там, в каюте.

– Нет, – сказала я, – нет.

– Тело женщины, которую похоронили в нашем фамильном склепе, – это было тело какой-то неизвестной, которую никто не разыскивал. И вообще, никакого несчастного случая не было. Ребекка вовсе не утонула. Я застрелил ее, отнес в каюту, вывел судно в море и затопил его. А теперь взгляни мне в глаза и повтори, если можешь, что любишь меня.

В библиотеке было очень тихо. Слышно было, как Джаспер зализывает себе лапу.

Когда люди испытывают большое потрясение или физическую травму, они не сразу чувствуют боль и тяжесть утраты.

Я встала на колени рядом с Максимом и прислонилась к нему всем телом. То, что он сказал мне, разбило все мои мысли и представления вдребезги, и я лишь думала о том, как начать собирать осколки.

Вдруг он начал меня целовать и целовал так, как никогда до сих пор.

Я обняла его за шею и закрыла глаза.

– Я так сильно люблю тебя, так сильно, – пробормотал он.

В первый раз говорил он мне слова, которые я так ждала услышать сперва в Монте-Карло, затем во Франции и, наконец, здесь, в Мандерли.

Он все продолжал целовать меня жадно, отчаянно, все повторяя мое имя. Затем неожиданно отодвинулся и сказал:

– Вот видишь, я был прав. Слишком поздно. Ты уже больше меня не любишь. Хорошо. Забудь это. Я больше не буду целовать тебя.

– И вовсе не слишком поздно. Я люблю тебя больше всего на свете. Но только что, когда ты обнимал меня, я была так потрясена, что не способна была реагировать.

– Ты больше не любишь меня, и вот почему ты ничего не чувствуешь. Для тебя это пришло слишком поздно. Я должен был так обращаться с тобой четыре месяца назад. Я должен был сообразить это. Женщины не похожи на мужчин.

– Я бы хотела, чтобы ты снова целовал меня, ну, пожалуйста, Максим.

– Нет, мы не можем потерять друг друга. Мы должны всегда быть вместе, и между нами больше уже не будет мрачных теней прошлого.

– Как мы может остаться вместе теперь, когда это произошло. В лучшем случае нам осталось провести вместе несколько дней, а может быть, всего лишь несколько часов. Я ведь объяснил тебе, что они нашли лодку с телом Ребекки.

Я уставилась на него:

– И что же они сделают теперь?

– Они опознают тело, и это будет нетрудно.

– Что-нибудь сохранилось от ее одежды?

– Остались кольца на пальцах. После этого все вспомнят о другой

женщине, похороненной под ее именем.

– Что же ты будешь делать?

– Не знаю, не знаю.

Ко мне мало-помалу вернулось самообладание, и я стала вспоминать разные забытые уже слова. Так, однажды, во Франции, сидя со мной рядом в машине, Максим сказал: «В моей жизни приблизительно год назад произошло событие, которое сломило меня. Мне нужно было начинать все сначала». На вопрос миссис ван Хоппер он ответил: «Я собрался в путь довольно неожиданно для самого себя». И ее реплика: «Говорят, он никак не может пережить гибель своей жены». А теперь Максим сказал: «Я застрелил Ребекку в коттедже у моря, а водолаз нашел ее лодку и ее тело в каюте».

– Что мы будем делать, Максим, что мы будем говорить? Скажи, знает ли об этом кто-нибудь, кроме тебя и меня?

– Нет, никто.

– А Фрэнк, уверен ли ты, что и Фрэнк не знает?

– Как он мог узнать! Там не было никого кроме меня. И было очень темно. – Он замолчал и опустил на стул, уронив голову на руки.

Я подошла и встала на колени рядом с ним. Затем я отвела его руки от лица и заглянула ему в глаза:

– Я люблю тебя, люблю веришь ли ты мне?

Он поцеловал меня в лицо, затем поцеловал мои руки и крепко прижал к себе.

– Я думал, что сойду с ума, сидя здесь совершенно один и постоянно думая о том, как и когда будет обнаружено мое преступление. Я должен был писать письма в ответ на соболезнования, засыпавшие меня со всех сторон. Заметки в газетах, интервью. Есть, пить и притворяться перед Фритсом, слугами, миссис Дэнверс, которую я не уволил лишь из боязни, что она, хорошо знавшая Ребекку, что-нибудь заподозрит. Фрэнк, скромный и всегда сочувствующий, который говорил мне: «Почему вы не поедете куда-нибудь? Я справлюсь здесь и без вас.» Жиль и Би, дорогая, бестактная Би, которая все повторяла: «Ты выглядишь тяжелобольным. Почему ты не хочешь показаться врачу?»

Я крепко держала его руки в своих:

– Однажды я едва не рассказал все это тебе; это было в тот день, когда Джаспер побежал к коттеджу, а ты вошла туда, чтобы найти кусок веревки.

– Да, я помню. Тебе следовало все рассказать мне. Тогда мы были бы вместе все эти долгие дни и недели.

– Ты держалась замкнуто и настороженно, я боялся, что ты несчастна

со мной. У нас ведь огромная разница в возрасте. Мне казалось, что с Фрэнком ты чувствуешь себя свободнее и лучше, чем со мной. Ты была всегда боязлива, скована и держалась очень странно со мной.

– Как я могла подойти к тебе ближе, когда знала, что ты всегда думаешь о Ребекке. Как я могла требовать от тебя любви, зная, что в твоей душе царит Ребекка!

– О чем ты говоришь – спросил он, пытливо заглядывая мне в глаза.

– Когда ты обнимал меня, гуляя по саду, или сидел за столом, я чувствовала, что ты всегда сравниваешь меня с Ребеккой и вспоминаешь вашу совместную жизнь. Разве это неправда?!

Он оттолкнул меня и, встав, начал шагать по библиотеке, сжимая и разжимая свои руки.

– В чем дело? Что ты хочешь этим сказать? О боже, неужели ты думаешь, что я любил Ребекку и убил ее любя! Я не только не любил ее – я ее ненавидел. Наш брак с первых же дней превратился в фарс. Она была порочна, отвратительна, насквозь испорчена. Мы никогда не любили друг друга и не были счастливы, никогда, ни одной минуты. Она вообще не была способна испытывать любовь и нежность. Она даже не могла соблюдать приличия. В сущности, она даже не была нормальной. Конечно, она была умна, дьявольски умна. Каждый, с кем она встречалась, был уверен, что она добра, благородна, одарена всеми талантами. Если бы она познакомилась с тобой, вы гуляли бы по саду под руку, она бегала бы взапуски с Джаспером, говорила бы о музыке, живописи и цветах и покорила бы тебя так же, как покоряла всех людей.

Когда я женился на ней, все считали меня счастливейшим из людей. И действительно, она была так эффектна, занимательна, так совершенна, что даже бабушка (в ту пору очень придирчивая к людям) полюбила ее от всего сердца и говорила мне: «У Ребекки есть все главные качества: ум, красота и воспитание».

И я этому верил, хотел верить, хотя где-то в глубине сознания у меня и тогда были сомнения. Что-то такое таилось в ее глазах, что я смог расшифровать лишь значительно позже.

...Вдруг я вспомнила, как бедный, слабоумный Бен говорил мне: «Вы добрая, не такая, как та, другая. Вы не отдадите меня в приют. Та, высокая, тонкая, была похожа на змею».

Максим продолжал шагать взад и вперед и все говорил, говорил:

– Помнишь, как однажды в Монте-Карло я привез тебя в машине на высокую скалу над пропастью и сказал, что захотел вспомнить свое прошлое.

В первый раз я был на этом самом месте с Ребеккой, и здесь она рассказала мне о самой себе такие вещи, которые я никогда в жизни не повторю ни одному человеку. Тогда я понял, что я натворил, на ком женился: «красота, ум, воспитание!..» О, Боже! – он рассмеялся и никак не мог остановить свой истерический смех.

– Максим, – вскрикнула я, – Максим!

Он зажег сигарету, снова зашагал и снова заговорил:

– Я едва не убил ее тогда же. Это было так легко. Один неверный шаг, легкое скольжение и... Помнишь глубину этой пропасти? Я тогда напугал тебя. Ты сочла меня сумасшедшим. Может быть, ты и была права. Совместная жизнь с дьяволом не может не отразиться на психике.

Мы тогда заключили соглашение: я буду вести дом, сделаю его самым известным и гостеприимным домом на всем английском побережье. Нас будут посещать самые известные люди и будут завидовать нашему счастью.

Я не убил ее. Я наблюдал за ней, а она смеялась. Мы сели в машину, вернулись в город, а затем и в Англию. Она выполнила свое обещание: о нашем открытом доме и о супружеском счастье говорили повсюду.

Она знала, что я очень привязан к Мандерли и пожертвую всем, лишь бы сохранить свой дом. Она знала, что я никогда не подам в суд на развод, чтобы дать людям повод к сплетням и возможности показывать на нас пальцем. Ты презираешь меня, не так ли? Ты не можешь понять моих переживаний?

Я ничего не ответила и только прижала его руку к своему сердцу. Интерес к дальнейшему повествованию был почти вытеснен из моего сознания невероятными открытиями: он не любил Ребекку, никогда не любил!

– Я слишком много думал о Мандерли, и его я ставил на первое место. А такую любовь не проповедуют в церкви. Христос ничего не говорил о любви к камням, скалам, дому, земле, на которой родился, к своему маленькому королевству.

– Мой дорогой, – сказала я, – Максим, любовь моя. – Я приложила его руки к своему лицу, а потом к своим губам.

– Ты понимаешь меня, понимаешь?

– О да, да, конечно. – Но я глядела в сторону, и он не видел моего лица. Какое значение имело все это! У меня на душе было светло и радостно: он не любил Ребекку, никогда не любил Ребекку.

– Я не хочу вспоминать все эти годы и не хочу говорить об этом. Мы постоянно разыгрывали фарс перед друзьями, родными и слугами, даже перед верным, добрым, безукоризненным Фритсом. Все любили ее,

восторгались ею, и никто не знал, как она издевалась над людьми за их спиной, как передразнивала всех и всякого. Бывало, у нас проходил большой прием, и она величаво прохаживалась среди гостей, улыбаясь всей своей ангельской улыбкой. А на следующий день она уезжала на целую неделю в Лондон, где держала холостяцкую квартиру, забиралась туда, как зверь в свою берлогу.

Я строго соблюдал наши условия. У нее был прекрасный вкус, и это она превратила Мандерли в такое прекрасное поместье, о котором вечно пишут, которое постоянно фотографируют и посещают. Сады, цветники и даже азалии Счастливой долины – все это создание Ребекки. До нее здесь были только хорошие природные условия, но все было довольно заброшенным и одичавшим. Тоже и в самом доме: большинство старинных вещей, которые с такой гордостью показывает посетителям Фритс, приобретено Ребеккой. Мой отец не имел никакого вкуса к таким вещам, и внутренняя отделка дома оставляла желать лучшего.

И так мы жили день за днем, месяц за месяцем. Я на все был согласен из-за Мандерли. Она была осторожна в первые годы, и о ней нигде ничего дурного не говорили. Но, по-моему, она стала менее строго соблюдать наши условия. Знаешь, как мужчина становится пьяницей: сначала он выпивает лишь изредка, затем все чаще и чаще, пока это не становится у него непреодолимой потребностью. Так было и с Ребеккой. Она начала приглашать своих друзей в Мандерли, но сначала делала это так осторожно, что я не сразу спохватился.

Затем она начала устраивать пикники в коттедже на берегу. Однажды я вернулся из Шотландии, куда ездил на охоту с друзьями, и нашел здесь с полдюжины ее приятелей, которых никогда не видел раньше.

Я сделал ей предупреждение. «А вам-то какое дело?» – пожала она плечами.

Я ответил, что она может проводить время в Лондоне как и с кем ей угодно, а в Мандерли – хозяин я.

Он улыбнулась и ничего не сказала. После этого она принялась за Фрэнка, бедного, застенчивого и такого преданного Фрэнка. Однажды он пришел ко мне и заявил, что уходит от меня, что желает поступить на другую службу. Мы спорили с ним два часа здесь, в библиотеке, и в конце концов, он сознался во всем: она ходила за ним по пятам, приходила к нему домой и во что бы то ни стало хотела заманить его к себе в коттедж.

Бедный, скромный Фрэнк, который ничего не знал о нашей жизни и считал нас, как и все, счастливой супружеской парой!

Я заговорил об этом с Ребеккой, и она разразилась таким потоком

нецензурной брани, что я не знал, куда деваться. После этого она уехала в Лондон и оставалась там целый месяц. Когда она вернулась, я думал, что теперь она будет вести себя лучше. Но в ближайшую субботу Жиль и Би приехали к нам на уик-энд, и она уговорила Жиля прокатиться с ней на паруснике по морю. Когда они вернулись, я догадался, что она пыталась соблазнить Жиля. Я видел, что Би внимательно наблюдает во время обеда за Жилем, который говорил громче обычного и слишком много. А Ребекка сидела все время во главе стола с видом ангела с картины Боттичелли.

...Теперь все в моем представлении стало на свои места: понятны были странные манеры Фрэнка, когда он говорил о Ребекке, и молчаливость Беатрисы, обычно ей несвойственная.

Я сама создала себе ад. Если бы я заговорила с Максимом, он давно рассказал бы мне обо всем, и мы могли бы счастливо прожить все это время, не разделяемые черными тенями прошлого.

– Жиль и Би больше никогда не приезжали к нам на уик-энд, и мы никогда не обсуждали их последнее посещение. Думаю, однако, что Би кое о чем догадалась, так же, как и Фрэнк. Ребекка опять стала держать себя очень хорошо, и поведение ее здесь, у меня на глазах, было безупречным. Но если я куда-нибудь уезжал, я никогда не мог быть спокойным: она могла снова взяться за Фрэнка или за любого из обслуживающих нас рабочих. И тогда бы бомба разорвалась, и наша жизнь получила бы огласку. У нее был кузен, некий Джек Фэвелл. Он воспитывался за границей, но теперь вернулся в Англию. Он постоянно приезжал сюда.

– Я знаю его, – сказала я, – он был здесь в тот самый день, когда ты уезжал в Лондон.

– Почему ты не сказала мне об этом? Я узнал все от Фрэнка, который случайно видел его машину возле дома.

– Я не хотела говорить, чтобы не напоминать о Ребекке.

– Напоминать мне, – усмехнулся Максим. – Как будто мне еще нужно было о ней напоминать. Она приглашала Джека в коттедж на берегу. Слугам она говорила, что на всю ночь уходит в море, а сама проводила ночи вместе с ним в коттедже.

Я опять предостерег ее, что не потерплю его присутствия в Мандерли, и если застану его здесь, то просто пристрелю. Она пожала плечами, но обошлось без брани. Я заметил, что она плохо выглядит: бледнее обычного, нервна и явно утомлена. Но пока все шло без особых перемен.

Однажды она уехала в Лондон и в тот же день вернулась назад. Так она обычно не поступала, и я ее не ждал. Я пообедал у Фрэнка в его домике и вернулся домой около половины одиннадцатого. В холле я увидел ее

шарф, перчатки и подумал: какого дьявола она вернулась! Но дома ее не было, очевидно, она ушла в свой коттедж. Я почувствовал, что больше не в состоянии выносить эту жизнь, полную фальши и лжи. И решил так или иначе положить этому конец. Я взял с собой ружье и решил хорошенько припугнуть ее и ее кузена. Прислуга даже не видела, что я вернулся домой. Я тихо пробрался в сад и направился к бухточке. Я увидел свет в окне и направился прямо в коттедж. К моему удивлению, она была совсем одна. Она лежала на диване, а рядом стояла пепельница, доверху наполненная окурками. Она выглядела больной, измученной.

Я сразу начал говорить о Фэвелле... Я достаточно долго терпел эту жизнь, полную унижений и позора. Но теперь – конец.

– Что вы делали в Лондоне, меня не касается. Можете быть там с Фэвеллом или с кем-то другим – это ваше дело. Но не здесь, не в Мандерли.

– А что если мне больше нравится здесь? Что вы сделаете?

– Вы знаете мои условия, я честно соблюдал наш позорный договор, чего нельзя сказать о вас. Я терпел достаточно долго, Ребекка. Но больше не желаю.

Она бросила сигарету в пепельницу, встала с дивана и потянулась, подняв руки над головой.

– Ты прав, Максим, пора начинать новую страницу в нашей жизни.

Она начала ходить по комнате – взад и вперед, засунув руки в карманы брюк, очень бледная, очень худая; в своем костюме матроса она была похожа на мальчика, но мальчика с лицом ботичеллиевской мадонны.

– Думали ли вы когда-нибудь о том, – заговорила она, – как трудно вам будет собрать какой-нибудь материал для суда, если захотите развода? Все ваши друзья, все ваши слуги убеждены, что мы очень счастливая супружеская пара.

– А Фрэнк, а Беатриса? – спросила я.

– У вашего Фрэнка нет никакого материала против меня, а Беатриса докажет в суде только то, что приревновала ко мне своего мужа, которому вздумалось однажды свалить дурака. О нет, Макс, чертовски трудно будет хоть что-нибудь доказать. – Она издевательски улыбалась. – А я могу заставить Дэнни дать любую присягу в суде, а за ней в слепом неведении присягнут и остальные слуги. Ведь все думают, что мы живем, как счастливые супруги. Ну и как же вы сможете доказать, что это не так?

Она села на край стола, покачивая одной ногой, обутой в сандалию из синих и белых полосок.

– Мы, Дэнни и я, могли бы выставить вас перед судом полным

дураком. И вам бы после этого не поверил ни один человек.

И снова она встала передо мной, раскачиваясь на каблуках.

– Если у меня будет ребенок, Макс, вы никогда не сможете отказаться от него. Он будет расти здесь, в Мандерли, будет носить ваше имя, и вы ничего не сможете поделывать. Вы ведь хотели бы иметь сына и наследника вашего дорогого Мандерли? Это было бы величайшей радостью в вашей жизни, Макс. И вот вы увидите моего сына, Макс, в колыбельке под каштановым деревом, а затем бегущего по лугам и газонам за бабочками, когда он немного подрастет. Вы будете следить за тем, как он растет и развивается и радоваться тому, что после вашей смерти он останется здесь в качестве законного владельца Мандерли.

Она замолчала на минутку, а затем начала громко хохотать:

– О, боже, как смешно, как весело, как безумно увлекательно... Я сказала вам, что собираюсь открыть новую страницу своей жизни. Теперь вы поняли, в чем дело? И все ваши арендаторы, все местные жители будут в полном восторге: «Это то, что мы все ждали, на что надеялись, миссис де Винтер.» А я буду безукоризненной матерью, Макс, как была безукоризненной женой. И никогда, и никому не придет в голову... – В одной руке она держала сигарету, а другую сунула в карман и глядела мне в лицо, все так же усмехаясь.

...Когда я выстрелил в нее, она продолжала стоять против меня. Я попал прямо в сердце, и пуля прошла навылет. Она не сразу упала, а продолжала стоять с широко открытыми глазами, все так же улыбаясь.

Голос Максима упал до шепота, а его рука, которую я держала в своих, была холодной, как лед.

– Я совсем забыл, – снова начал он, – что из тела вытекает так много крови. Я принес морской воды в ведре и стал тряпкой мыть пол. Все было залито кровью, даже у камина, к которому она не подходила, стояла большая лужа крови. После того, как я вымыл весь пол, я поднял тело Ребекки и отнес его на лодку. Положил ее на пол в каюте и попытался вывести лодку в море. Ветерок налетал порывами, и вывести судно против прилива было нелегко. Я давно не ходил под парусом, так как никогда не плавал вместе с ней и совсем отвык от этого спорта. С большим трудом я вывел судно из бухточки в залив, но дальше вести его не сумел. Было ужасающе темно. Абсолютно безлунная ночь. Кое-как, ощупью, я спустился в каюту, заклинил дверь и открыл водопроводные краны. Вода начала проступать на полу. После этого кинжалом, который специально захватил с собой, я пробил в днище одну за другой три дыры, а сам перешел на шлюпку. До этого сбросил с парусника в море спасательный

круг, канат и весла, чтобы создать видимость крушения, и стал наблюдать за медленным погружением судна в море. Когда оно исчезло, я медленно отравился назад.

Вот и все. Больше мне почти нечего сказать.

Я привязал шлюпку к причалу, так это обычно делала она, и снова вошел в коттедж. Пол был весь мокрый, но это могла сделать и она сама. Затем я вернулся в дом, поднялся в спальню и разделся. В это время разыгралась непогода, подул сильный ветер и пошел дождь. Ко мне постучала миссис Дэнверс. Я открыл ей и разговаривал с ней, одетый в халат. Она беспокоилась о Ребекке, а я советовал ей идти лечь спать.

Я затопил судно слишком близко к берегу. Если бы я сумел вывести его подальше в залив, ее бы никогда не нашли.

– Это все из-за кораблекрушения. Если бы не это, ее бы так и не нашли.

Я очень устала, но Максим продолжал говорить:

– Я знал, что это когда-нибудь случится. Даже когда я ездил в Эджкомб и опознал то тело, я знал, что это только отсрочка и что, в конце концов, все-таки выиграет Ребекка.

Даже когда я встретил и полюбил тебя, я знал, что это ничего не изменит и, в конце концов, все-таки выиграет Ребекка. И она об этом знала. Я помню улыбку, которая осталась на ее лице.

– Нет, – сказала я. – Ребекка умерла, вот о чем мы должны помнить. Она не может вернуться и привлечь тебя к ответственности. Она не сможет больше причинить тебе вред.

– Но там лежит ее тело. Водолаз видел его.

– Придется давать объяснения, и нужно обдумать, что именно сказать. Это тело неизвестного тебе человека, которого ты никогда не видел.

– Что-то осталось из ее вещей, например, кольца на пальцах. Даже если все сгнило, какие-нибудь остатки вещей сохранились, каюта не тронула, и никто не прикасался к телу в течение всех этих месяцев. Это не тот случай, когда труп таскало по морю и било его о прибрежные камни.

– Но тело гниет в воде, даже когда его никто не трогает. Не так ли?

– Не знаю, не знаю.

– А как это выяснится? Что они собираются делать?

– Завтра в пять тридцать утра водолаз опустится в море, и они попытаются поднять лодку со дна. С тоже буду присутствовать при этом. Сирль пришлет за мной лодку в нашу бухточку к пяти утра.

– А что они будут делать дальше?

– Они попытаются отбуксировать лодку в Керритс. Если же не смогут,

то при помощи крана поднимут ее на свое спасательное судно. Там же будет и врач.

– А зачем же врач, что он будет делать?

– Не знаю, не знаю.

– Если они установят, что тело Ребекки, ты должен сказать, что в прошлый раз, в Эджкомбе, ты просто ошибся. Ты был болен. Да и тогда не утверждал, а лишь высказал предположение.

– Никто не может свидетельствовать против себя. Ты был у себя дома в постели, и никто во всем свете не знает правды, кроме тебя и меня. Даже Фрэнк.

– Да, да. Они подумают, что лодка перевернулась и затонула в момент, когда она была в каюте. Она могла спуститься туда за ножом или веревкой, или еще за чем-нибудь, и вдруг налетел резкий ветер с мыса и опрокинул судно. Они именно так и решат, не правда ли?

– Не знаю, – ответил она, – не знаю.

В это время рядом с библиотекой в маленькой комнате раздался телефонный звонок.

Максим подошел к телефону и закрыл за собой дверь.

В библиотеке появился Роберт и начал убирать стол после чая. Я встала лицом к окну так, чтобы он не увидел моего лица. Впрочем, слуги в доме очень скоро узнают о наших неприятностях. Я слышала голос Максима из соседней комнаты и испытывала острую боль где-то в глубине, в желудке.

Я провела все время рядом с Максимом, внимая его тихому голосу и сопереживая всей душой.

Я тоже убила Ребекку и затопила ее лодку в заливе, вместе с ним прислушиваясь к шуму ветра и дождя. Разговаривала с миссис Денверс через дверь.

Но где-то, в другой части моей души, царила мысль: он вовсе не любил Ребекку, он никогда не любил Ребекку. И вдруг я осознала, что в моем сердце больше нет страха, что мое будущее светло и прекрасно...

Я больше не боюсь Ребекки и не испытываю к ней ненависти. Теперь, когда я знаю, что она была злой, порочной и развратной, она больше ничем не могла меня затронуть. Она для меня больше не существовала. Все могущество Ребекки растаяло в воздухе, как утренний туман. И так как Максим никогда не любил ее, я больше не испытывала ненависти к ней.

Ее тело вернулось вместе с лодкой, носившей пророческое название «Возвращаюсь», но я навеки освободилась от нее.

Я могла навсегда остаться с Максимом, обнимать его, любить. Я уже не была ребенком, и никогда им не буду. Больше не будет «я», «меня»; «мне», а будет «мы», «нас», «нам». И эту беду мы будем переносить вместе: я и он. Ни капитан Сирль, ни Фрэнк, ни Беатриса, ни все мужчины и женщины графства, которые будут читать газеты, не смогут разлучить нас. Мы всегда будем единым целым. Я больше не была наивной простушкой.

Я готова давать клятвы, присягать, богохульствовать и молиться. Ребекка не выиграла, Ребекка проиграла.

Максим вернулся в комнату.

— Звонил полковник Джулиен. Он только что беседовал с Сирлем. Он едет с нами завтра утром.

— Зачем?

— Он представитель власти в Керритсе, и он обязан присутствовать.

- Что он сказал?
 - Он спросил меня, не знаю ли, чье бы это могло быть тело в каюте.
 - Что ты ответил?
 - Я сказал, что не имею понятия, и что мы до сих пор предполагали, что Ребекка была на своем судне одна.
 - Что еще спросил?
 - Он спросил, не считаю ли я возможным, что ошибся при опознании тела в Эджкомбе?
 - Он это сказал, уже сказал?
 - Да, и я ответил, что не знаю и что это вполне возможно.
 - Он будет вместе с тобой, Сирлем и с доктором завтра утром на лодке?
 - Да. А кроме них, полицейский инспектор Уэлч.
 - Но при чем здесь полицейский инспектор?
 - Он обязан присутствовать, когда находят какой-нибудь труп.
- Я замолчала и почувствовала знакомую боль в желудке.
- Может быть, они не сумеют поднять лодку? И тогда они ничего не смогут сказать по поводу тела.
 - Не знаю. Я думаю, что поднимается юго-западный ветер, но нет, оказывается, он упал, и для водолаза будет завтра утром удобно работать при спокойном море.
- Снова зазвонил телефон, как-то особенно резко и требовательно.
- Когда Максим вернулся в библиотеку, он сказал:
- Ну вот, уже началось.
 - Что ты хочешь сказать? Что началось?
 - Это был газетный репортер из «Хроники.» Он спросил меня, правда ли, что найдена лодка, принадлежавшая покойной миссис де Винтер?
 - Я ответил, что действительно найдена лодка, но это все, что нам пока известно. Может быть, вовсе и не ее лодка. Затем он спросил, могу ли я подтвердить слух о том, что в каюте найдено тело. Очевидно, кто-то уже разболтал. Конечно, не Сирль. Очевидно, водолаз или кто-либо из его дружков. Этих людей ведь не заставишь молчать.
 - Что ты ответил по поводу тела?
 - Я сказал, что ничего не знаю и не могу дать никаких показаний. И буду ему очень обязан, если он больше не будет звонить мне.
 - Он обозлится и будет выступать против тебя.
 - Тут уж ничего не поделать. Я не желаю давать заявления для газет. Я не желаю, чтобы мне звонили репортеры и задавали вопросы.
 - А может быть, их следовало бы привлечь на свою сторону?

– Если нужно будет бороться, я буду бороться один, и вовсе не желаю, чтобы рядом со мной стояла газета.

– Репортер будет звонить другим: полковнику Джулиену или капитану Сирлю.

– Но от них он узнает не больше, чем от меня.

– Если бы только мы могли что-нибудь предпринять. Просидеть здесь столько часов в бездействии, ожидая завтрашнего дня!

– Нам нечего делать, – ответил Максим. Он взял в руки книгу. Но я видела, что он не читает. Он словно бы все время прислушивался к телефону. Но больше никто не звонил.

Мы переоделись к обеду. Затем пообедали. У Фритса, как и всегда, было невозмутимое и бесстрастное лицо, можно было подумать, что он ничего не знает о наших неприятностях.

После обеда мы снова посидели в библиотеке, но разговаривали мало. Я сидела на полу, положив голову на колени Максиму. Его пальцы гладили мои волосы. Время от времени он наклонялся, чтобы поцеловать меня. Раньше это было механическое поглаживание, как будто он не делал никакого различия между мной и Джаспером. Теперь же его пальцы ласкали меня. Мы иногда обменивались несколькими словами, как люди очень близкие, между которыми нет никаких тайн и преград. И как странно, что именно теперь, когда все наше благополучие повисло на ниточке, я чувствовала себя бесконечно счастливой.

По-видимому, ночью шел дождь: когда я встала, сад был как умытый.

Максим не разбудил меня утром. Видимо, он встал украдкой, прошел в свою туалетную, а затем ушел из дома к назначенному часу.

Я встала, приняла ванну, оделась и спустилась к завтраку в обычное время, в девять часов. Меня ожидала целая куча писем в это утро. Читать их все подряд я не стала, так как там было одно и то же: благодарность за прекрасный бал.

Фритс спросил меня, следует ли поддерживать завтрак Максима теплым, и я ответила, что не знаю, когда он вернется домой.

После завтрака поднялась в будуар и села за письменный стол. Комнату явно не убирали и даже не проветривали. Я позвонила горничной и, сделав ей замечание, попросила вынести засохшие цветы.

– Извините, мадам.

– Чтобы это больше не повторялось.

– Да, мадам.

Никогда не думала, что так легко быть требовательной и строгой.

На моем столе лежало меню. Я прочла его и увидела, что были

предложены те же холодные закуски, которые подавали к ужину на балу. Я перечеркнула меню и позвонила Роберту:

– Скажите миссис Дэнверс, чтобы она заказала горячий завтрак. Если и осталось много закусок от ужина, то мы не желаем их больше видеть за нашим обеденным столом.

– Да, мадам.

Я вышла из комнаты вслед за ним и спустилась в маленькую оранжерею, срезала свежие розы и вернулась в будуар. Там было уже убрано, и в вазы налита свежая вода. Я занялась расстановкой цветов, когда услышала стук в дверь.

– Войдите.

Это была миссис Дэнверс. Она держала меню в руках. Выглядела бледной и усталой, под глазами были большие круги.

– С добрым утром, миссис Дэнверс.

– Не понимаю, – ответила она, – почему вы отсылаете меню через Роберта и через него же передаете указания. Почему вы так поступаете?

Я держала в руке розу и смотрела через нее.

– Все эти закуски подавались уже вчера, я видела их на серванте. Сегодня я предпочитаю горячий завтрак. Если на кухне не хотят есть эти закуски, выкиньте их. В этом доме хозяйничают так расточительно, что небольшой дополнительный расход будет незаметен.

Она молча уставилась на меня.

Я поставила стебель в вазу вместе с другими и снова заговорила:

– Не говорите мне, что вам нечего подать к завтраку. У вас ведь составлены меню на все случаи.

– Я не привыкла, чтобы мне передавали приказания через Роберта. Когда миссис де Винтер хотела что-нибудь изменить в меню, она сама звонила мне по домашнему телефону и лично передавала свои пожелания.

– Боюсь, что меня очень мало интересует, что делала и чего не делала покойная миссис де Винтер. Теперь миссис де Винтер – это я. И если я предпочту передавать свои распоряжения через Роберта – я так и буду делать.

В комнату вошел Роберт и сказал:

– Репортер из газеты «Хроника» просит вас к телефону.

– Скажите ему, что меня нет дома.

– Да, мадам.

– Итак, миссис Дэнверс, вы хотите сказать мне еще что-нибудь?

Если нет, то вам лучше уйти и сделать распоряжения на кухне по поводу ленча. А у меня сегодня мало времени.

– Но почему репортер хочет говорить с вами? – спросила миссис Дэнверс.

– Не имею никакого понятия, миссис Дэнверс.

– Правда ли то, что рассказал вчера Фритс, вернувшись из Керритса, что найдена лодка миссис де Винтер?

– Ничего по этому поводу не знаю.

– Капитан Сирль был здесь вчера, об этом мне сказал Роберт. А Фритс рассказал, что водолаз, спускавшийся в море для обследования судна, нашел лодку миссис де Винтер.

– Возможно, что это и так. Но вам лучше дождаться времени, когда вернется мистер де Винтер и спросить у него.

– Почему мистер де Винтер ушел сегодня так рано?

– Это касается лишь его.

– Фритс говорит, что в кабине лодки найдено тело. Откуда же там могло быть тело? Миссис де Винтер всегда плавала одна.

– Право, бесполезно расспрашивать меня, миссис Дэнверс. Я знаю не больше вашего.

– В самом деле? – она смотрела на меня, а я равнодушно отвернулась в сторону.

– Пойду распоряджусь по поводу ленча, – и она направилась к выходу. Я промолчала. Что бы она ни делала и ни говорила, мне это теперь безразлично. Она не могла больше запугать меня. Она потеряла свою власть надо мной вместе с Ребеккой.

Где теперь Максим, думала я, зачем снова звонил репортер?

Стояла такая же удушливо-жаркая погода, как вчера, и я снова чувствовала боль в желудке.

В половине двенадцатого в комнату вошел Фритс.

– Мистер де Винтер у телефона, мадам.

– Это ты? – сказал Максим.

– Да.

– Я привезу к ленчу Фрэнка и полковника Джулиена. Мы приедем к часу дня.

– Хорошо.

– Они подняли лодку, – сказали он. – Я только что вернулся из порта. Сирль был здесь, и полковник Джулиен, Фрэнк и все прочие.

Наверное, кто-нибудь из них стоит рядом и поэтому он говорит со мной таким сдержанным и холодным тоном.

– Ну что же, очень хорошо. Ожидаю вас всех к часу дня.

Я так и не узнала, что там произошло. Повесила трубку и пошла

искать Фритса, чтобы сообщить ему, что к ленчу нас будет не двое, а четверо.

Последний час тянулся бесконечно долго. Я пошла наверх и переоделась в более легкое платье. Было без пяти час, когда я услышала шум машины у подъезда, а затем голоса в холле.

Вошли Максим, Фрэнк и полковник Джулиен. Я вспомнила, что на маскараде он появился в костюме Кромвеля. Сейчас он выглядел совсем иным.

– Как вы поживаете? – он говорил со мной спокойным и важным голосом, как доктор.

– Скажите Фритсу, чтобы он подал шерри, – сказал Максим, – а я поднимусь, чтобы умыться.

– Мне это тоже необходимо, – сказал Фрэнк.

Прежде чем я успела позвонить, вошел Фритс с шерри. Полковник Джулиен отказался пить, а я взяла рюмку, чтобы немного взбодрить себя.

– Это ужасно неприятная история, миссис де Винтер, – сказал полковник. – Очень сочувствую вам и вашему мужу.

– Благодарю вас.

Я пригубила шерри, но поспешно поставила рюмку назад, так как рука предательски дрожала.

– И что делает это дело особенно неприятным, – это то, что ваш муж опознал то, первое тело в Эджкомбе, почти год тому назад.

– Не совсем вас понимаю, – сказала я.

– Значит, вы еще не знаете, что мы обнаружили сегодня утром?

– Я знаю, что нашли какое-то тело. Водолаз видел его.

Понизив голос, он сказал:

– Боюсь, что это именно ее тело, вне всяких сомнений. Не буду вдаваться в подробности, но ваш муж и врач опознали миссис де Винтер.

Он неожиданно замолчал. В комнату вошли Максим и Фрэнк.

– Ленч готов, идем завтракать, – пригласил Максим.

Сели за стол. Справа от меня полковник, слева – Фрэнк. Фритс и Роберт начали подавать завтрак, а мы все занялись обсуждением погоды.

– Вчера в Лондоне было около тридцати градусов жары, – сказал полковник. – А в Париже еще жарче.

– Я как-то был там в августе, и температура все время держалась выше тридцати, – сказал Фрэнк.

– Вы, наверное, хорошо знаете Францию, миссис де Винтер? – спросил полковник.

– Нет, не слишком.

– Кто-то говорил мне, что вы прожили там много лет?

– Нет, – ответила я.

– Я встретил ее в Монте-Карло, вы ведь не назовете это Францией, – сказал Максим.

– Нет, это скорее космополитическое место, берег, говорят, очень красив.

– Да, это верно.

Хотя все думали о другом, но продолжали бессодержательную беседу из-за присутствия слуг.

– Думаю, что все были в восторге от вашего вчерашнего бала.

– Благодарю вас.

– Такого рода приемы способствуют более близкому знакомству и дружбе между жителями графства, – сказал полковник.

– Надеюсь.

– И как странно, что люди так любят переодеваться в необычные костюмы.

– Мы все любим иногда изменить свою внешность. И радуемся этому, как дети, – заметил полковник.

Неужели, подумала я, он получил какое-нибудь удовольствие, надев на себя костюм Кромвеля. К тому же он почти не появлялся в зале и провел весь вечер за карточным столом, играя в бридж.

– Миссис Леси, выглядела вчера очень мило, – снова заговорил полковник.

– Если не считать ее платья, надетого шиворот-навыворот, – с усмешкой отозвался Максим.

– Эти восточные одежды, вероятно, очень трудно шить, хотя некоторые утверждают, что они красивее и удобнее чем то, что носят у нас.

– А вы когда-нибудь были на Востоке, сэр? – поинтересовался Фрэнк.

– Я знаю Восток, прожил пять лет в Китае, затем жил в Сингапуре. После горячего подали суфле, а затем фрукты в большой вазе.

Наконец, Роберт принес сыр и бисквиты, а Фритс – кофе и сигареты: ленч заканчивался.

– Я говорил вашей жене, мистер де Винтер, – начал полковник Джулиен, – самое неприятное в вашем деле то, что вы опознали первое тело.

– Да, конечно, – отозвался Максим.

– А я считаю, что при тех обстоятельствах это было вполне естественно. Максим был тяжело болен в то время, но по вызову властей из Эджкомба все-таки приехал и сделал, что мог, – сказал Фрэнк.

– Чепуха, я был здоров, – возразил Максим. – И нет никакой надобности вдаваться в эти подробности.

– Вам нужно признать, что вы тогда допустили ошибку, – посоветовал полковник, – поскольку сейчас никаких сомнений нет. Я бы очень хотел избавить вас от формальностей и публичного дознания, но, боюсь, что это невозможно.

– Естественно, – сказал Максим.

– Надеюсь, все будет хорошо. Нужно лишь ваше заявление, а затем показания Тэбба, который проверял состояние судна, привезенного миссис де Винтер из Франции, прежде чем дал свое добро на его эксплуатацию.

– Совершенно правильно, – согласился Максим.

– Какое несчастье, что это злополучное судно село на мель именно в вашей бухте. Если бы не это, то ваше неприятное дело никогда бы и никем не поднималось. Единственным утешением служит, пожалуй: то, что теперь мы знаем: несчастная миссис де Винтер утонула мгновенно, а не мучилась, прежде чем погибла, как мы думали раньше. Она не могла ведь сделать попытки выплыть, не так ли?

– Конечно, нет, – сказал Максим.

– Вероятнее всего, она спустилась в каюту за каким-нибудь необходимым ей предметом, а в это время резкий ветер накренил судно, захлопнул намертво дверь и перевернул лодку.

– Видимо, так, – не слишком уверенно подтвердил Максим. – Такое объяснение вероятнее всего, не так ли, Кроули? – спросил он, обратившись к Фрэнку.

– Да, несомненно.

Я взглянула на Фрэнка и поймала его взгляд, устремленный на Максима. По его глазам я поняла, то он знал истину, хотя Максим думал иначе.

– Все мы совершаем ошибки в жизни, и рано или поздно приходится за них расплачиваться. Миссис де Винтер хорошо знала капризы шквальных ветров здесь, в заливе, как опасно выпускать руль такого маленького судна из рук. Она ведь очень часто плавала по заливу. Но в какой-то злосчастный момент не учла всей опасности своего поведения и потерпела крушение, окончившееся ее гибелью.

– Несчастные случаи бывают ведь очень часто, – сказал Фрэнк, – взять хотя бы количество их во время ежегодной охоты.

– Да, но тогда обычно виной всему служат лошади. Если бы миссис де Винтер не выпустила руль из своих рук, несчастья никогда не случилось бы. Странное дело: я много раз наблюдал за ней во время ее плавания и ни

разу не поймал ее на какой-нибудь ошибке.

– В ту ночь был очень резкий ветер. Что-нибудь могло заклинить, и ей понадобился, скажем, нож, за которым она спустилась в каюту, – предположил Фрэнк.

Я пригласила всех спуститься в сад.

Полковник Приласкал Джаспера:

– Ты превратился в красивого пса, – сказал он. – Щенки у них тоже очаровательные.

Он взглянул на часы.

– Благодарю вас за великолепный завтрак. Прошу извинить меня, но я должен уехать. У меня еще много дел сегодня.

– Да, конечно.

– Меня очень огорчает неприятность, которая случилась с вами. Сочувствую вам еще больше, чем вашему мужу. Надеюсь, что все скоро закончится, и вы оба забудете об этом навсегда.

– Да, мы тоже надеемся.

– Кроули, если вы желаете, я подвезу вас к вашему домику.

– Благодарю вас, сэр, – сказал Фрэнк. Он подошел ко мне и пожал мою руку. – Я еще приду к вам, – пообещал он.

– Да. – Я не смотрела на него, так как боялась, что он угадает по моим глазам, что я разгадала по его.

Максим проводил их до машины и вернулся ко мне.

– Все будет в полном порядке, – проговорил он. – Я абсолютно спокоен. Ты ведь видела Джулиена и Фрэнка. Все пройдет гладко. Сегодня даже не возник вопрос о том, что тело, найденное в каюте, могла быть чьим-то другим, а не Ребекки. Доктор Филлипс опознал тело даже без моего участия. Никаких следов того, что сделал я, не было. Пуля не задела кости. Очевидно, суд поверит тому, что скажут Филлипс и Джулиен.

Что же касается меня, то я ни в чем не раскаиваюсь и ни о чем не жалею. Я рад, что убил Ребекку и никогда не буду испытывать никаких угрызений совести. Но ты, моя маленькая, моя дорогая... Я все время глядел на тебя во время ленча. Исчез твой взгляд, такой смешной, такой детский, слегка потерянный, который я так любил. Он больше не вернется. Я убил его, когда рассказал правду о смерти Ребекки. А сейчас ты выглядишь уже намного старше, чем вчера.

Вечером Фритс принес местные газеты. Максима не было в комнате, и я сама развернула их. Через всю газету был напечатан заголовок о происшествии в Мандерли. Статья сопровождалась размазанным фотоснимком Максима не менее чем пятнадцатилетней давности. Факты были изложены довольно верно, но тон статьи был тенденциозным.

Максима представили неким сатиром, женившимся на молодой девушке, меньше чем через год после гибели первой жены, и дававшим бал в ее честь как раз накануне обнаружения лодки с телом погибшей жены.

Я засунула газеты под подушки, чтобы они не попались на глаза Максиму, который уже пошел наверх одеваться к обеду.

Фритс заглянул в комнату и задержался на минутку, как будто ожидая, что я что-нибудь ему скажу.

– Какая ужасная история, Фритс, – обратилась я к нему.

– Да, мы все очень расстроены. Так тяжело для мистера де Винтера завтра снова все это пережить. Ведь ему придется опять опознавать тело, как это было уже год назад. Говорят, что теперь уже нет никаких сомнений, что найдено тело именно миссис де Винтер.

– Да, никаких сомнений.

– Нам всем кажется странным, что она позволила поймать себя, как в мышеловку. Она ведь была очень опытна в управлении парусником.

– Да, Фритс, конечно. Но несчастные случаи все же иногда бывают, а как это произошло – никто и никогда не узнает.

– Ужасная неприятность, мадам. И как раз после нашего великолепного бала. Будет судебное разбирательство?

– Да, Фритс, это необходимая формальность.

– Скажите, мадам, будут ли вызывать кого-нибудь из нас в качестве свидетелей?

– Думаю, что нет.

– Я был бы рад принести какую-нибудь пользу семье. Мистер де Винтер знает это.

– Да, Фритс, безусловно, знает.

– Я приказал слугам не обсуждать происшествие, но разве девушек можно заставить молчать! Для миссис Дэнверс, вероятно, это было ужасным ударом. Она ушла к себе после ленча и больше не появилась внизу. Алиса недавно отнесла ей чай и газеты и сказала, что миссис

Дэнверс выглядит тяжелобольной. Это, конечно, не телесная болезнь, а душевная. Она ведь была очень привязана к покойной миссис де Винтер.

– Да, знаю.

Фрэнк пришел после первого завтрака. Он выглядел бледным и усталым.

– Я дал распоряжение на телефонную станцию, чтобы все звонки на Мандерли переводили ко мне, в контору. Не хочу, чтобы вас зря беспокоили. Я прекрасно могу договориться с репортерами и со всеми другими тоже: «Миссис и мистер де Винтер очень благодарны вам за сочувствие, но в течение нескольких дней никого принимать не будут. «Миссис Леси звонила в восемь утра и выразила желание приехать.

– О, боже мой, – воскликнул Максим.

– Все в порядке. Я сказал ей, что пока не следует приезжать, поскольку вы пока никого не хотите видеть, кроме миссис де Винтер. Она спросила, когда будет судебное заседание, но я ответил, то пока неизвестно. Правда, если она прочтет об этом в газетах, мы не сможем помешать ей приехать.

– О, эти проклятые репортеры! – произнес Максим.

– Понимаю вас, – сказал Фрэнк. – Мы с вами охотно переломали бы им шеи, но вместе с тем надо понять, что это их кусок хлеба, и если они не будут сообщать новости, их, вероятнее всего, лишат этого куска. Вам незачем беседовать с ними, Максим, я справлюсь и без вас. Вам нужно как следует продумать свои показания, которые давать на судебном разбирательстве.

– Я все уже обдумал, – отозвался Максим.

– Ну, конечно. Но не забывайте о том, что судить будет старый Хорридж, а он обожает копаться в деталях, чтобы доказать свою добросовестность, и может довести вас до белого каления.

– Чего ради я буду выходить из себя. Мне не из-за чего волноваться.

– К сожалению, ему часто удается доводить людей до того, что они становятся раздражительными и несдержанными.

– Фрэнк прав, – поддержала я его. – Чем корректнее и спокойнее ты будешь себя держать, тем легче и быстрее закончится все дело. А после этого и мы, и все остальные сможет навсегда забыть о нем.

– Да, конечно.

Я все еще избегала смотреть в глаза Фрэнку, но больше, чем когда-либо была убеждена в том, что он все знает. Я вспомнила наш первый ленч в Мандерли, когда приехали Беатриса и Жиль, и Би все время говорила о здоровье Максима, а Фрэнк всякий раз мягко и неназойливо старался отвести разговор от тем, раздражающих Максима.

Ленч был сплошным лицедейством: никто не мог ни есть, ни пить, и я обрадовалась, когда Максим вышел из-за стола и подвел свою машину к подъезду.

Мы сели с Максимом в его машину, а Фрэнк последовал за нами в своей. Всю дорогу я держала свою руку на колене Максима. Мы оба старались быть спокойными. Но это было похоже на то, как больного везут в больницу на операцию, исхода которого никто не знает.

Мы ехали в Ленион, маленькое торговое местечко, расположенное в шести милях от Керритса, где должно было слушаться дело Максима.

Когда мы приехали, машины доктора Филлипса и полковника Джулиена были уже здесь. Какой-то прохожий уставился на Максима, а затем указал на него своей спутнице.

– Я останусь в машине, мне не хочется идти в зал заседаний, – сказала я.

– Я все время был против этого, чтобы ты ехала со мной. Тебе следовало остаться в Мандерли.

– Нет, я посижу в машине.

– Думаю, миссис де Винтер права, – поддержал меня Фрэнк. – Зачем ей присутствовать при разбирательстве? Надеюсь, что оно будет очень коротким.

Они вошли в здание, а я сначала находилась в машине, а затем начала медленно прохаживаться по улице. Время тянулось бесконечно, и в конце концов, я не выдержала и подошла к зданию суда. Полицейский остановил меня.

– Что вам нужно?

– Ничего. Извините, – пробормотала я, удаляясь, но он догнал меня. – Простите, мадам, вы миссис де Винтер?

– Да, я.

– Ну, это совсем другое дело. Можете остаться здесь, а если желаете, я поставлю вам стул у самого входа в зал.

– Благодарю вас.

Через пять минут я не выдержала и спросила его:

– Как долго это будет продолжаться?

– Если вы хотите, я найду и справлюсь.

Через минуту он вернулся и сказал:

– Видимо, скоро все закончится: почти все уже дали показания: мистер де Винтер, доктор Филлипс, полковник Джулиен. Остался только лодочный мастер из Керритса, мистер Тэбб.

Потом он спросил меня:

– Не хотите послушать последнего свидетеля; Как раз рядом с дверью свободный стул.

– Спасибо, – и я вошла в зал.

Максим уже закончил свое выступление, а остальные меня волновали мало. Я оказалась в очень небольшой комнате, где было невероятно душно.

Я видела Максима и Фрэнка на другом конце зала. Судья был пожилой и худой человек в пенсне. Я исподлобья оглядела зал и была неприятно удивлена, увидев миссис Дэнверс рядом с Джеком Фэвеллом.

Джеймс Тэбб стоял сейчас перед столом и отвечал на вопросы судьи.

– Да, сэр, а наблюдал за состоянием лодки миссис де Винтер. Это была обыкновенная французская рыбацья лодка, которую я, по ее просьбе, переделал в маленькую яхту.

– Была ли лодка пригодна для плавания по морю? – спросил судья.

– В апреле прошлого года, когда я выполнил свою работу, все было в полном порядке. В октябре миссис де Винтер обычно сдавала мне лодку в мастерскую для ремонта, а в марте я возвращал лодку ей. Миссис де Винтер уже четвертый сезон плавала на этом паруснике, когда случилось несчастье.

– Замечали ли вы когда-нибудь, что лодка была не слишком устойчива и легко опрокидывалась?

– Нет, сэр, этого никогда не было. Миссис де Винтер непременно сказала бы мне об этом.

– Управление лодкой требует большой сноровки и умения? – спросил судья.

– Да, безусловно. Но именно это судно было довольно устойчивым и легко слушалось управления в любую погоду. А в ту ночь, когда погибла миссис де Винтер, ветер был, правда, довольно сильный, но прерывистый, так что управлять лодкой было вовсе не трудно.

– Но все-таки, если миссис де Винтер сошла вниз в каюту по какому-то делу и оставила судно без присмотра, оно могло перевернуться? – снова задал вопрос судья.

Джеймс Тэбб с сомнением покачал головой:

– Не думаю... И все-таки это, вероятно, случилось.

– Уверен, что ни мистер де Винтер, ни кто-либо другой не могут упрекнуть вас за вашу работу. Однако случилось все именно как я говорю. Покойная миссис де Винтер отвлеклась от управления на одно мгновение и вследствие этого погибла. Подобный несчастный случай происходит не впервые. Повторяю, вас никто не осуждает.

– Извините, сэр, – сказал мастер, – но если вы разрешите, я бы хотел

кое-что добавить к своим показаниям.

– Пожалуйста.

– Я получил вчера разрешение капитана Сирля осмотреть лодку после того, как ее подняли на сушу. И я убедился, что моя работа ни в чем не подвела владелицу лодки. Капитан Сирль сказал мне, что лодку подняли с песчаного грунта, и она не попала на скалы. Однако на днище я обнаружил три дыры, похожие на те, что проделывают ножом. А ближайшая скала находилась на расстоянии пяти футов от лодки, по крайней мере.

– Что вы этим хотите сказать? – спросил судья.

– В днище лодки ниже ватерлинии были пробиты три дыры, одна за другой; и это еще не все. Я обнаружил, что оба крана, подающие воду на судно, были отвернуты до отказа, и вода могла свободно поступать внутрь.

В зале было очень жарко, можно было просто задохнуться. Почему здесь не открывают окон?

– Этих дыр не было на днище, когда лодка вышла из моей мастерской, а при том, что они были пробиты, да еще при открытых кранах, лодка могла продержаться на воде не более десяти минут. Так вот, мое мнение, сэр: лодка вовсе не опрокинулась, а была сознательно затоплена.

Я должна встать и выйти из зала. В этом зале больше не было воздуха, и я не могла вздохнуть.

А судья обратился к Максиму:

– Мистер де Винтер, вы слышали показания мастера? Скажите, вы знаете что-нибудь относительно этих дыр в корпусе лодки?

– Абсолютно ничего.

– Можете ли вы догадаться, откуда они взялись?

– Нет, не могу.

– Вы впервые слышали о них?

– Да.

– Это было для вас новым ударом, не так ли?

– Для меня достаточно того, что я узнал о своей ошибке при опознании тела двенадцать месяцев назад. А теперь я еще узнаю, что кто-то сознательно погубил мою жену. Неужели вас не удивляет, что я сбит с ног этим новым показанием?

(О нет, Максим, нет. Не таким злым тоном. Держи себя спокойно и говори мягко. Боже, помоги ему сохранить самообладание!)

– Мистер де Винтер, прошу вас поверить, что я глубоко сочувствую вам, и именно поэтому стараюсь установить истину. Поверьте, что я провожу это расследование не для собственного удовольствия.

– Но это очень тяжело.

– Скажите, мистер де Винтер, вы не подвергаете сомнению показания Джеймса Тэбба?

– Безусловно, нет. Он мастер и хорошо знает свое дело.

– А кто обслуживал лодку миссис де Винтер у вас дома?

– Никто. Она все делала сама.

– И судно стояло на причале в бухте вашего имения? И никто из посторонних людей не бывал там? Мистер Тэбб сказал нам, что судно с такими повреждениями на могло бы продержаться на воде больше десяти-пятнадцати минут. Таким образом, ясно, что, когда миссис де Винтер вышла в море, лодка была еще совершенно целой.

– Без сомнения.

– Приходится сделать вывод, что открыть краны и сделать дыры в днище мог только тот, кто находился на лодке. Все это очень странно, мистер де Винтер. Мистер де Винтер, как мне ни жаль, но я вынужден задать вам очень интимный вопрос.

– Да?

– Были ли вы вполне счастливы в браке с миссис де Винтер?

– Вокруг меня все закружилось, и темные круги поплыли перед глазами. Сквозь туман отключающегося сознания я услышала громкий голос Максима:

– Пусть кто-нибудь выведет мою жену отсюда, она сейчас упадет в обморок.

Я снова оказалась в маленькой передней. Полицейский подошел ко мне и подал стакан воды. Чья-то рука поддерживала меня – это была рука Фрэнка.

– Мне так совестно, – сказала я. – Там слишком жарко, в этой комнате.

– Там действительно не хватает воздуха, – согласился полицейский, – люди теряли там сознание и до вас.

– Вам лучше, миссис де Винтер? – спросил Фрэнк.

– Да, много лучше. Все уже в порядке, не ждите меня.

Я отвезу вас назад, в Мандерли.

– Нет.

– Меня просил об это Максим.

– Нет, вам следует остаться с ним.

– Но Максим сказал, чтобы я увез вас.

Он подал мне руку и помог встать.

– Можете ли вы дойти до машины или хотите, чтобы я подъехал сюда?

– Я могу дойти, но предпочитаю остаться здесь и дожидаться Максима.

– Максим может задержаться надолго.

Почему от сказал это? Что он имел в виду? Он повел меня к своему маленькому «моррису», открыл дверцу и помог сесть. Сел сам и включил мотор.

– Почему вы думаете, что это продлится еще долго?

– Вы слышали сами, что произошло. После этого судья может снова вернуться к допросу свидетелей.

– Но все уже все сказали, и им нечего больше добавить.

– Трудно сказать, – ответил Фрэнк. – Судья может теперь ставить вопросы несколько иначе. Тэбб испортил все дело, и судья будет теперь рассматривать дело под другим углом зрения.

– Что вы имеете в виду?

– Вы слышали, что сказал Тэбб. Теперь уже никто не верит, что произошел несчастный случай.

– Но Фрэнк, ведь это дико. Незачем им слушать Тэбба. Как можно установить через столь долгий срок, как и отчего появились дыры в дереве. И что они хотят доказать, я не понимаю?

– Не знаю, – ответил Фрэнк.

– Судья будет так долго приставать к Максиму, пока тот не выйдет из

себя и не наговорит лишнего. Я знаю, Фрэнк, что Максим не сумеет сдержаться.

Фрэнк молчал и изо всех сил гнал машину. Обычно он был осторожным водителем, и лишь в первый раз я видела его в таком состоянии.

– Вы знаете, Фрэнк, в суде присутствовал тот мужчина, который однажды приезжал к миссис Дэнверс.

– Вы имеете в виду Фэвелла? Я его видел.

– Зачем он явился? Какое право он имел принимать участие в дознании?

– Он был ее кузеном.

– Нехорошо, что он и миссис Дэнверс присутствовали сегодня на суде. Я не доверяю им обоим.

– Правильно.

– Они могут придумать какую-нибудь гадость и сделать все, что вздумается.

Фрэнк снова промолчал.

Его лояльность в отношении Максима была так сильна, что он не хотел говорить о нем даже со мной. Он не знал в точности, что мне известно, так же как и я не знала, о чем догадывается он.

Мы, наконец, подъехали к дому.

– Как вы себя чувствуете теперь? Вы ведь можете пойти лечь в постель.

– Да, возможно, я лягу.

– Я возвращаюсь в Лэнион. Может быть, я еще понадобится Максиму.

Больше он ничего не сказал. Развернул машину и умчался на большой скорости. Возможно, он понадобится Максиму? А может быть, судья захочет вновь допросить Фрэнка? Они могут допросить и миссис Дэнверс о том последнем вечере в жизни Ребекки, когда она стучала к нему в дверь ночью. И Максим выйдет из себя, побелеет от злости и наговорит лишнего.

Я поднялась к себе и легла на кровать, как советовал Фрэнк.

«Я веду расследование на для собственного удовольствия» – вспомнила я голос судьи.

А вдруг Фрэнк вернется в Мандерли один... На ум приходили разные газетные репортажи об арестах, и становилось все страшнее и страшнее.

Если они не дадут Максиму вернуться домой, то и меня не пустят к нему. И я останусь здесь одна, коротая день за днем, в ожидании. А когда-нибудь, когда мне разрешат, наконец, увидеть Максима, он будет бледным и истощенным, как люди, долгое время пролежавшие в больнице. Другие

женщины тоже переживали подобные несчастья. Они посылали письма, прошения государственному секретарю, который неизменно отвечал одно и тоже: правосудие должно свершиться. А простой народ, который тоже читает газеты, говорит: «Почему его следует простить? Он ведь убил свою жену, не так ли? И как же быть бедным обиженным женам, если прощать такие преступления мужьям? А мужу следовало, прежде чем убить жену, подумать о наказании, которое его ожидает. Его надо повесить в назидание другим».

О боже, избави меня от таких мыслей. Можно же думать о чем-нибудь другом, например, о миссис Ван Хоппер в Америке. Неужели она все еще носит ту маленькую смешную шляпку, совершенно неподходящую для ее огромного лунообразного лица.

Кто-то дотронулся до моей руки. Это был Джаспер. Он последовал за мной из холла, словно угадав, что я нуждаюсь в сочувствии. Джаспер, как и все умные собаки, понял, что в доме неладно.

Вероятно, я заснула, потому что вдруг вскочила, услышав громкий раскат грома. Было уже пять часов. Я спустилась вниз и подошла к окну. Не чувствовалось ни малейшего ветерка, а небо было сплошь закрыто черными грозowymi тучами.

Появился Роберт и начал закрывать окна.

– Джентльмены еще не вернулись, Роберт?

– Нет еще, мадам. Я думал, что вы в отъезде вместе с ними.

– Нет, я уже давно вернулась.

– Не подать ли вам чай, мадам?

– Нет, нет. Я подожду, пока они не приедут.

– Погода, кажется, наконец, меняется, – Роберт.

– Да.

– Но дождя еще не было. На мою руку упали всего две капли.

В половине шестого снова вошел Роберт.

– Машина подъехала к подъезду, мадам.

– Чья машина?

– Мистера де Винтера.

– И он ведет ее сам?

– Да, мадам.

Я хотела встать, но ноги, как будто набитые соломой, не держали. В горле пересохло.

Через минуту вошел Максим. Он выглядел очень усталым, постаревшим, появились складки у рта, которых раньше не было.

– Все закончилось, – произнес он.

Я все еще не могла говорить и не могла двинуться с места.

– Самоубийство, причины которого установить не представляется возможным.

Я села на диван. Самоубийство? Но где же мотивы?

– Видимо, они считают, что мотивы не обязательны. Судья все время приставал ко мне с вопросом, не было ли у Ребекки денежных затруднений. Денежные затруднения, ха-ха!

Он подошел в окну. Начинался дождь, слава богу, наконец-то начинался дождь.

– Что случилось? Что говорит судья? Почему это продолжалось так долго?

– Он без конца возвращался к мелким деталям, вроде того, трудно было ли открыть водопроводные краны? Я чуть с ума не сошел от этих подробностей, но сумел сдержаться и ни разу не вышел из себя. Когда я увидел твое смертельно бледное лицо там, в зале возле двери, я понял, в чем заключается мой долг, как я должен себя вести в дальнейшем. Я все время глядел судье прямо в глаза, ни разу не отвел своих, и теперь до конца дней буду помнить его лицо, так оно врезалось мне в память, – Максим сел в кресло.

Я подошла, села рядом.

Через несколько минут вошли Фритс и Роберт и внесли столик для чая. Начался обычный ритуал чаепития.

Я налила чай Максиму, намазала ему хлеб с маслом, а потом сделала то же самое для себя.

– Где Фрэнк? – спросила я.

– Ему нужно было заехать к священнику. Мне бы тоже следовало поехать, но я поехал прямо домой, так как чувствовал, что тебе тяжело будет томиться, не зная, что же со мной произошло.

– При чем тут священник?

– Кое-что нужно сделать в церкви еще сегодня.

Я поняла: нужно было похоронить останки Ребекки.

– Церемония состоится в шесть тридцать. Никто не знает, кроме полковника Джулиена, Фрэнка, священника и меня. Об этом мы договорились еще вчера, а сегодняшнее решение не имеет никакого значения.

– Когда тебе надо уйти?

– Я встречу с ними в церкви в двадцать пять минут седьмого.

Максим не дотронулся до еды.

– Все еще очень жарко, не правда ли?

– Мне было бы приятнее, чтобы ты сегодня больше не уходил.

Он не ответил, но выглядел усталым, смертельно усталым.

– Мы поговорим с тобой вечером, когда я вернусь. Прошное не может испортить нам жизнь, если мы останемся вместе. – Он взглянул на часы.

– Десять минут седьмого. Я должен идти. Это продлится очень недолго, не больше получаса. Нам нужно спуститься в склеп.

– Я хочу пойти с тобой, позволь мне быть там, где будешь ты.

– Нет, я не хочу, чтобы ты шла со мной!

Он вышел из комнаты, и я услышала шум отъезжавшей машины. Я начала мысленно следовать за ним в церковь и оттуда в склеп. Я никогда не была там и не знала, как он устроен. Но твердо помнила, что они идут не к Ребекке, они идут хоронить только ее прах.

Ровно в смесь часов начался дождь, вначале слабый и тихий, но постепенно набиравший силу и звучность.

Фритс вошел в комнату и обратился ко мне:

– Извините, мадам, не знаете ли вы, когда вернется мистер де Винтер?

– Надеюсь, что скоро.

– Приехал джентльмен, который желает его видеть, и я не знаю, что ему сказать.

– Кто это? Кто-нибудь из наших знакомых?

– Да, мадам. Он часто бывал здесь, когда была жива миссис де Винтер. Его зовут мистер Фэвелл.

Я повернулась к Фритсу.

– Лучше мне самой повидаться с мистером Фэвеллом.

– Да, мадам.

Может быть, удастся избавиться от этого посетителя до возвращения Максима? Не знаю, что я ему скажу, но страха во мне нет.

Фэвелл вошел в комнату. Он выглядел хуже, чем прежде: грубее и неряшливее. Глаза были налиты кровью, и я подумала, не пьян ли он.

– Максима нет дома, и неизвестно, как скоро он вернется, – сказала я. – Не лучше ли вам отложить ваше дело до завтра и заехать к нему прямо в контору?

– А я никуда не спешу. К тому же ждать мне придется, по-видимому, недолго. Я заглянул в столовую и увидел, что его прибор приготовлен к обеду.

– Мы изменили свои планы и вполне возможно, что Максим вернется домой только поздно вечером.

– Не хотите ли вы сказать, что он сбежал? – сказал Фэвелл с кривой усмешкой. – Безусловно, при сложившихся обстоятельствах – это самое

умное, что он мог сделать. Некоторым людям не к лицу сплетни, гораздо приятнее избежать их.

– Не понимаю, что вы хотите сказать.

– В самом деле? Но ведь вы не надеетесь, что я вам поверю. Скажите, чувствуете ли вы себя лучше? У вас был очень плохой вид, когда вам стало дурно в суде. Я хотел прийти вам на помощь, но возле вас уже очутился один странствующий рыцарь. Уверен, что Фрэнк Кроули был в полном восторге. И вы, вероятно, позволили ему отвези вас домой, а со мной вы не пожелали проехать и пяти ярдов.

– Скажите, чего вы хотите от Максима?

Он вынул портсигар и закурил папиросу.

– Не возражаете? Вам от этого не станет дурно? С молодыми женами ведь иногда неизвестно, что может случиться. Знаете, а вы очень повзрослели за то время, что я вас видел. Как вы этого достигли? При помощи Кроули, которого водили гулять по дорожкам парка? Вы не откажите приказать подать мне стаканчик виски с содовой?

Я позвонила, вошел Роберт.

– А, Роберт! – воскликнул Фэвелл. – Давненько я вас не видал. Все по-прежнему разбиваете девичьи сердца?

Роберт смутился и ужасно покраснел.

– Ладно, старина. Я ведь вас не выдам. Бегите и принесите мне двойной стаканчик виски, да поскорее. Я однажды видел, – обратился он ко мне, – как он проводил свой свободный день в Керритсе. У него хороший вкус – он выбрал самую красивую девушку из всех.

Роберт принес виски с содовой, но был все еще красен и смущен.

Фэвелл начал насвистывать мелодию и спросил у него:

– Эта песенка? Не так ли? Вам все еще нравятся пышные волосы, а, Роберт?

Роберт вышел из комнаты.

– Бедный парень, этот старый осел Фритс держит его на коротком поводке.

Фэвелл начал пить виски, поглядывая на меня и улыбаясь.

– Пожалуй, я ничего не имею против того, чтобы Макс не явился к обеду. Его место за столом не останется пустым.

– Мистер Фэвелл, я не хотела бы быть грубой, но я сегодня очень устала, у меня был утомительный день. И если вы не хотите мне сказать, по какому делу вам нужен Максим, я полагаю, что вам незачем здесь оставаться далее. Как я уже сказала, вам лучше приехать завтра утром прямо в контору.

– Нет, нет. Не будьте такой злой, не убегайте от меня. У меня тоже день был утомительный и тяжелый. Макс, вероятно, наговорил вам обо мне всяких плохих вещей, и вы думаете, что я гадкий, злой серый волк. А это неправда: я обыкновенный парень, совершенно безобидный.

Я пожалела о том, что велела Фритсу пригласить его ко мне.

– Вы знаете, – продолжал он, – что история с Ребеккой была для меня ужасным ударом. Я безумно любил ее, не говоря уже о кровном родстве. Мы вместе росли и воспитывались, и я думаю, что никто на свете не любил ее больше, чем я.

– Очень вам сочувствую, – сказала я.

– И если Макс думает, – продолжал он, глядя на меня с наглой усмешкой, – что он будет жить и дальше веселой и беззаботной жизнью, он ошибается. Я постараюсь, чтобы ему воздали по заслугам. Я отомщу за Ребекку. Этот старый идиот судья вынес приговор, гласящий, что Ребекка покончила жизнь самоубийством. Но мы-то с вами знаем, что дело было не так.

Он придвинулся ко мне и говорил тихим голосом, уже без всякой улыбки на лице.

В этот момент дверь открылась, и вошел Максим, а следом за ним – Фрэнк.

– Какого черта вам здесь надо? – спросил Максим у Фэвелла.

Фэвелл засунул руки в карманы и снова начал улыбаться.

– Я приехал, чтобы поздравить вас, Макс, с благополучным окончанием судебного разбирательства.

– Скажите, – спросил Максим, – согласны ли вы добровольно оставить мой дом, или предпочитаете, чтобы Фрэнк и я выбросили вас за дверь?

– Не торопитесь, не торопитесь, И если вы не хотите, чтобы Фритс услышал мои слова, то лучше прикройте дверь.

Максим не шевельнулся, Фрэнк подошел к двери и закрыл ее.

– Ну, а теперь слушайте, Макс. Вы выскочили сухим из воды, и это вам удалось как нельзя лучше. Я присутствовал на судебном разбирательстве с самого начала до самого конца. Я видел, как вашей жене стало дурно в самый критический момент, когда все дело могло приобрести другой оборот. Вы случайно не подкупили присяжных, Макс? Это могло бы все объяснить.

Максим двинулся к Фэвеллу, но тот поднял руку.

– Подождите, Макс, немного. Я еще не окончил. Вы прекрасно знаете, Макс, что я могу сделать ваше положение очень неприятным и даже опасным.

– Да? И каким же образом?

– Слушайте, Макс. Я полагаю, что у вас нет секретов от вашей жены, а Кроули, по-видимому, включен в счастливое трио, поэтому я могу говорить, не стесняясь, а именно это я и намерен сделать.

Вы все знаете, что я был любовником Ребекки, и я никогда этого не отрицал.

До сих пор я, как и прочие дураки, верил, что Ребекка утонула в заливе, и ее тело было много времени спустя найдено в Эджкомбе. Это был, конечно ужасный удар для меня. Но я думал, что Ребекка умерла, как и жила, – в борьбе, но несколько дней тому назад я узнал из газет, что найдена ее лодка и в каюте – ее тело. Я приехал сюда, в Керритс, и остановился в гостиницы, чтобы присутствовать на судебном разбирательстве.

Вначале там все шло удивительно гладко, но вдруг выступление лодочного мастера Тэбба круто изменило все дело.

Что вы можете сказать по поводу дыр в днище, Макс?

– Неужели вы думаете, что проведя весь день в суде для обсуждения всего дела в мельчайших подробностях, я снова начну обсуждать его с вами? Вы слышали приговор. Судья был удовлетворен, придется удовлетвориться и вам.

– Ребекка покончила жизнь самоубийством, да? Это было очень похоже на нее, не так ли? Послушайте, у меня есть записка от нее, написанная в самый день ее гибели. Я сохранил ее из-за того, что она была самой последней. Послушайте-ка:

Он вытащил из кармана записку и медленно прочел ее нам: «Пыталась дозвониться тебе домой по телефону, но никто не ответил. Я уезжаю обратно в Мандерли. Вечером буду в своем коттедже. Если получишь мою записку вовремя, садись в машину и сейчас же следуй за мной. Я проведу ночь в коттедже и оставлю дверь открытой. Мне нужно кое-что рассказать, поэтому я хочу увидеть тебя как можно скорее. Ребекка».

– Я не знал, что Ребекка собиралась быть в Лондоне в тот день, и по несчастному стечению обстоятельств поздно задержался в гостях. Прочел эту записку в четыре утра и понял, что уже слишком поздно для того, чтобы пуститься в шестичасовой путь в Мандерли.

Я собирался позвонить туда на следующее утро и действительно позвонил в двенадцать часов. И тут я услышал, что Ребекка утонула.

Предположим, судья прочел бы сегодня на заседании эту записку, – все дело обернулось бы для вас совсем иначе, Макс.

– Ну и что же, почему вы не отдали ему эту записку?

– Спокойно, старина, спокойно. Не нужно сердиться! Вы никогда не были мне другом, но я не питаю к вам никакой злобы. Все мужья красивых женщин ревнивы, и многие из них играют роль Отелло. Они достойны не порицания, а жалости. Ревность – это разновидность скупости. Почему бы им не делиться своими женами с другими, вместо того чтобы убивать их. Ведь женщина – это не мотор, она не изнашивается от употребления. Наоборот, чем больше она в ходу, тем легче с ней управиться.

Макс, я выложил все свои карты и предлагаю вам прийти к соглашению: я человек бедный и расточительный, и хуже всего то, что я не имею постоянного дохода. Если бы вы могли мне обеспечить две или три тысячи фунтов в год, я устроил бы свою жизнь совсем иначе. И никогда больше не стал бы вас беспокоить. Готов дать в этом клятву перед богом.

– Я уже просил вас оставить мой дом и больше не собираюсь просить. Дверь позади вас, можете ее сами открывать.

– Еще полминуты, Максим, – вмешался Фрэнк. – Все это не так просто. Я понимаю, что вы можете наделать массу неприятностей Максиму, а он, видимо, не отдает себе в этом отчета. Скажите, какую именно сумму вы желаете получить от него?

Максим побелел от гнева, и на его лбу начала дергаться какая-то жилка.

– Пожалуйста, не вмешивайтесь, Фрэнк. Это мое личное дело, я не позволю себя шантажировать.

– Полагаю, что вашей жене не понравится, – сказал Фэвелл, когда на нее будут указывать, как на вдову убийцы, который был повешен!

Он громко рассмеялся и взглянул на меня.

– Вы, очевидно, думаете, что можете запугать меня, Фэвелл, – сказал Максим. – Вы ошибаетесь. Я не боюсь вас. В соседней комнате у меня стоит телефон. Хотите, я сейчас позвоню полковнику Джулиену. Он представитель власти, и ваша история, быть может, заинтересует его.

– Очень хороший блеф, Максим, но на меня не действует. У меня достаточно материала против вас, чтобы привести вас на виселицу. Вы не станете звонить старому Джулиену.

Максим вышел из комнаты, и я услышала щелчок телефона.

– Остановите его, Фрэнк, ради бога, остановите.

Фрэнк взглянул на меня и бросился к Максиму, но в это время я услышала спокойный и ровный голос своего мужа:

– Мне нужен Керритс 17. Уходите отсюда, Фрэнк. – И опять в трубку:

– Полковник Джулиен, говорит де Винтер. Мне бы очень хотелось, чтобы вы сейчас приехали ко мне. Да, в Мандерли. Да, дело срочное, и я не

могу вам рассказывать о нем по телефону. Благодарю вас, до свидания.

Он вернулся в библиотеку:

– Джулиен сейчас же приедет.

– Максим, – попробовал заговорить Фрэнк, – Максим, послушайте... –

Но тот даже не ответил.

Фэвелл рассмеялся и вновь закурил.

– В конце концов, если вы хотите чтобы вас повесили, то это ваше дело, а не мое. – Он взял со стола газету и начал ее читать.

– Не можете ли вы что-нибудь сделать, – уговаривала я Фрэнка, – встретить полковника и сказать ему, что все это просто ошибка?

– Фрэнк останется в этой комнате, – не глядя на меня сказал Максим. – Я справлюсь сам. Полковник будет здесь ровно через десять минут.

За шумом дождя никто не услышал, как подъехала машина. Фритс ввел полковника Джулиена в комнату.

– Добрый вечер, – сказал Максим. – Вы доехали очень быстро.

– Вы ведь сказали, что дело срочное, а мой шофер, к счастью, не успел еще убрать машину. Как хорошо, что дождь, наконец, пошел, он собирался слишком долго, и духота всех нас замучила.

– Надеюсь, что вы чувствуете себя лучше, – сказал он, обращаясь ко мне.

– Я думаю, вы понимаете, – сказал Максим, – что я вызвал вас такой скверный вечер не для того, чтобы провести приятную получасовую беседу перед обедом?

Вот это – Джек Фэвелл, кузен моей первой жены. Ну, начинайте, Фэвелл.

Фэвелл вынул записку Ребекки из кармана и положил ее на стол. Он больше не улыбался, был несколько растерян и явно недоволен оборотом дела.

– Послушайте, полковник, нам незачем ходить вокруг да около. Я приехал сюда для того, чтобы сказать, что не согласен с приговором, вынесенным сегодня судом.

– Разве он касался вас, а не де Винтера? – спросил полковник.

– Я имею право высказать свое мнение, и не только как кузен Ребекки, но... и как ее будущий муж.

– Ах так, тогда конечно... – полковник несколько растерялся.

– Правда ли это, де Винтер?

– Впервые об этом слышу.

Полковник Джулиен посмотрел на всех по очереди.

– Послушайте, Фэвелл, что, собственно, вас смущает?

Фэвелл на мгновение задумался. Он старался сосредоточиться, чтобы выступить убедительно. Однако он был недостаточно трезв, и это ему не удалось. Он вытащил записку Ребекки и протянул ее полковнику со словами:

– Эта записка была написана за несколько часов до предполагаемого самоубийства. Прочтите, пожалуйста, и скажите, похожа ли эта записка на те, которые обычно оставляют самоубийцы?

Полковник достал из футляра очки, надел их и внимательно прочел записку.

– Нет, не похожа. Но я ведь не знаю, о чем идет речь, о чем именно она хотела говорить с вами. Может быть, знаете вы или де Винтер?

Максим промолчал, а Фэвелл заговорил снова:

– Моя кузина назначила мне свидание, она просила меня приехать сюда, чтобы о чем-то со мной поговорить. О чем именно, этого мы никогда не узнаем. Однако это совершенно не относится к делу. Она назначила мне свидание в коттедже и собиралась провести там ночь наедине со мной. Самый факт того, что она села в лодку и отправилась прогуляться по морю, меня вовсе не удивляет. Она часто делала это, в особенности после целого дня, проведенного в лондонской духоте. Но чтобы она проделала дыры в днище лодки и добровольно сама себя утопила – вот в это я никогда не поверю! Так поступить могла бы какая-нибудь истеричка, полусумасшедшая, невротичка, но не она. Не она, клянусь богом, полковник Джулиен.

Кровь бросилась ему в лицо, и последние слова раздались в комнате, как гром. Но его манеры и стиль поведения свидетельствовали против него, видно было, что и полковнику Фэвелл неприятен.

– Уважаемый друг, – спокойно произнес он, – нет никакого смысла тратить на меня столько красноречия. Я не судья и даже не член жюри, которое вынесло приговор. Я всего лишь должностное лицо на службе округа. Естественно, что я стараюсь помочь и вам, и де Винтеру, чем могу. Вы говорите, что отказываетесь верить тому, что ваша кузина совершила самоубийство. Однако вы слышали показания в суде о наличии дыр в днище лодки и об открытых водопроводных кранах. Остановимся на этом. Какова же ваша версия событий?

Фэвелл повернулся к Максиму и взглянул на него.

– Ребекка никогда не открывала краны и не пробивала дна лодки. Она вовсе не совершала самоубийства. Вы спрашиваете мое мнение, и, клянусь богом, я все скажу вам. Ребекка была убита! А если вы хотите видеть убийцу, то вот он, взгляните, стоит около окна! – после этих слов Фэвелл

залился хохотом, громким смехом пьяницы, глупым и форсированным, все еще держа в руках записку от Ребекки.

Благодарю бога за его вульгарный хохот, за налитые кровью глаза, указующий перст, за то, что он стоял посредине комнаты, покачиваясь на каблуках. Все это было противно полковнику Джулиену и заставило его принять нашу сторону. Он ничему не поверил и спокойно сказал:

– Этот тип просто пьян, и сам не знает, что говорит.

– Я? Пьян? О нет, дорогой друг, вы можете занимать государственный пост и быть, кроме того, полковником, но мне это в высшей степени безразлично. Закон будет на моей стороне, и я найду других должностных лиц, у которых будет побольше мозгов в голове. Это будет не военный, которого много лет назад уволили за бездарность, и который хвастается медалями, навешенными ему на грудь. Макс де Винтер убил Ребекку, и я сумею это доказать!

– Одну минуту, мистер Фэвелл, вы ведь присутствовали сегодня в суде, я вас видел там. Почему же вы не обратились непосредственно к судье и не представили в суд письмо покойной миссис де Винтер?

Фэвелл снова засмеялся:

– Почему? Да потому, что счел за лучшее сперва поговорить лично с мистером де Винтером.

– И вот почему я позвонил вам, – сказал Максим. – Я задал ему тот же вопрос, что и вы. Он мне дал следующий ответ: «Я человек бедный, и если вы дадите мне две или три тысячи фунтов в год пожизненно, я никогда больше вас не побеспокою». При этом присутствовали Фрэнк и моя жена.

– Да, – сказал Фрэнк, – налицо чистый и простой шантаж.

– Да, конечно, – сказал полковник, – но беда в том, что шантаж обычно не бывает ни чистым, ни простым. Масса людей может попасть и сам шантажист. Это бывает даже и тогда, когда ему удастся засадить в тюрьму совершенно невинных людей... Но в данном случае мы постараемся этого избежать. Я не знаю, достаточно ли вы трезвы, чтобы отвечать на мои вопросы, но если вы будете держаться более спокойно, мы договоримся быстрее. Вы только что выдвинули очень тяжелое обвинение против де Винтера. Скажите, есть или у вас хоть какие-нибудь доказательства?

– Доказательства? Какие вам еще нужны доказательства? Разве вам недостаточно дыр, пробитых в днище лодки?

– Конечно, недостаточно, если вы не можете привести хоть одного свидетеля, который видел, как де Винтер делал эти дыры.

– К черту свидетелей: Ребекку, безусловно, убил де Винтер. Кто еще мог бы это сделать?

– Наш округ густо населен, – сказал полковник. – Может, следует допросить поголовно всех жителей? А может, я совершил это убийство? У вас, кажется, не больше улик против де Винтера, чем против меня.

– О, я вижу, вы принимаете его сторону против меня. И это потому лишь, что часто обедаете у него в доме. И вообще он здесь важная персона – владелец Мандерли. А вы – мелкий презренный сноб.

– Будьте осторожнее, Фэвелл, осторожнее.

– Вы думаете, что справитесь со мной, так как я не смогу представить в суд доказательства убийства. А я сумею доказать это. Ведь он убил Ребекку из-за меня. Он знал, что я был ее любовником и бешено ревновал. Он знал, что она ждала меня ночью в коттедже у залива. Он пошел туда, убил Ребекку, отнес ее тело в лодку и затопил ее в море.

– Очень складная история, Фэвелл, но повторяю, она ничего не стоит, пока вы не приведете хотя бы одного свидетеля, который ее подтвердит. Походите среди местных обитателей, может быть, вы и найдете кого-нибудь, кто видел, что произошло в ту ночь.

– Пойдите минутку. Возможно, что такой свидетель действительно есть. Что вы скажете тогда?

Я неожиданно догадалась, на кого намекал Фэвелл. Мне вспомнились бессвязные речи слабоумного Бена: «Она теперь на дне и больше не вернется. Рыбы, наверное уже съели ее». Бен, идиот Бен, вероятно, видел, как Максим вывел лодку в залив и вернулся обратно в шлюпку.

– Это местный житель, полусумасшедший, который все свое время проводит в заливе. Я часто видел, его когда приходил к Ребекке. Парень никогда бы сам не мог ничего рассказать, но я сумею выведать у него, что он видел в ту ночь.

– О ком он говорит? – спросил полковник Джулиен.

– Он имеет в виду Бена, – сказал Фрэнк, бросив взгляд на Максима. – Это сын одного из наших арендаторов. Но этот парень совершенно безответственен, он идиот от рождения.

– Ну и какая разница, – крикнул Фэвелл, – ему нужно только сказать «да ил"и „нет“. У парня есть глаза, и он мог все видеть. Это вам меньше нравится? Вы теряете свою уверенность?

– Можем ли мы увидеть этого парня и допросить его? – спросил Джулиен.

– Конечно, – сказал Максим. – Фрэнк, скажите Роберту, чтобы он съездил к матери Бена и привез парня сюда.

Фрэнк заколебался, но Максим начал сердиться.

– Ну, в чем же дело? Идите! Надо же нам как-нибудь покончить с этим делом.

Через минуту Фрэнк вернулся.

– Роберт взял мою машину, и если Бен дома, то его привезут ровно через десять минут.

– Очень хорошо, – сказал Фэвелл. – Вы увидите, что я сумею заставить его заговорить.

Фэвелл был все еще очень красен и от волнения сильно потел. Капли пота стекали у него со лба, жирные складки шеи измяли весь воротничок. Я заметила, как низко посажены у него уши. Он снова закурил и заговорил:

– Вы здесь в Мандерли держитесь сплоченно, как члены одного профсоюза. Все стоят друг за друга, даже представитель власти округа. Я конечно, не говорю о молодой жене: жены не свидетельствуют против своих мужей. Кроули, конечно, подкуплен. Он потеряет место, если скажет правду. И кроме того, он, видимо, имеет зуб против меня, так как не смог добиться успеха у Ребекки. Та садовая дорожка оказалась недостаточно длинной, не так ли? На этот раз все обстоит гораздо проще. Молодая жена будет благодарна ему, когда он протянет ей свою мужественную руку во время очередного обморока. Когда она через три месяца услышит, как судья приговорит к казни ее мужа рыцарская поддержка Кроули ей очень и очень пригодится.

Дальнейшее случилось молниеносно, и я не видела, как Максим сделал это. Фэвелл упал на диван, а оттуда на пол, а Максим стоял около него. Было что-то унижительное в том, что Максим ударил его. Я предпочла бы этого не знать и не видеть. Полковник Джулиен выглядел очень мрачным.

– Вам лучше уйти отсюда, – сказал он мне.

Я отрицательно покачала головой:

– Нет.

– Видите ли, этот тип способен сказать любую гнусность. То, что вы только что видели, не очень приятно... Ведь так? Ваш муж был, конечно, абсолютно прав, но вам этого лучше не видеть.

Фэвелл медленно поднялся с пола и сел на диван. Носовым платком он прикрыл красное пятно на лице – след удара.

– Дайте мне виски, виски.

Максим взглянул на Фрэнка, и тот принес виски с содовой и протянул стакан Фэвеллу.

Он пил жадно, как животное. Его манера прижиматься губами к краю

стакана была отталкивающей. Максим снова повернулся к нам спиной и подошел к окну. И я заметила, что Джулиен внимательно и с любопытством приглядывается к нему. Мое сердце начало биться учащенно. Почему он так глядел на Максима? Неужели у него зародились подозрения?

Максим ничего не заметил. Он все еще глядел на дождь, который наполнял комнату шумом.

Вдруг зазвонил телефон. Фрэнк ответил:

– Это вас, полковник. Ваша дочь спрашивает, ждать ли ей вас с обедом?

– Скажите ей, чтобы они начинали без меня, я не знаю, когда освобожусь.

Я услышала, как на машине подъехал Роберт, а затем Фрэнк тихо сказал:

– Вам нечего бояться, Бен. Мистер де Винтер просто хочет дать вам сигареты.

Бен неловко вошел в комнату. Он узнал меня, и я слегка улыбнулась ему.

– Хелло, – сказал Фэвелл, – как проходила ваша жизнь за то время, что мы с вами не видались?

Бен вытаращил глаза, но ничего не ответил.

– Ну же, вы ведь меня знаете, не так ли?

– Э... э...

– Хотите сигарету? – Сказал Фэвелл, протягивая Бену коробку. – Возьмите, столько, сколько вам хочется.

Бен взял четыре штуки, и две из них засунул за уши.

– Вы ведь меня знаете? – повторил Фэвелл.

Полковник Джулиен вмешался.

– Вы сейчас пойдете домой, Бен. Никто не собирается вас обижать, мы только просим вас ответить на один-два вопроса. Вы ведь знаете мистера Фэвелла, не так ли?

На этот раз Бен покачал головой и ответил:

– Никогда в жизни не видел.

– Не будьте таким дураком, Бен. Вы прекрасно знаете меня и помните, как я приходил в коттедж к миссис де Винтер.

– Нет, – сказал Бен. – Никогда вас не видел.

– Наглая ложь! Ты постоянно видел меня в лесу, когда мы гуляли с миссис де Винтер. А однажды мы поймали тебя, когда ты подсматривал в окно коттеджа.

Он вытащил из бумажника ассигнацию в один фунт и протянул ее

Бену:

– Ну, теперь вспоминаешь?

– Я никогда его не видел. – и обернувшись к Фрэнку, спросил:

– Он приехал за мной?

– Нет, – сказал Фрэнк, – нет, Бен, не волнуйся.

– Я не хочу ехать в приют. Там обращаются с больными очень жестоко.

Я хочу остаться дома. Я ничего худого не сделал.

– Все в порядке, Бен, – сказал полковник Джулиен. – Никто не отдаст вас в приют. Вы вполне уверены, что не знаете этого человека?

– Нет, я его никогда не видел.

– А миссис де Винтер вы помните?

Он робко повернулся в мою сторону.

– Нет, – сказал полковник, – не эту леди, а другую, которая ходила в коттедж.

– Она умерла, – сказал Бен.

– Это нам известно. А скажите, вы видели ее в тот последний вечер, когда она уплыла в лодке и больше не вернулась?

– Ты был там и видел, как пришла миссис де Винтер, а следом за ней и сам мистер де Винтер. Что случилось в ту ночь? Расскажи нам правду, Бен, – сказал Фэвелл.

Бен прислонился к стене:

– Я ничего не видел, и я хочу остаться дома, я не хочу, чтобы меня отдавали в приют.

Он начал по-детски плакать.

– Сумасшедшая маленькая крыса, – сказал Фэвелл. Бен вытирал слезы рукавом куртки.

– Ваш свидетель вам ни в чем нее помог, и мы зря потратили время. Вы хотите ему задать еще какой-то вопрос?

– У вас здесь круговая порука и заговор против меня. Кто-то заплатил этому идиоту за его лживые показания.

– Думаю, Бена можно отпустить домой, – сказал полковник.

– Ладно, Бен. Роберт отвезет вас домой. Никто не собирается отдавать вас в приют, так что не волнуйтесь.

– Фрэнк, – распорядился Максим, – скажите Роберту, чтобы он предварительно накормил его на кухне.

– Плата за услугу! Он ведь сильно помог вам, Макс!

Фрэнк увел Бена из комнаты, а полковник спросил у Максима:

– Парень, кажется так запуган. У него взгляд, как у собаки, которая ожидает удара хлыстом и все время дрожит. С ним плохо обращаются?

– О нет, – ответил Максим, – Он не опасен, и я всегда разрешал ему свободно гулять, где он хочет.

– Жаль, что вы его не ударили, – заговорил Фэвелл, – может быть, это освежило бы его память, и он сказал бы все, что знал.

Но нет, его не будут хлестать, наоборот, угостят прекрасным ужином в благодарность за оказанную услугу.

– Вам этот свидетель, во всяком случае, ничем не помог, и если вам больше нечего предъявить в суде, вас никто не станет и слушать. Вы сказали, что были будущим мужем Ребекки, а до этого ее постоянным любовником. А между тем этот бедный идиот утверждает, что никогда вас не видел. Вы даже не сможете доказать своей собственной истории.

– Вы думаете, что не смогу? Подождите минутку.

Он позвонил и сказал вошедшему Фритсу:

– Попросите сюда миссис Дэнверс.

Фритс взглянул на Максима, и Максим коротко кивнул головой. Полковник спросил:

– Это здешняя экономка?

– И кроме того, личный, друг Ребекки, – сказал Фэвелл. – Она фактически вырастила ее. В ней вы найдете свидетеля совсем другого сорта, могу вас заверить.

Фрэнк вернулся в комнату.

– Накормили Бена ужином, сказали ему, что он хороший парень и отправили домой, – с издевкой сказал Фэвелл. – Ну, на этот раз вам так легко не отделаться, и положение вашего профсоюза станет затруднительным.

– Сюда идет миссис Дэнверс, и Фэвелл надеется найти в ней союзницу, – сказал полковник.

Миссис Дэнверс вошла в комнату.

– Добрый вечер, – поприветствовал ее полковник.

– Добрый вечер, сэр.

– Мой первый вопрос к вам следующий: знали ли вы о близких отношениях между покойной миссис де Винтер и мистером Фэвеллом?

– Да, они были кузенами.

– Я имею в виду не родственные отношения, а более близкие, интимные.

– Боюсь, что я вас не понимаю, сэр.

– Э, бросьте это, Дэнни. Я уже все рассказал полковнику. Он знает, что мы были любовниками и что она любила меня. К моему удивлению, она сказала после минутной паузы:

- Нет, не любила.
- Послушайте, вы, старая дура!
- Она не любила ни вас, ни мистера де Винтера, она вообще никого не любила и презирала всех мужчин. Она была выше этого.
- Ну, хорошо, но она проводила ночи со мной в коттедже и приезжала на уик-энд ко мне в Лондон?
- Ну и что же из этого? Она развлекалась, и это было ее право. А вызывать любовь к себе – это было ее игрой, только игрой, и она постоянно смеялась над всеми своими поклонниками и передразнивала их.

Было что-то страшное и неожиданное в этом потоке слов. Максим побелел, а Фэвелл глядел на нее, вытаращив глаза. Затем миссис Дэнверс начала плакать, горько плакать и не сразу сумела совладать с собой. Лишь тогда полковник вновь обратился к ней:

– Миссис Дэнверс, есть ли у вас какое-либо мнение о том, почему миссис де Винтер могла покончить с собой?

- Нет, – ответила на, – нет.
- Вот, слышите, – сказал Фэвелл. – Это не могло с ней случиться. Она это знает так же хорошо, как и я. Я ведь уже говорил вам.
- Помолчите и дайте миссис Дэнверс возможность обдумать. Я не оспариваю подлинность записки, которую вы мне показали. Она написала вам, находясь в Лондоне, и о чем-то желала поговорить с вами. Если бы мы знали, о чем именно она хотела поговорить с вами, то в этом, вероятно, и было бы все разрешение нашей проблемы. Дайте миссис Дэнверс прочесть записку, может быть, она сообразит, о чем идет речь.

Фэвелл вынул записку и бросил ее на пол к ногам миссис Дэнверс. Та спокойно нагнулась, подняла ее и дважды внимательно прочла.

– К сожалению, не знаю, что она имела в виду. Если бы это было что-нибудь важное, она, несомненно, рассказала бы мне первой.

- А вы видели ее в тот вечер?
- Нет, меня не было дома, когда она вернулась из Лондона. Я провела вечер в Керритсе, чего никогда не прощу себе, пока жива.
- А эти слова «Я хочу вам кое-что сообщить-» вы не имеете представления, о чем шла речь?
- Никакого представления, сэр.
- Знает ли кто-нибудь, как она провела свой день в Лондоне?

Никто не ответил.

– Она была у парикмахера от двенадцати до половины третьего, это я помню точно, так как сама звонила ее мастеру. После этого она обычно завтракала в своем клубе.

– Свою записку она оставила у меня на квартире в три часа (швейцар видел ее), а после этого, видимо, сразу уехала в Мандерли (да еще на предельной скорости).

– До половины второго у парикмахера, затем, положим, полчаса на ленч, значит до двух часов в клубе. А вот где она была с двух до трех часов дня?

– Какое кому дело, чем она занималась в Лондоне? Она была убита, а вовсе не покончила с собой – вот что нас интересует, – снова закричал Фэвелл.

– У меня сохранилась записная книжка миссис де Винтер, – сказала миссис Дэнверс. – Я взяла ее себе на память, так как мистер де Винтер никогда не интересовался ею. Миссис де Винтер была очень педантична, все записывала в книжечку, а выполнение отмечала крестиком. Если вы желаете, я могу принести эту книжечку вам.

– Что скажите, мистер де Винтер? Не возражаете?

– Чего ради я стал бы возражать? – сказал Максим.

Джулиен снова бросил на него искоса взгляд, на этот раз замеченный и Фрэнком.

Миссис Дэнверс вышла и очень быстро вернулась назад, держа в руке красную замшевую книжечку.

– Я была права, – сказала она. – В записной книжке отмечены все ее встречи в тот последний день.

Полковник Джулиен снова достал очки и внимательно прочел записи.

– Да, тут все есть: парикмахер в 12 часов, как сказала миссис Дэнверс, и сбоку крестик, означающий, что встреча состоялась. Ленч в клубе, и снова крестик. А дальше – Бейкер, в два часа. Кто такой Бейкер? – он взглянул на Максима, а с него перевел взгляд на миссис Дэнверс.

Оба отрицательно покачали головами

– И все-таки она записала: Бейкер, а сбоку поставила крестик. Значит, она встретила с ним, кем бы он ни был. И я думаю, что разгадка всего дела заключается именно в нем. Скажите, он не могла попасть в руки ростовщиков или шантажистов? Может быть, она чего-нибудь боялась, кто-то угрожал ей, запугивал?

– Кого? Миссис де Винтер? – воскликнула миссис Дэнверс. – Она никого и ничего не боялась. Единственная вещь, которая страшила ее, – это мысль о старости, болезни, медленной смерти в постели. Она много раз говорила мне: «Когда я буду умирать, Дэнни, я хочу, чтобы это произошло в одно мгновение, как гаснет свеча, когда на нее дунут. И «единственное, что меня утешало после ее смерти, что она действительно умерла легко и

быстро. Говорят, что люди не испытывают страданий, когда тонут.

Она вопросительно взглянул на полковника, но тот не ответил ей и снова бросил испытующий взгляд на Максима.

– Какого черта вы занимаетесь этими вопросами?! – взорвался Фэвелл. – Мы все время отвлекаемся куда-то в сторону. Какое нам дело до какого-то Бейкера? Быть может, он торгует чулками или кремом для лица, Если бы он что-нибудь значил, Дэнни знала бы о нем.

Миссис Дэнверс снов держала в руках книжечку и внимательно проглядывала ее. И вдруг она издала восклицание:

– Послушайте, я нашла фамилию Бейкер и даже номер его телефона: 0488, но нет буквы района.

– Блестяще, Дэнни, – рассмеялся Фэвелл, – на старости лет вы стали настоящим сыщиком. Жаль только, что вы не занялись этим делом год тому назад. Тогда это могло бы нам очень и очень пригодиться...

Номер действительно записан, – сказал полковник, – непонятно только, почему нет буквы. Попробуйте звонить во все районы.

– Это займет целую ночь, но это неважно; даже если счет телефонной станции достигнет суммы в сто фунтов, Макс не будет возражать. Лишь бы оттянуть время. И будь я на его месте, я бы поступил так же.

– Какая-то закорючка стоит перед номером, и она похожа на букву «М.» Мейфер 0488?

– Гениально! – сказал Фэвелл.

– Фрэнк, – сказал Максим, – подойдите к телефону и позвоните по этому номеру, – и он закурил первую сигарету.

Через несколько минут Фрэнк вернулся и сказал:

– Этот телефон принадлежит леди Истлэй, и там никогда не слышали фамилии Бейкер,

– Попробуем Музеум, – сказала миссис Дэнверс.

– Ступайте, Фрэнк, – подтвердил Максим.

Мы слышали через дверь весь разговор:

– Это Музеум 0488? Скажите, не живет ли здесь кто-нибудь под фамилией Бейкер? Да, я понимаю. А адрес? Да, по очень важному делу. – И через плечо нам:

– Кажется, я нашел его.

(Боже, помоги нам: не дай найти этого Бейкера). Но Фрэнк вошел в комнату с запиской в руке.

– Я говорил с ночным швейцаром из Блумсбери. Там вообще никто не живет, а помещение используется как приемная врача. Доктор Бейкер полгода назад продал свою практику и ушел на покой. Но у меня есть его

домашний адрес.

– Ну что ж, – сказал Максим.

А полковник снова обратился к миссис Дэнверс.

– Может быть, теперь вы вспомните, по какому поводу миссис де Винтер обращалась к врачу?

– Миссис де Винтер никогда не обращалась к врачам, как все здоровые люди. Она обращалась к доктору Филлипсу в Керритсе, когда вывихнула руку. Это был единственный раз.

– Я ведь уже говорил вам, – сказал Фэвелл, – что этот парень, вероятно, придумал какой-то новый крем для лица, отбеливающий кожу.

– О, нет, вы ошибаетесь, – сказал Фрэнк, – речь вовсе не идет о каком-то шарлатане. Швейцар сказал мне, что доктор Бейкер – крупный специалист по женским болезням.

– В конце концов, – сказал полковник, – она, быть может, быть действительно больна и не хотела об этом говорить.

– Она была чересчур зуда, – сказал Фэвелл, – и я говорил ей об этом. Но она уверяла, что это ей к лицу.

– Но в записке сказано: «Мне нужно вам кое-что сказать и поэтому я хочу вас видеть как можно скорее.» Видимо, она как раз и хотела сообщить Фэвеллу о результатах посещения врача, – сказал Джулиен.

– В конце концов, поскольку у нас есть адрес врача, я могу написать ему письмо и попросить сообщить все, что ему известно, – предложил Фэвелл.

– Это нее совсем так, сказал полковник. – Вы забываете о профессиональной этике. Если мы хотим что-нибудь узнать от доктора Бейкера, нужно, чтобы к нему обратился лично де Винтер и объяснил ему свое дело. Что вы скажете на это, де Винтер?

Максим ответил:

– Я готов сделать все, что вы сочтете правильным. Как вы полагаете, мне следует выехать завтра утром, или, быть может, предварительно телеграфировать этому доктору Бейкеру?

Фэвелл коротко рассмеялся:

– Его нельзя отпускать одного. Я полагаю, что имею право настаивать на этом? Пошлите с ним полицейского инспектора Уэлча.

– Я считаю, что пока незачем впутывать в это дело инспектора. Если я обещаю вам поехать вместе с де Винтером, не оставлять его одного и

привезти его обратно сюда, удовлетворит ли вас это?

– Да, – сказал Фэвелл, – но на всякий случай я тоже хочу поехать с вами. Не возражаете?

– Считаю, что вы имеете на это право. Но со своей стороны, я требую, чтобы вы, если поедете с нами, были совершенно трезвы.

– Об этом не беспокойтесь. Я буду так же трезв, как судья, который через три месяца присудит Макса к смертной казни. Я полагаю, что показания доктора Бейкера, в конце концов, послужат на пользу мне.

– Ну что же, когда мы выезжаем?

– В котором часу вы сможете утром отправиться в путь, де Винтер? – спросил полковник.

– В любое время,

– В девять утра. Подходит?

– В девять, – подтвердил Максим.

– А как вы поручитесь, что он не удерет в течение ночи? Ему ведь только нужно вывести машину из гаража и сесть за руль.

– Достаточно ли вам моего слова? – обратился Максим к полковнику и, заметив его колебания, побледнел, и снова какая-то жилочка задержалась у него на лбу.

– Миссис Дэнверс, – сказал он, – когда миссис де Винтер и я поднимемся вечером в нашу спальню, пожалуйста, поднимитесь вслед за нами и закройте нашу дверь. А в семь часов утра, откройте ее снова.

– Да, сэр, – сказала миссис Дэнверс.

– Ну что же, все в порядке, и сегодня нам обсуждать больше нечего. Я буду здесь завтра утром ровно в девять часов.

– В вашей машине найдется место для меня, де Винтер?

– Да, конечно.

– А мистер Фэвелл последует за нами на своей, ведь так?

– Буду висеть у вас на хвосте, не сомневайтесь! – заверил Фэвелл.

Полковник подошел ко мне и пожал мне руку:

– Вы знаете, как я вам сочувствую, мне незачем этим объяснять. Советую вам пораньше лечь спать, завтра будет трудный день.

– Боюсь, что меня не пригласят здесь к обеду, – сказал Фэвелл, но ему никто не ответил. – Ну что ж, это значит, что я спокойно пообедаю и так же спокойно проведу ночь в своей гостинице.

Он подошел ко мне и протянул руку, но я, как упрямый ребенок, спрятала обе руки за спину.

– Все понятно, – сказал он. – Приходит гадкий человек и портит вам всю вашу веселую игру. Не беспокойтесь, вас еще ждет масса развлечений,

когда вами займется желтая пресса, и вы увидите в газетах заголовки: «Из Монте-Карло – в Мандерли. Воспоминания молодой вдовы убийцы: Желаю вам большей удачи в следующем браке». – Он помазал рукой Максиму. – Постарайтесь получше использовать ночь за запертой дверью, – сказал он и, наконец, вышел из комнаты.

– Я поеду с тобой, – сказала я Максиму. – Я хочу быть с тобой в Лондоне.

Он ответил не сразу:

– Да, нам нужно оставаться вместе.

Фрэнк вошел в комнату.

– Они уехали – полковник и Фэвелл. Что я могу для вас сделать? И, конечно, я хочу сопровождать вас к доктору Бейкеру.

– Это вовсе не нужно. Вам завтра нечего делать. Но послезавтра может возникнуть целая куча дел. А сегодня, Фрэнк, мы с миссис де Винтер хотим провести вечер вдвоем, хотим побыть одни. Вы поймете нас.

– О, конечно, спокойной ночи.

Когда он вышел, Максим направился ко мне, а я протянула к нему руки и обняла его. Я обнимала и ласкала его, старалась успокоить, как будто он был Джаспером, который расшибся где-то и пришел ко мне за утешением.

– Мы можем сесть вместе к рулю завтра. Джулиен не станет возражать.

– Нет. Завтрашняя ночь еще тоже будет принадлежать нам. Они не сразу предпримут какие-то меры. Я успею повидаться с нужными людьми: я бы хотел Хастингса – он лучший из адвокатов, или Биркета. Хастингс знал еще моего отца. Но мне надо рассказать ему всю правду. Адвокатам легче вести дело, когда они знают все до конца.

Дверь открылась, и вошел Фритс:

– Будете ли вы переодеваться к обеду, мадам, или можно сразу подавать?

– Нет, Фритс, сегодня мы не будем переодеваться.

Я помню мельчайшие подробности этого последнего вечера, проведенного в Мандерли. Помню все, что мы ели, помню, как горели высокие новые свечи в серебряных подсвечниках. Когда мы уже пили кофе в библиотеке, раздался телефонный звонок. На этот раз подошла я, и услышала голос Беатрисы:

– Я весь вечер пыталась к вам дозвониться, но это было невозможно.

– Мне очень жаль, – ответила я.

– Мы получили вечерние газеты и были страшно поражены всем

вашим делом. Что говорит по этому поводу Максим? Где он?

– У нас был здесь народ – полковник Джулиен и другие. Максим ужасной утомлен, а завтра утром мы едем в Лондон.

– Но зачем же?

– В связи с постановлением суда, но более точно я вам объяснить не могу. Это все ужасно неприятно, и эта огласка трудно переносима для Максима.

– Как нелепо решение суда, – чего ради Ребекка стала бы убивать себя? Это абсолютно непохоже на нее. Если бы я присутствовала в суде, я бы потребовала слова. Кажется, никто из вас не приложил никакого труда, чтобы добиться более разумного постановления. Максим, наверное, очень расстроен?

– Он очень переутомлен, и это ощущается сейчас больше всего.

– Где именно в Лондоне вы будете?

– Не знаю, пока еще не ясно.

– Я готова написать письмо судье и объяснить ему, что Ребекка не была способна на такой поступок, как самоубийство, и что, скорее всего, здесь действовал какой-то злоумышленник.

– Слишком поздно, Беатриса, этим уже ничего не добьешься.

Максим крикнул мне из библиотеки:

– Неужели ты не можешь отвязаться от нее? О чем она говорит?

– Я думаю обратиться к Дику Годольфину, он наш представитель в парламенте, и я хорошо с ним знакома. Пусть он поможет в этом деле.

– Это бесполезно, Беатриса, и я очень прошу, не старайтесь что-нибудь сделать. От этого станет только хуже, а не лучше.

– Я бы хотела поехать с вами в Лондон, но у Роджера высокая температура, а медсестра, которая находится при нем, – полная идиотка. Таким образом, мне нельзя отлучиться из дома.

(Благодарю тебя, Боже, что ее не было сегодня с нами, за то, что мы были избавлены, по крайней мере, от этого).

Телефонную связь прервали, и я вернулась в библиотеку. Через несколько минут телефон снова зазвонил, но я не реагировала. Я села у ног Максима и обняла его колени. Часы пробили десять. Максим поднял меня за плечи, обнял и прижал к себе. И мы прильнули друг к другу со страстью и отчаяньем, как любовники, связанные одним преступлением и еще никогда не целовавшиеся.

Утром я проснулась в шесть часов и выглянула в окно – был холодный и туманный день. Лето уже совсем кончилось, цветы увяли, и теперь нужно ждать целый год их нового расцвета. Я любовалась прекрасным садом, покоем и красотой природы Мандерли. Максим еще спал, и я не хотела будить его, помня, какой тяжелый день нам предстоит и что нас ждет полная неизвестность относительно дальнейшей судьбы. Где-то в огромном Лондоне живет некий доктор Бейкер, который держит в руках нашу судьбу, даже не зная о нашем существовании.

Я приняла ванну, и эта привычная процедура сразу настроила меня на деловой лад. Когда я уже начала одеваться, то услышала мягкие шаги возле двери, поворот ключа в замке. Шаги удалились. Это была миссис Дэнверс.

Она ни о чем не забыла. Те же мягкие шаги я слышала вечером, когда мы вошли в спальню. Она не стучала в дверь и вообще никак не привлекала к себе внимания. Просто мягкие шаги и поворот ключа в замке.

Кларисса принесла чай, и я разбудила Максима. Он взглянул на меня сонными детскими глазами и протянул ко мне руки.

Я достала свой чемоданчик и уложила туда несессер, ночную сорочку и туфли. Ведь легко могло случиться, что нам придется задержаться в Лондоне.

Мне показалось, что я очень давно не брала в руки чемодана, а между тем прошло всего четыре месяца, и на нем еще были багажные наклейки из Кале. Чтобы больше не возвращаться наверх, я сразу надела шляпу, взяла перчатки и направилась вниз. Туман начал подниматься, и солнечные лучи делали первые робкие попытки пробиться сквозь тучи.

У меня возникло ощущение, что я никогда больше не вернусь сюда и захотелось снова подняться, чтобы еще раз попрощаться со своей комнатой.

Но надо было спешить. Мы сели за завтрак, и в ту минуту как закончили его, услышали шум мотора машины, поданной к подъезду. Максим позвал меня из дома. Я вернулась и надела пальто, поданное мне Фритсом. Подъехала вторая машина, в которой сидел Фрэнк.

– Полковник Джулиен ждет вас у ворот, он счел излишним подъезжать сюда, – сказал Фрэнк, – я буду весь день в конторе и буду ждать вашего телефонного звонка. Возможно, что после вашего визита к доктору Бейкеру, я вам понадоблюсь для чего-нибудь в Лондоне.

– Все возможно, – ответил Максим.

Я взглянула на Джаспера, который жался к моим ногам и смотрел на меня укоризненными глазами.

– Возьмите, пожалуйста, с собой Джаспера, – сказала я Фрэнку, – он выглядит таким несчастным.

– Хорошо, возьму.

– Ну, нам надо ехать, иначе Джулиен будет недоволен нашим опозданием.

– Сейчас ровно девять, – сказал Фрэнк.

Я села в машину рядом с Максимом, а Фрэнк захлопнул дверцу.

– Вы ведь позвоните мне?

– Непременно, – ответил Максим и включил мотор.

Я в последний раз оглянулась: на ступенях лестницы стоял Фритс, а рядом с ним и Роберт. Глаза мои наполнились слезами, будто я навеки расставалась со всем этим.

Мы остановились у въездных ворот, и полковник Джулиен сел в нашу машину на заднее сиденье. Увидев меня, он как будто удивился.

– Вы знаете, нам предстоит очень трудный день, а вы могли бы остаться дома, так как о вашем муже я бы сумел позаботиться.

– Я сама захотела ехать, – ответила я.

– Фэвелл сказал, что будет ждать нас на перекрестке дорог.

Если его там не будет, не останавливайтесь. Думаю, что мы справимся гораздо лучше без него. Надеюсь, что он проспит и не явится.

Однако, когда мы достигли назначенного места, я видела зеленый корпус его машины и его самого, стоящего у дверцы. Он ухмыльнулся, увидев нас, и приветственно помазал рукой.

Я уселась поудобнее и положила свою руку на колено Максима. А затем потекли миля за милей по ровному гладкому шоссе к Лондону. Джулиен спал на заднем сиденье, открыв рот. А зеленая машина то опережала нас, то отставала, но ни на минуту не исчезала из поля зрения.

В час дня мы остановились у старинного придорожного отеля, чтобы позавтракать. Джулиен съел полный завтрак, начав с супа и рыбы и продолжив его ростбифом и пудингом. Максим и я поели холодной ветчины и выпили кофе.

Я думала, что следом за нами войдет и Фэвелл, но он не вошел, а когда мы вышли, я увидела его машину на противоположной стороне дороги у кафе, где он, по-видимому, находился. Очевидно, он следил за нами через окно, потому что как только мы двинулись, он возобновил свое путешествие и снова повис у нас на хвосте.

Около трех часов дня мы въехали в предместья Лондона, и тут я впервые почувствовала усталость. Шум и тряска машины вызвали шум у меня в голове. К тому же в Лондоне было жарко и очень пыльно. Видимо вчерашняя гроза прошла мимо Лондона и имела локальный характер.

— Здесь, видимо, не было дождя, — сказал полковник, — а он был как раз очень нужен.

Нам не удалось отвязаться от Фэвелла, он все еще сопровождал нас. Когда мы проезжали Хэмпстэд, Джулиен вытащил большую карту Лондона из своего портфеля и начал указывать Максиму дорогу. Когда мы достигли Барнета, то он начал поминутно останавливать машину и справляться у прохожих:

— Не знаете ли вы, где здесь дом, называемый Роузлэндс? Там живет некий доктор Бейкер, удалившийся от дел.

И в ответ мы слышали:

— Доктор Бейкер? Не знаю... Знаю доктора Дэвидсона.

— Роузлэндс? Нет, здесь есть Роузкоттедж, но там живет миссис Вильсон.

Я взглянула на Максима. Очень бледный, темные круги под глазами и твердо сжатые губы. Он явно очень устал, но не жаловался.

В конце концов почтальон указал нам нужный дом, мимо которого мы, оказывается, проехали уже дважды.

— Наконец, приехали, — сказал Джулиен. — И как раз во время вечернего чая. Подождем несколько минут, чтобы дать ему допить свой стакан.

Максим зажег сигарету и протянул мне свою руку.

— Ну, — сказал Джулиен, — теперь, пожалуй, пора.

— Я готов, — сказал Максим.

Джулиен позвонил у двери. Ее открыла миловидная горничная. Она удивилась, увидев сразу столько людей.

— Доктор Бейкер? Да, сэр, войдите, пожалуйста.

Несколько минут прошло в ожидании. Потом в комнату вошел мужчина с седеющими волосами и неприметной наружностью.

— Простите, что заставил вас дожидаться, но после игры в теннис со своими сыновьями мне надо было умыться, прежде чем спуститься к вам.

— Я должен извиниться перед вами за наше вторжение, — сказал полковник. — Мое имя Джулиен, вот миссис де Винтер, мистер де Винтер, а это мистер Фэвелл. Вы, вероятно, видели на днях в газетах имя де Винтера?

— Да, кажется, видел. Какое-то судебное расследование?

— Судья установил случай самоубийства, а я утверждаю, что этого

быть не могло. Я знал ее очень близко и утверждаю, что она никогда бы так не поступила, – сказал Фэвелл.

– Вы бы лучше предоставили вести переговоры мне и полковнику Джулиену. Ведь мистер Бейкер понятия не имеет о том, чего вы добиваетесь, – спокойно сказал Максим, а затем обратился к доктору:

– Кузен моей первой жены не удовлетворен судебным решением, а к вам мы приехали потому, что нашли в записной книжке моей жены запись о встрече с вами в последний день ее жизни и номер вашего телефона. Не могли бы вы проверить для нас эти данные.

Доктор Бейкер с сожалением покачал головой:

– Мне очень жаль, но я полагаю, что здесь вышла ошибка – я бы запомнил фамилию де Винтер.

Джулиен вынул из кармана листок, вырванный им из записной книжки Ребекки, и показал его доктору: свидание в два часа дня и номер телефона – Музеум 0488.

– Это все очень странно, – сказал Бейкер, – телефон правильный.

– Не могла ли она назваться чужой фамилией? – спросил Джулиен.

– Могло быть и так, хотя я, конечно, не одобряю такого поведения, – сказал Бейкер.

– Скажите, есть ли у вас какая-нибудь картотека или журнал записей, где вы могли бы это проверить для нас? Я прекрасно знаю, что неэтично задавать такие вопросы, но у нас случай исключительный – нам нужно установить, нет ли какой-нибудь связи между ее визитом к вам и последовавшим за этим самоубийством.

– Убийством, – поправил Фэвелл.

Доктор Бейкер взглянул на Максима и спокойно произнес:

– Я ведь не знал, о чем идет речь, а теперь я все понял и всячески готов помочь вам, сколько могу. Сейчас я принесу сюда записи, и мы вместе их разберем. Пока покурите, отдохните. Предлагать вам выпить, вероятно, еще не время.

У меня было впечатление, что Фэвелл хочет что-то сказать, но он не получил этой возможности, так как Бейкер вышел из комнаты.

– Мне кажется, что он порядочный человек, – сказал Джулиен.

– Почему он не предложил нам стаканчик виски с содовой. Наверное, держит их на замке. На меня он не произвел никакого впечатления, и нам он, конечно, ничем не поможет.

Доктор вернулся с большим журналом и картотекой.

– Я принес все материалы за прошлый год. Седьмого, восьмого, десятого... Вы сказали двенадцатого, в два часа дня? Вот!

Мы все застыли и молча смотрели на него.

– В два часа дня у меня была миссис Дэнверс.

– Дэнни! Как это могло случиться? – начал Фэвелл, но Максим прервал его и сказал:

– Вы припоминаете теперь этот визит, доктор?

Бейкер перебирал истории болезней в своей картотеке.

– Да, миссис Дэнверс. Я помню ее.

– Высокая, стройная и замечательно красивая? – спросил Джулиен.

– Да, сэр, да.

Затем Бейкер обратился к Максиму:

– Вы ведь знаете, вероятно, что профессиональная этика не разрешает нам выдавать наших пациентов, с которыми мы обращаемся, как священник с прихожанами в исповедалне. Но я согласен считать ваш случай исключением, поскольку ваша жена мертва, и вы хотите узнать от меня – дал ли ей мой диагноз какие-нибудь основания для самоубийства. Да! Женщина, которая назвала себя миссис Дэнверс, была очень тяжело больна.

Он замолк на мгновение и обвел нас всех глазами.

– Великолепно помню ее. Она пришла ко мне за неделю до этого дня, рассказала о своем недомогании, и я подверг ее рентгеноскопическому обследованию. В указанный вами день она пришла вторично, чтобы узнать результаты. У меня здесь нет рентгенограммы, но все занесено совершенно точно и подробно.

«Я хочу знать всю правду и не желаю, чтобы меня успокаивали лживыми надеждами. Я готова выслушать любой приговор».

Итак, она просила сказать ей правду, и я ей все сказал. С некоторыми пациентами нельзя обращаться иначе. Это не приведет ни к чему хорошему. А миссис Дэнверс, вернее, миссис де Винтер не принадлежала к типу людей, которых можно долго обманывать. Вы, вероятно, знали это. Она действительно не дрогнула, спокойно выслушала меня, заплатила за визит и также спокойно ушла. Больше я ее никогда не видел.

В тот момент боли, которые она испытывала, были еще незначительными, но область поражения была очень велика. Больная была уже неоперабельна. В таких случаях ничего не остается делать, как вводить морфий и ждать конца. Я прямо сказал ей, что через три-четыре месяца ей придется начать вводить морфий и так до самого конца.

Внешне она выглядела вполне здоровой женщиной, правда, худой и бледной, но, к сожалению, такова нынешняя мода. При просвечивании у нее также был обнаружен загиб матки, из-за которого она никогда не смогла

бы иметь ребенка. Но это было вовсе не связано с ее болезнью и уже не могло иметь для нее значения.

Полковник Джулиен высказал благодарность за такую подробную информацию и спросил, нельзя ли получить выписку из истории болезни, если она понадобится.

– Безусловно, можно, – ответил доктор Бейкер, – безусловно. Куда мне следует послать эту копию?

– Возможно, что она не понадобится. В противном случае я или де Винтер напишем вам об этом.

– Я очень рад, что смог помочь вам, – сказал Бейкер, – мне и на ум не приходило, что мисс Дэнверс и миссис де Винте – одно лицо.

– Да, конечно, – ответил Джулиен, – очень, очень вам благодарны. Прощайте.

И мы вышли из домика врача и остановились возле своих машин.

Фэвелл позеленел, и руки у него тряслись так, что он не мог зажечь спичку. Вдруг он повернулся к нам и дрожащим голосом спросил:

– Эти раковые болезни, знает ли кто-нибудь из вас, они заразны?

Никто не ответил ему. Он продолжал:

– У меня никогда не было ни малейшего подозрения, и она тщательно скрывала все, даже от меня и от Дэнни. Для меня это ужасный удар. Я вне себя, необходимо выпить. Рак! Боже мой!

– Не проще ли нам сейчас разъехаться в разные стороны, – спросил его Максим. – Скажите, в состоянии ли вы вести свою машину или нужно попросить Джулиена, чтобы он вас заменил?

– Одну минуту, – сказал Фэвелл, – я сейчас приду в себя, для меня это ужасный шок.

– Ради бога, возьмите себя в руки, – сказал Джулиен, – если вам так уж необходимо выпить, вернитесь в дом мистера Бейкера. Полагаю, что он знает, как бороться с шокowymi состояниями, а на улице нечего устраивать демонстрации.

– Вам-то, конечно, хорошо. Вы добились того, что вам было нужно, а Бейкер еще и напишет все это для вас черным по белому. Теперь вы, Джулиен, можете, по крайней мере, раз в неделю обедать в Мандерли и, я уверен, что вас пригласят в крестные отцы к первому же ребенку.

– Поедем, – сказал Джулиен Максиму. – Мы можем составить наши дальнейшие планы по пути. А вам, – обратился он к Фэвеллу, – я бы советовал поехать к себе домой и лечь в постель. Будьте очень осторожны на улице, а то угодите в тюрьму за убийство. И еще кое-что я вам хочу сказать. Как должностное лицо я имею некоторые права, которыми

немедленно воспользуюсь, если вы вернетесь в Керритс или его окрестности. Шантаж – не очень почетное занятие. В нашей стране знают, как бороться с шантажистами. Так как я вас, вероятно, больше не увижу, то счел необходимым предупредить вас об этом.

Фэвелл взглянул на Максима:

– А вы оказались в выигрыше, Макс, и думаете, что совсем избавились от меня и от закона. Но я сумею справиться с вами, сумею одолеть вас.

– Если вы хотите еще что-нибудь сказать, говорите сейчас.

– Нет, я не буду вас сейчас задерживать, поезжайте! – И он насмешливо помахал нам рукой.

– Он ровно ничего не сможет сделать, – сказал Джулиен. – Эта издевательская улыбка и жест рукой были частью его блефа. Все эти парни одинаковы. У него нет никакой надежды возбудить против вас дело, и он сам это отлично знает. Я предчувствовал, что все объяснения мы получим от Бейкера. Страшная штука – эти злокачественные опухоли. И вполне достаточно того, что знала миссис де Винтер, чтобы молодая красивая женщина решилась на отчаянный шаг. Я думаю, вам самому это никогда не приходило в голову, де Винтер.

– Нет, – ответил Максим, – никогда.

– Ваша жена была очень смелой женщиной и ничего не боялась, кроме медленной и мучительной смерти. И она решила избавиться от такого конца. Предполагаю потихоньку и исподволь рассказать обо всей этой печальной истории в Керритсе и в округе, чтобы прекратить возможные сплетни. Очень досадно, что в сельских местностях так любят сплетничать. Люди любят распространять самые невероятные слухи, лишь бы для этого был маленький повод.

Газеты вряд ли будут и дальше заниматься вами. Через день-два все замолкнут.

Сейчас половина седьмого, что вы думаете предпринять дальше? Я думаю заехать к своей сестре – пообедать у нее, а затем последним поездом уехать домой. Она будет очень рада, если вы оба заедете вместе со мной и тоже отобедаете у нее.

– Я очень благодарен вам, – сказал Максим, – но, пожалуй, мне сегодня не хочется обедать в гостях. Необходимо поговорить с Фрэнком, который весь день сидит у телефона и ждет моего звонка. Я думаю, что мы пообедаем в ресторане, переночуем в гостинице и утром вернемся к себе.

Максим повел машину к дому, указанному Джулиеном, и на прощанье сказал ему:

– Невозможно выразить словами благодарность, которую я испытываю

к вам за все то, что вы для меня сделали.

– Поверьте мне, – прервал его Джулиен, – вам следует постараться забыть обо всей этой мрачной истории. Уверен, что Фэвелл больше не будет вас беспокоить, а если ему вздумается снова появиться, сейчас же сообщите об этом мне, и я уж сумею с ним расправиться раз и навсегда.

Советую вам устроить себе короткий отпуск, например, съездить за границу для того, чтобы отдохнуть и рассеяться. В Швейцарии в это время года очень хорошо. А кроме того, как только вы уедете, сейчас же прекратятся всякие сплетни по вашему адресу. Старая поговорка верна – с глаз долой – из сердца вон. А ведь мистер Тэбб мог наболтать много всякого вздора, который и служит темой для местных сплетников.

Он собрал свои вещи – пальто, трость, портфель, очки – и сказал:

– Комплект полный. От души желаю вам обоим всего хорошего. Отдохните и ни о чем больше не тревожьтесь.

Мы остались в машине одни, и Максим вновь включил мотор. Мы не говорили между собой, но его рука все время прикрывала и согревала мою.

Я не смотрела по сторонам. Машина остановилась перед маленьким рестораном в одном из узких переулков Сохо.

– Ты утомлена и голодна. Обед пойдет тебе на пользу и мне также. И насчет выпивки Фэвелл был прав, нам нужно выпить бренди. Когда мы пообедаем, мы больше не будем спешить. Где-нибудь по дороге мы остановимся в гостинице и переночуем там, чтобы утром выехать в Мандерли. Ты ведь не захотела бы обедать у сестры Джулиена и поздно ночью возвращаться на поезде. Нет?

Максим допил бренди и взглянул на меня. Его глаза в темных кругах утомления казались очень большими на бледном лице.

– Как ты думаешь, – спросила я, – многое ли знает и о многом ли догадывается Джулиен?

– Думаю, что он знает, безусловно, знает. Но никогда ни слова не скажет.

Он заказал себе еще бренди и медленно произнес:

– Теперь понятно, что Ребекка нарочно стараюсь взбесить меня и для этого лгала. Это был ее последний блеф. Она хотела, чтобы я выстрелил в нее, и вот почему она смеялась, умирая и глядя мне в глаза. Это была ее последняя шутка, и я до сих пор не уверен, что она не выиграла в нашей долгой борьбе.

– Как она могла выиграть? Что ты хочешь этим сказать?

– Не знаю, не знаю, а сейчас пойду звонить Фрэнку.

Я начала есть поданного мне омара и наслаждаться тишиной, думая

про себя: Ребекка сделала свою последнюю игру, и больше ничем уже не может нам повредить. Она побеждена уже навсегда.

Через десять минут Максим вернулся.

– Ну, и как Фрэнк?

– Фрэнк в порядке, очень обрадован моим сообщением. Но случилось что-то странное – миссис Дэнверс исчезла, и ее не могут найти. Она никому ничего не сказала, но, видимо, укладывала свои вещи с самого утра. Затем по ее вызову приехал агент с вокзала и около четырех часов увез весь ее багаж,

Фритс сообщил об этом Фрэнку, а Фрэнк просил его передать миссис Дэнверс, чтобы она пришла к нему в контору. Он ждал ее, но она так и не появилась. За десять минут до моего звонка Фритс сообщил Фрэнку, что миссис Дэнверс вызвали к телефону, и она говорила с кем-то. Это было, вероятно, в начале седьмого. Без четверти семь он постучал в дверь к миссис Дэнверс и нашел ее комнаты пустыми. Очевидно, она ушла прямо через лес, потому что мимо домика привратника и через ворота она не проходила.

– По-моему, это очень хорошо, – сказала я. – Нам все равно нужно было с ней расстаться.

– А мне это не нравится, – ответил Максим, – совсем не нравится.

– Но она ничего не может нам сделать. Вероятно, ей позвонил Фэвелл, рассказал все относительно доктора Бейкера и высказывание Джулиена по поводу шантажа. Они просто испугались и предпочли исчезнуть. И нам они уже не могут навредить.

– Я думаю не о шантаже, – сказал Максим.

– А что же еще они могут нам сделать?

– Нам нужно последовать совету Джулиена и постараться обо всем забыть. И на коленях благодарить Бога за то, что все это закончилось.

– Обед стынет, Максим, а ты очень нуждаешься в нем.

Я чувствовала себя лучше и спокойнее после того, как поела.

Я больше не буду ни робкой, ни застенчивой, подумала я про себя. Вернусь домой и возьму в руки все хозяйство. И скоро всем покажется, что так было всегда, и никто даже и не вспомнит о миссис Дэнверс.

– Я уже сыт, – сказал Максим, – и хочу только кофе, очень крепкого, черного, и счет, пожалуйста, – сказал он официанту.

Я пожалела, что он не захотел посидеть в ресторане еще немного, и нехотя последовала за ним к машине.

– Я надеюсь, ты сможешь заснуть в машине на заднем сиденье, если я заверну тебя в плед и уложу.

– Я думала, что мы останемся ночевать где-нибудь в гостинице.

– Так я предполагал раньше. Но теперь у меня такое чувство, что нужно торопиться домой, что без меня там что-то случилось. Сейчас без четверти восемь, и к половине третьего мы сможем быть дома.

Он закутал меня в плед, уложил на подушки на заднем сиденье и сам сел за руль.

Я уснула и видела легкие приятные сны, а потом проснулась.

– Который час? – спросила я.

– Половина двенадцатого, и мы уже приехали половину дороги. Постарайся снова заснуть.

– Я очень хочу пить.

Он остановил машину в ближайшем населенном пункте. Работающий в гараже мастер сказал нам:

– Моя жена еще не спит, она сейчас подаст вам чай.

Я жадно выпила его, а Максим нетерпеливо поглядывал на часы. Мы были снова в пути, и я опять задремала. Но теперь мне уже снились какие-то страшные сумбурные сны – в вашем прекрасном парке уже ничего не росло, не было цветов, не было и Счастливой долины. Везде был хаос нерасчищенного леса, разрослись сорняки, крапива. И вместо веселых птичьих голосов слышалось только уханье совы.

– Максим! – закричала я, – Максим!

– В чем дело? Я здесь, с тобой.

– Меня мучают кошмары, я не хочу больше лежать здесь и спать. Я сяду рядом с тобой. Который сейчас час? Двадцать минут третьего? Как странно, что холмы впереди кажутся розовыми, как будто уже наступил восход солнца.

Я продолжала наблюдать небо, которое с каждой минутой становилось все розовее и розовее.

– Северное сияние видно ведь зимой, а не летом, – удивилась я.

– Это не северное сияние, это – наше Мандерли.

Я взглянула ему в лицо, выражение его глаз испугало меня.

– Что это такое, Максим, что это?

Он гнал машину на предельной скорости, и мы уже въехали в Лэнион. Перед нами лежал залив, но на том месте, где прежде стоял наш дом, бушевало огромное пламя, и горизонт выглядел ярко-красным, словно он был залит кровью. Огромные языки пламени взмывали к небу, и до нас уже долетали клочья саж, принесенные соленым морским ветром.